В. К. Падерин

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

В. К. ПАДЕРИН

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1987

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Казанского университета

Научный редактор доц. *Э. С. Рахматуллин*

Рецензенты: доктор философ. наук профессор *Ю. Г. Волков* (Ростовский ун-т), доц. *Р. С. Хакимов* (Казанский ин-т культуры)

В монографии рассматривается роль общественного мнения в политической системе советского общества. Анализируется многогранная деятельность КПСС по высокоэффективному выявлению, учету и использованию общественного мнения в практической деятельности.

Рассчитана на преподавателей и студентов гуманитарных вузов, партийных, советских и хозяйственных работников.

П $\frac{0303000000-053}{075(02)-87}$ 4—88

ВВЕДЕНИЕ

Одна из особенностей социалистического общества состоит в активном развертывании творческих функций общественного мнения, раскрытии во всей полноте его созидательной природы. Этот процесс является результатом развития социалистической демократии, распространения ее принципов на все сферы жизнедеятельности людей, роста культуры и сознательности трудящихся, повышения значимости духовного, идеологического фактора в жизни общества и, в конечном итоге, выступает отражением возрастания роли народных масс в истории.

Если говорить о стимулах изучения роли общественного мнения в политической жизни советского общества, то можно назвать ряд моментов. Прежде всего, проблема эта приобретает особое значение в обстановке практического осуществления курса апрельского (1985 г.) Пленума, XXVII съезда КПСС на ускорение, означающего качественную перестройку всех сторон общественной жизни. Являясь объективно необходимой и назревшей, перестройка неразрывно связана с дальнейшей демократизацией советского общества, углублением социалистического самоуправления народа и предполагает повышение роли общественного мнения в целом, а также весомости общего мнения каждого трудового коллектива. Решение данной задачи требует глубокого научного анализа специфики функционирования общественного мнения в советской политической системе, изучения тех реальных противоречий и препятствий на пути максимального использования возможностей общественного мнения в решении вопросов политической жизни, которые здесь существуют, что закономерно сопряжено с пересмотром некоторых устоявшихся об этом процессе представлений. Это, в свою очередь, позволит не только оценить эффективность функционирования институтов политической системы, но и наметить конкретные пути совер-

шенствования, наполняя их деятельность подлинно демократическим содержанием, повышая эффективность форм социального контроля «снизу».

Важно сделать все, чтобы советские люди яснее осознавали тесную связь своих повседневных дел с ключевыми задачами совершенствования социализма, ускорения социально-экономического развития общества. Учет общественного мнения, опора на него являются необходимым условием нормальной и эффективной деятельности всех политических институтов. Таким образом, интерес к вопросам функционирования общественного мнения в советской политической системе диктуется задачами совершенствования советского политического механизма. В этой связи «партия будет неуклонно проводить линию на **демократизацию управления, процесса выработки и принятия государственных решений,** обеспечивающую выбор их оптимальных вариантов, учет и сопоставление различных мнений и предложений трудящихся» [1].

Еще одна причина актуализации рассматриваемой проблематики связана с человеческим фактором, необходимостью создания благоприятных условий для его активизации. Ускорение — это дело каждого советского человека, оно немыслимо и невозможно без дальнейшего совершенствования и развития социалистической демократии, всех ее сторон и проявлений, в том числе системы учета и реализации мнений людей. Поэтому необходимо так ее отрегулировать в масштабах области, республики, страны в целом, чтобы ни одно ценное предложение относительно совершенствования работы того или иного политического института не было утрачено, чтобы оно могло быть в любое время затребовано и использовано в интересах дела. И это весьма актуальная задача, имеющая большое значение для выработки у людей нового мышления, характеризующегося реалистичностью, адекватными оценками происходящих в общественно-политической жизни процессов, чуждого легковесных и абстрактно-схоластических представлений о них, предполагающего конструктивную (на марксистско-ленинской идеологической основе) критику недостатков и активную, смелую поддержку нового, которое хотя порой и не укладывается в старые схемы и представления о социализме, но соответствует современным требованиям [2], способствует ускорению обществен-

ного развития, включающего убежденность в объективной необходимости перестройки, готовность ее осуществлять. Хорошая постановка дела учета и реализации мнений людей способна во многом повлиять на повышение их политической активности.

Советское общество имеет достижения во всех сферах жизнедеятельности. Его образ жизни, принципиально отличаясь от буржуазного и являясь образом жизни действительно достойным человека труда, вместе с тем имеет и негативные явления, о которых наша партия, верная ленинским традициям, честно и прямо сказала на своем XXVII съезде [3], а также наметила конкретные пути их преодоления. Одни из них можно решить, лишь преодолев существенные различия между городом и деревней, представителями умственного и физического труда, классами и т. д. Что касается других (например, отставания действий партийных и государственных органов от требований времени, самой жизни; устаревших методов руководства, стремления улучшить положение дел, ничего не меняя; нарушения принципов коллективности, гласности; отсутствия критики и самокритики; размена живой организаторской работы на говорильню на бесчисленных заседаниях и совещаниях и т. п.), то они могут быть во многом устранены с помощью создания вокруг них соответствующего общественного мнения.

Конечно, необходимо ясно отдавать себе отчет в том, что повышенный интерес к вопросам общественного мнения обусловлен не столько его возможностями в борьбе с явлениями, чуждыми политическим, правовым и нравственным нормам социализма, и тем более не с угрожающими размерами их распространения, сколько со стремлением шире использовать этот канал для еще большего упрочения основ, на которых зиждется социалистический образ жизни, повышения политической культуры каждого советского человека.

Определенную роль в актуализации рассматриваемой в работе проблемы сыграла и современная идеологическая ситуация, и, в частности, резкое обострение борьбы между капитализмом и социализмом. Сталкиваясь с ослаблением своих позиций в мире, проигрывая битву за умы и сердца людей, империализм стремится во что бы то ни стало переломить эту историческую тенденцию. На рубеже 70-х и 80-х годов, сделав ставку на

отставание СССР и явно недооценив возможности социализма, он повел на него развернутую атаку, широко используя при этом весь арсенал методов и средств ведения «психологической войны», среди которых немаловажное место занимает инспирирование общественного мнения, создание и распространение враждебных социализму слухов, оценок и суждений. Не останавливаясь подробно на целях, преследуемых силами реакции, которые весьма многоплановы, отметим, что одна из них заключается в подрыве и расшатывании советской политической системы.

Известно, что клевета, подобно змее, имеет раздвоенное жало. У нынешних «советологов» в интересующем нас плане прослеживаются по меньшей мере две линии.

Во-первых, они сосредоточивают усилия на извращении сущности советской политической системы, роли и места КПСС в коммунистическом строительстве. С помощью всякого рода приемов они пытаются «доказать», что советская политическая система относится к системам антидемократического, тоталитарного типа, исключающим возможность участия общественного мнения в их функционировании.

Вторая очевидная цель многочисленной армии буржуазных «советологов» (в одних только Соединенных Штатах Америки насчитывается около 140 таких «центров») — показать превосходство буржуазных политических режимов над советским политическим механизмом, отвлечь внимание трудящихся, общественного мнения от кризисных явлений, поражающих буржуазные институты власти, политические партии, скрыть отчетливо проявившиеся в последние годы тенденции к слиянию государственного аппарата с монополиями, его бюрократизацию и милитаризацию, упадок роли и значения центральных и местных представительных учреждений, рост полномочий исполнительных органов государственной власти, развернутое наступление на общественность, подчинение личности всеохватывающему государственному контролю, формальное и фактическое нарушение ее прав и свобод.

Соответственно, важно показать действительное место и роль общественного мнения в советской политической системе, подвергнуть критике наиболее типичные антикоммунистические извращения в этом плане. Заме-

тим, что это не основная, а параллельная задача данной работы.

Анализ проблемы, актуальность которой во многом обусловливается перечисленными обстоятельствами, предполагает рассмотрение степени ее изученности, состояния научной разработки. Исследование общественного мнения имеет определенные традиции. Существует довольно обширная марксистская — как советская, так и зарубежная — литература по общественному мнению. Особенно стремительно растет число работ, посвященных его изучению, со второй половины пятидесятых годов. В разных аспектах общественное мнение изучается представителями философии, этики, эстетики, логики, историками, юристами и социологами. Обращает на себя внимание то, что одни авторы предпочитали идти традиционным дедуктивно-умозрительным путем, а другие стали сочетать теоретический подход с конкретно-социологическими исследованиями. Отчетливо этот процесс наметился в шестидесятые годы. Одновременно расширяется проблематика исследований, намечаются магистральные направления изучения этого сложнейшего образования. Одним словом, шел период активного накопления материала о природе, структуре, функционировании, объекте и субъекте общественного мнения, обобщения и осмысления положительного и отрицательного опыта его социологического изучения, который закономерно привел к качественно новому уровню понимания этого явления, ознаменовавшемуся работами А. К. Уледова, Б. А. Грушина [4]. Эти исследования оказали большое влияние на позиции других ученых, занимающихся этой тематикой, создание теории общественного мнения.

Важной вехой на пути изучения проблемы явилась деятельность созданного в мае 1960 года при газете «Комсомольская правда» института общественного мнения. За время своего существования он провел на высоком профессиональном уровне большое количество социологических исследований, послуживших стимулом для разработки многих нерешенных или недостаточно ясных вопросов теории общественного мнения.

В последующие годы изучение общественного мнения поднялось на качественно новую ступень. Это проявилось в более глобальной и крупной постановке проблем,

в смелом «нарушении» междисциплинарных границ, своего рода «ведомственных барьеров», при его анализе, что согласуется с тенденцией к интеграции современного научного знания. В это время появляются работы, посвященные воздействию общественного мнения на государственное управление [5], его месту и роли в политической жизни советского общества [6]. Выходит монография, в которой на основе крупнейшего в марксистской социологии комплексного и многолетнего исследования (1967—1974 гг.) «Общественное мнение», проведенного в Москве, Ростове-на-Дону и Таганроге, разработана научная концепция массовой информации [7]. Не остался без внимания и глубокого анализа и такой аспект проблемы, как роль партийных организаций в отражении и формировании общественного мнения [8]. Публикуются книги, в которых предпринимаются попытки исследования закономерностей функционирования и развития общественного мнения советского общества [9].

В зависимости от тематики можно дать следующую классификацию работ по общественному мнению. Это прежде всего исследования общеметодологического, теоретического характера, в которых рассматриваются вопросы сущности социалистического общественного мнения, структуры, форм проявления, качественно-количественных характеристик, а также определяющих его обстоятельств, закономерностей формирования и развития [10].

Довольно многочисленны работы, в которых исследуется роль общественного мнения в экономической, политической, духовной и семейно-бытовой сферах жизни советского общества [11]. При анализе подобного рода исследований обращают на себя внимание два обстоятельства. Первое связано с тем, что внимание исследователей общественного мнения больше всего обращено на экономическую и духовную сферы, особенно последнюю. Вопрос о роли общественного мнения в области семейно-бытовой исследован в меньшей степени в силу сложности проникновения общественности в сферу частной жизни. Долгое время эта область считалась «запретной», соответственно, общественность практически перестала ее контролировать, что привело (разумеется, наряду с другими причинами) к появлению в ней ряда отрицательных тенденций и моментов (нестабильность семейных отношений, сочетающаяся с легковесным от-

ношением к своим супружеским обязанностям, снижение ответственности за воспитание детей). Сегодня наша партия ставит вопрос по-иному, а именно, о тактичном, умном общественном влиянии на укрепление устоев семьи, исключающим, конечно же, бесцеремонное вмешательство в личную жизнь, о создании такого нравственного климата в этой сфере, когда всякое отступление от социалистических нравственных и правовых норм считалось бы вызовом общественному мнению [12].

Еще в меньшей степени изучен вопрос о роли общественного мнения в политической системе советского общества, что связано с тем, что в последнее десятилетие сама эта проблематика находилась в процессе активного освоения.

Второе обстоятельство, которое обращает на себя внимание, связано с веяниями моды. Многие авторы публикаций и кандидатских диссертаций, как справедливо замечает М. К. Горшков, «высказавшись в одной-двух работах... переключаются на исследование других проблем. В результате, как это ни парадоксально, сейчас едва ли наберется десяток ученых, которые отличались бы постоянством в изучении общественного мнения. По этой причине многие важные проблемы выпадают из поля зрения исследователей» [13].

Эти два указанных обстоятельства вместе с исключительной сложностью самого общественного мнения, которое, подчас, с трудом поддается прямым, научно значимым определениям, привели к тому, что вопрос о его месте и роли в политической системе советского общества остается еще недостаточно исследованным.

Не обойдены вниманием исследователей и вопросы, касающиеся организации и методики проведения опросов общественного мнения различных групп населения, а также способов и приемов объяснения полученных данных [14].

И наконец, необходимо выделить работы, посвященные критике буржуазных концепций общественного мнения, а также критическому анализу опыта его изучения в ведущих капиталистических странах [15]. В этом плане особо выделяются работы отдела изучения общественного мнения института США и Канады.

Анализ имеющейся литературы показывает, что в области изучения общественного мнения отчетливо проявилась такая особенность развития современного науч-

ного знания, которую обычно называют «информационным взрывом». В то же время здесь имеется ряд недостаточно исследованных вопросов. К ним, как уже отмечалось, относится исследуемая в книге проблема. Исходя из состояния ее изученности, степени решения содержательно-теоретических, методологических сторон, а также практических требований, в работе основное внимание уделяется недостаточно исследованным ее аспектам, и в первую очередь тем, на необходимость исследования которых особое внимание обратил XXVII съезд КПСС, предпринимается попытка найти новые подходы и по-иному взглянуть на вопросы, ставшие уже традиционными в теории общественного мнения.

Соответственно, целью работы является анализ места и роли общественного мнения в политической системе советского общества, противоречий между его возможностями и активностью в структуре власти. При этом автором поставлены следующие задачи: рассмотреть общественное мнение как систему; показать его место в политической системе и функциональное соотношение с последней; изучить и оценить возможности общественного мнения как источника политической информации, показать его роль в социальном управлении и политическом прогнозировании; обобщить имеющийся опыт извлечения, научного анализа и реализации политических данных, содержащихся в общественном мнении; выработать практические рекомендации, направленные на совершенствование системы учета и использования пожеланий общественности в практике политической деятельности, то есть организационной стороны постановки дела изучения общественного мнения. При этом большое внимание уделяется диалектике взаимодействия общественного, коллективного и личностного мнений.

Реализуя поставленные задачи в социально-политическом плане, автор широко использует данные других общественных наук (исторического материализма, социальной психологии и др.), специальных социологических теорий: социологии общественного мнения, теории систем, марксистско-ленинской теории политики, социологии организации и других, что отвечает требованиям комплексного подхода к изучению общественных проблем, на продуктивность и важность широкого использования которого указывалось в постановлении ЦК КПСС «О журнале «Коммунист» [16].

Теоретической и методологической основой работы являются труды классиков марксизма-ленинизма, Программа КПСС (новая редакция), материалы XXVII съезда партии, решения апрельского (1985 г.), октябрьского (1985 г.), январского (1987 г.), июньского (1987 г.) Пленумов ЦК КПСС, выступления М. С. Горбачева и других руководителей партии и Советского государства по вопросам дальнейшей демократизации советского общества, углублеиня социалистического самоуправления народа.

Наиболее адекватным методологическим принципом исследования поставленной проблемы является диалектический метод, дающий возможность научного анализа происходящих в советской политической системе процессов во всей их сложности и противоречивости, обязывая придерживаться четких классовых позиций, мировоззренческой и методологической принципиальности.

РАЗДЕЛ I

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ — ЦЕЛОСТНАЯ ДИНАМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА. ДИАЛЕКТИКА ИНДИВИДУАЛЬНОГО, КОЛЛЕКТИВНОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЙ

Глава 1

МНЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ: СУЩНОСТЬ, ДЕТЕРМИНАНТЫ, ВОЗМОЖНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ *

Мнения личности исключительно многообразны и представляют собой совокупность оценочных отношений к политическим, экономическим, духовным, семейно-бытовым и иным вопросам, затрагивающим ее интересы, выраженных в словесном виде или в действиях.

Индивидуальные мнения — это исходные «элементы», с которых начинается и из множества которых слагается коллективное и общественное мнение. Исходные, но далеко не простые по своей внутренней организации. Индивидуальные мнения — это целая система оценочных суждений — явных или скрытых, выраженных вербально и невербально, в виде действий, причем система целостная, исключительно динамичная, «открытая», т. е. постоянно обменивающаяся информацией с окружающей ее микро- и макросредой. Их характер, интенсивность выражения и весь строй зависят от тех реальных обстоятельств, в которых люди живут, от богатства форм их

* Мнения могут изучаться на уровнях личности, коллектива, класса, общества в целом, но в действительности все они переплетены, представляют собой единое целое. Поэтому мнения, рассматриваемые на более абстрактных уровнях, не могут быть поняты без знания смысла и содержания мнений и ценностей личности. Соответственно, при характеристике мнений различных социальных групп необходимо учитывать весь комплекс характеристик мнений личности.

жизнедеятельности в труде, в сфере общественно-политической, быта и свободного времени, а также от их индивидуальных особенностей. Даже не проводя специальных исследований, легко убедиться в том, что мнения и оценки одних людей более компетентны, чем других; что суждения третьих в большей мере пронизаны жизнеутверждающим оптимизмом, нежели четвертых и т. д. и т. п.

Несомненно, и это давно обнаружили исследователи, влияние на мир мнений личности ее потребностей, интересов, опыта, убеждений, идеалов, иерархии ценностей, а также настроений, эмоций и чувств. Однако важна не сама по себе констатация этого факта, а выяснение причин, придающих суждениям личности ту или иную окрашенность и направленность, определенную целостность. При ответе на этот вопрос встречаются два подхода. Один состоит в простой фиксации роли и значения перечисленных образований в формировании мнений личности и их рассмотрении не во взаимной связи, координации и субординации, а в простом перечислении. Разумеется, статический подход имеет право на существование. Более того, на определенном уровне развития представлений о внутренней структуре мнений личности он неизбежен. Его разновидностью является анализ только какой-то одной связи, например, зависимости между социальной ролью личности (или такими понятиями теории социальных ролей, как статус, позиция, ожидание, конфликт ролей и т. д.) и ее мнениями, ценностными ориентациями, складом мыслей и мнениями человека и т. д. и т. п.

Однако в силу того, что он рассматривает мир мнений личности в предельном отвлечении от реально функционирующих мнений и слишком абстрактен, более предпочтителен подход, который позволяет сочетать аналитическую и интегративную тенденции при рассмотрении мнений личности, функционирующих в тот или иной период времени, учесть их динамизм, понять механизмы взаимосвязи и взаимодействия между собой сложнейших духовных образований в процессе их влияния на индивидуальные мнения, причем не изолированно, каждого самого по себе, а в единстве и целостности.

Трудности на пути реализации второго подхода во многом связаны с недостаточной разработанностью некоторых вопросов теории личности. Кроме того, изуче-

ние мира мнений в личности затруднено и тем, что различные науки порой активно оспаривают друг у друга право на изучение проблемы личности. «Существует неправильная тенденция, — справедливо отмечает Е. А. Ануфриев, — приписывать той или иной науке монопольное право изучать личность или ее отдельные стороны»[17]. В конечном счете это приводит, во-первых, к тому, что представители различных отраслей знания дают собственные трактовки личности, не принимая подчас во внимание достижения других наук, и, во-вторых, дискуссии по поводу прав той или иной науки на эту проблематику приобретают порой самодавлеющий характер, занимают массу времени, которое могло бы быть затрачено с пользой на изучение тех вопросов, которые продиктованы практикой, логикой развития самой жизни. Отсюда становится понятной ситуация, когда пробелы теории личности пытаются восполнить не специалисты в области обществоведения, со всеми вытекающими отсюда последствиями[18].

В силу того, что проблемой личности интересуются и активно занимаются многие общественные дисциплины, подчас высказываются предложения об объединении всей проблематики, связанной с личностью под эгидой одной, специально созданной для этого науки. «Если принять это предложение,— пишет Е. А. Ануфриев,— то обществоведение может утратить свою «душу». Оно лишится гуманистического содержания...»[19].

Из сказанного следует, что проблема личности, равно как и проблема ее мнений, должна изучаться комплексно, различными науками, в том числе и научным коммунизмом.

Известно, что в личности, как в фокусе, преломляются общественные отношения, что всем без исключения людям присуще своеобразное сочетание общего (обусловленного принадлежностью к формации), особенного (детерминированного классовой, партийной, национальной и иной принадлежностью) и индивидуально-неповторимого (связанного с квалификацией, образованием, культурой, широтой связей с обществом, семейным положением, особенностями структуры личности и т. д.). Каждая личность является также носителем каких-то моментов прошлого, настоящего и элементов будущего. Все это находит отражение в ее мнениях и, на первый взгляд, затрудняет анализ мира мнений личности. Дей-

ствительно, если при их изучении ориентироваться только на индивидуальные особенности, то это не позволит выйти за рамки случайного и выявить закономерности, которым подчиняется этот переливчато-неуловимый хаос индивидуальных оценок, его организующее начало.

Решение вопроса о мнениях личности связано с анализом конкретно-исторических форм ее существования, с социальной типизацией (типологией) личности, которая позволяет в этом многообразии найти главное, решающее, определяющее.

В качестве основания для выявления социально-типического в личности выступает принцип, прием сведения индивидуального к социальному. Определяющим и исходным, но, разумеется, не единственным основанием для подобного рода типизации выступает классовая принадлежность. Основаниями, на базе которых возникают и формируются определенные социальные типы личностей, выступают также национальная, социально-территориальная, профессионально-квалификационная, социально-демографическая принадлежность людей, мера и направленность их общественной активности. Однако, сколь большое воздействие ни оказывали бы эти факторы на социальный облик людей, сами по себе они ни о чем не говорят и ничего не объясняют, если берутся вне связи с классовой принадлежностью.

Классовое играет ведущую роль и значение, является главным, определяющим моментом, влияющим на формирование социально-типического в человеке. С критерием «классовая принадлежность» тесно связано такое основание типизации личности, как партийная принадлежность, которое является производным от первого и оказывает существенное влияние на весь ее образ мыслей, строй оценок и мнений. Интересная в этом плане мысль содержится в работе Х. Ф. Сабирова «Человек как социологическая проблема». «Все многообразие социальных групп, — указывается в работе, — можно разделить на два больших разряда: на социальные группы, возникшие независимо от сознания и желания самих людей» (класс, народность, нация, семья) и «возникшие как результат сознательной деятельности людей» (политические и общественные организации) [20]. Поэтому, когда исследуется роль мнений в политических системах различных типов, — этот момент никак не может игнорироваться.

Соответственно, обращение к проблеме типологии партий во многом облегчает сопоставительный анализ и оценку действительной роли общественного мнения в жизни различных обществ.

Именно классовая принадлежность сплачивает воедино оценочные суждения людей, придает им ту или иную окрашенность и направленность, что обусловлено различиями между представителями классов по отношению к средствам производства, по роли в общественной организации труда, по их месту в сфере распределения.

В силу того, что типические особенности находятся в зависимости не только от объективно-предопределенного положения человека, но и от своеобразия протекания процессов социализации, его индивидуальности и т. д., личности, принадлежащие к одному классу, могут довольно существенно отличаться друг от друга по глубине выражения социально-типического, а соответственно, по степени осознания классовых интересов и адекватности выражения его политических позиций и мнений. «Личность, — как отмечает X. Ф. Сабиров, — не есть точная копия класса, а всегда выступает со своей своеобразной индивидуальностью, а потому индивидуальность личности неправомерно трактовать как индивидуальность всего класса» [21]. Отсюда понятно, что мало быть представителем класса, вести образ жизни этого класса, нужно еще обладать социальными качествами своего класса, чтобы иметь право быть выразителем его мнений. Формирование социально-типического связано с усвоением личностью социальных качеств своего класса, становлением ее как активно действующего субъекта общественного развития, занимающего определенную социальную позицию.

При изучении мира мнений социалистической личности и попытках разобраться в нем необходимо учитывать и наличие, помимо основных классовых типов, типов внутриклассовых, обусловленных внутриклассовыми различиями, характером профессиональной деятельности и другими обстоятельствами. Тем более что на современном этапе развития советского общества «социальные различия внутри социальных групп по ряду показателей становятся более значительными, чем между ними» [22]. Рассматривая гамму типов, подтипов, лежащих внутри основных классовых типов (рабочего,

колхозника или интеллигента), важно учитывать, что эти последние являются подтипами «в рамках одного и того же социального типа человека — социалистической личности» [23].

Так, в советском рабочем классе существуют следующие отряды: индустриальное ядро (рабочие промышленности, строительства, транспорта, связи), аграрные рабочие, занятые в сельском и лесном хозяйстве, а также отряд рабочих, функционирующих в сфере обслуживания. Существование социальных слоев внутри рабочего класса обусловлено социально-экономической неоднородностью труда. Это следующие квалификационные слои: высококвалифицированные, квалифицированные (средней квалификации), малоквалифицированные и неквалифицированные.

В колхозном крестьянстве налицо выделяются отряды, занятые в полеводстве и животноводстве, рыболовном и охотничьем промыслах, а также отгонным животноводством в горной, степной и полупустынной зонах. Что касается различий по слоям, то в колхозном крестьянстве они выражены менее ярко, чем у рабочих, но сохраняется слой работников, не имеющих ярко выраженной специализации и профессиональной подготовки.

Наиболее сложной внутренней структурой отличается армия работников умственного труда. Здесь налицо социальные различия между служащими-неспециалистами и специалистами, занятыми организаторским и исполнительским трудом (заметим, что в социалистическом обществе организаторская деятельность не является привилегией тех, кто непосредственно ею занят, выполняет ее в качестве основной работы, так как в управлении производством и общественными делами на общественных началах активно участвуют широчайшие массы трудящихся); производственной (производственно-технической и научно-технической), медицинской, педагогической, культурно-просветительной, художественной, административной, научной и военной интеллигенцией.

Безусловно, приведенные внутриклассовые и внутрислоевые типологии не являются раз и навсегда данными. Нельзя сказать, что личность, относящаяся к тому или иному социальному типу или подтипу, будет всегда являться носителем этих и только этих (предписанных ей ее классовой и групповой принадлежностью) мнений. Отнюдь нет. «Личные исключения из групповых и клас-

совых типов, — указывал В. И. Ленин, — конечно, есть и всегда будут. Но социальные типы остаются» [24].

В условиях интенсивного преодоления социально-классовых различий трудно найти «чистые» классовые типы и внутриклассовые, внутрислоевые подтипы. Тем более что массовый характер сейчас, в условиях современной научно-технической революции, приобрели социальные перемешения, изменения людьми своей социально-классовой принадлежности, как между поколениями (по отношению к социальному положению родителей), так и внутри поколения (в течение трудовой деятельности). Однако все это отнюдь не означает, что уже сейчас в людях «преодолены» социальные качества, а следовательно, различия во мнениях, связанные с их классовой принадлежностью. Не всегда, правда, и не во всех случаях в индивидуальных мнениях адекватно отражаются классовые интересы, что является следствием неполного, частичного или неправильного осознания, понимания их людьми (как в общем-то, и собственных интересов), но это уже другой вопрос. В целом же мнения людей носят классовый характер. Социально-типическая структура конкретной личности накладывает огромный отпечаток на ее мнения и суждения. Однако при этом необходимо учитывать, по крайней мере, несколько обстоятельств. А именно то, что овладение конкретной личностью социально-типическим сложно и противоречиво, так как представляет собой единство стихийного и сознательного и связано с развитием классового самосознания.

Определяющим фактором формирования социально-типического является, безусловно, классовая принадлежность. В то же время необходимо учитывать и влияние микросреды, в том числе трудового коллектива, семьи, партийной, комсомольской, профсоюзной организации, а также то, что в сознании отдельного человека могут причудливо переплетаться критически освоенные положительные ценности прошлого и пережитки. Более того, могут встречаться люди антисоциалистического типа, мысли и оценки которых аполитичны, а действия носят характер политических преступлений. Нельзя, наконец, не учитывать и то, что в оценках людей, наряду с обусловленным социально-типическим, есть «продиктованное» индивидуально-особенным, связанным со своеобразием жизненного пути, опыта и обра-

за жизни каждого человека, специфичным преломлением в них условий макро- и микросреды. Такая постановка вопроса вполне закономерна, ибо личность социальна по своей сущности, но индивидуальна по способу своего существования [25]. «Все люди живут в обществе, но каждый живет своей индивидуальной жизнью, то есть обособляется в относительно самостоятельную «точку бытия», что позволяет ему активно, творчески проявлять себя в окружающем мире» [26].

Традиционно индивидуальность связывается с единичностью и неповторимостью. Естественно, что любое индивидуальное мнение выступает как что-то единичное, ибо в противном случае вообще отрицается факт его существования, оно просто-напрасто растворяется в общем. В то же время единичность не тождественна индивидуальности, не исчерпывает ее, так как предельно абстрактно фиксирует факт наличия индивидуального мнения как исходного элемента мнения коллективного и общественного, не давая ему качественно-содержательной характеристики.

Что касается неповторимости, то, выступая важным показателем бытия индивидуального мнения, она также не выступает его образующим моментом.

Естественно, при анализе индивидуального мнения трудно, если не сказать, невозможно, обойтись без понятий «единичность» и «неповторимость». Однако они характеризуют его только с формальной, а не с содержательной, общественно-политической стороны. Одинаково неприемлемы при рассмотрении индивидуального мнения две крайности. А именно, толкование индивидуального во мнениях личности как чего-то исключительно самобытного, находящегося в конфронтации с общим и особенным. Попытки искать «абсолютно уникальную индивидуальность» приводят к растворению индивидуально-особенного во мнениях личности в уникальности и случайности, а в конечном счете — к «дурной единичности» или, как писал К. Маркс, к «полицейски устанавливаемому тождеству личности с самой собой, к тому, что один какой-нибудь индивид не есть другой индивид» [27].

В реальной жизни уникальное, неповторимое во мнениях личности образуется из сочетания моментов, порожденных тем же социально-типическим, а также общечеловеческим.

Суть второй заключается в «сведении» индивидуально-неповторимого во мнениях личности [28] к общему, социально-типическому. В таком случае индивидуально-особенное во мнениях личности лишается своего собственного содержания и растворяется в общем и повторяющемся.

Индивидуально-особенное во мнениях личности является своеобразным отражением образа и условий жизни тех социальных групп — классовых, национальных, профессиональных и прочих, к которым она принадлежит, моментов общечеловеческого характера. Оно связано также с богатством форм ее деятельности, социальных связей, глубиной постижения экономических, политических, социальных и духовных процессов, активностью, со своеобразием жизни каждого конкретного человека (с его уникальным внутренним миром), в которой нет ничего такого, что отсутствовало бы у других, с его «концепцией жизни», выступает как бы показателем того, что выбрал и усвоил человек из той же социальной среды, в которой живут и все другие люди.

Таким образом, подход к анализу индивидуальных мнений с позиций личностной структуры общества позволяет разобраться в их безбрежном мире, систематизировать их. В данном случае общая социальная типология играет исключительно важную методологическую роль.

Следует сказать также о возможностях, которыми располагают для объяснения сущности и структуры индивидуального мнения некоторые специальные социологические и социально-психологические концепции личности. Сначала о возможностях теории социальных ролей.

Каждая личность выполняет многообразные социальные роли. Один и тот же человек одновременно является представителем определенного класса или социального слоя, нации, народности или этнической группы, профессии, членом различных политических и общественных организаций, имеет то или иное семейное положение и т. д. Казалось бы, что анализ системы функций, выполняемых конкретной личностью, способен послужить тем основанием, которое позволит разобраться в содержании, внутренней архитектонике и направленности его мнений, выявить тот организационный «стержень», который формирует и придает определенную

ориентацию ее оценкам. Действительно, определенная связь здесь прослеживается. Одни оценочные суждения можно ожидать от человека с одним «набором» ролей и другие — с иным. Например, одни оценки следует услышать от человека, ведущего честный трудовой образ жизни, другие — от лентяев и бездельников, для которых труд — тяжелая необходимость, не вызывающая никаких положительных эмоций и не приносящая удовлетворения. Известно также, какое влияние оказывает на весь склад мнений и поведение людей их семейное положение и благополучие. Человек может добросовестно следовать всем требованиям, предъявляемым к нему со стороны тех социальных групп, в которые он включен, но отнюдь не считать себя счастливым, если у него не ладится что-то в семье или он одинок, а его попытки создать семью, в силу самых разных обстоятельств, неудачны. Учет этих моментов при рассмотрении индивидуальных мнений несомненно важен.

Некоторые исследователи считают, что, поскольку социальная роль служит своеобразным «мостиком» между той общественной структурой, в которую включен индивид, и социальной структурой личности, постольку с ее помощью есть возможность отыскать какие-то подходы, интерпретируемые эмпирически, чтобы сопоставить ролевой «образ» человека с его реально наблюдаемыми мнениями. Представляется, что такой подход в принципе неверен. Нужно помнить о существующих границах и ограниченных возможностях ролевой теории при объяснении личностных мнений. Прежде всего эта концепция, особенно в буржуазной ее трактовке, ориентирована на некую многофакторность, не позволяющую соподчинить разнообразные роли, оказывающие прямое или косвенное воздействие на структуру, направленность и функционирование мнений личности. В ней не говорится о существовании главных, основных ролей, обусловленных прежде всего социальными условиями, классовой принадлежностью людей, определяющих характер и строй всех других социальных функций, выполняемых личностью, а говорится об их равнозначности. Основной смысл подобного приема заключается в конечном счете в стремлении избежать постановки вопроса о классовом характере социальных ролей, а соответственно и мнений. Подобный подход далеко не случаен, он имеет свои социальные корни. Буржуазные полито-

логи игнорируют вопрос о классовой сущности социальных функций личности не потому, что его нет, а потому, что постановка такого вопроса означала бы признание коренной противоположности, антагонистичности, разнонаправленности мнений представителей господствующих и эксплуатируемых классов.

В марксистском понимании социальные роли обусловлены прежде всего таким фактором, как система производственных отношений и детерминированной ею социально-классовой структурой общества. Они соподчинены, среди них есть главные, определяющие, что вовсе не означает абсолютизации одной, пусть даже главной роли. Научный, марксистский подход к этому вопросу отличает сочетание всесторонности и строгого монизма.

Попытки разобраться в многообразии мнений личности с помощью теории социальных ролей наталкиваются на еще одно серьезное затруднение. Если роли — это предписываемые с помощью норм-рамок (регламентирующих образ мыслей и действий в настоящем) и норм-идеалов («проектирующих наиболее оптимальные модели и шаблоны поведения людей на будущее») и регламентируемые обществом или конкретной группой образцы поведения, склада мыслей, оценок и мнений, в «которых реализуются общественные отношения», то даже оговорки о том, что личность не только продукт общественного развития, но и субъект общественных отношений, не меняют существа дела. С позиций этой теории личность выступает как следствие общественного процесса, а не как активный, деятельный субъект. Следует согласиться с теми исследователями, которые считают, что «проблема активности субъекта общественных отношений в силу исходных ограничений ролевой теории остается за ее пределами, и личность выступает в ней лишь как совокупность функций, целиком определенных тем социальным целым, в которое она включена» [29].

Словом, при таком подходе не показывается значение активности личности, ее ответственности при формировании и выражении мнений. «В самом деле, за что может отвечать человек, если он всего лишь марионетка, действующая в зависимости от того, за какую ниточку потянет тот, кто им управляет?» [30].

Если роль заранее предопределена, написана той или иной конкретной личности «на роду», то невозможно понять ни причины трудовой [31], общественно-политической и иной активности, ни факт существования людей с высоким, средним, недостаточным и низким уровнем социальной активности, а то и практически пассивных при одних и тех же экономических и социально-политических условиях.

Если «связать» человека выполнением одних и тех же ролей, то он никогда не будет их выполнять с полной отдачей сил, инициативно. Не говоря уже о том, что ограниченность ролевого подхода к объяснению личности и личностного мнения состоит и в игнорировании проблемы целостности личности [32].

Такой подход означает, помимо всего прочего, отрицание относительной самостоятельности личности, проявляющейся в способности занимать определенную социальную позицию, вырабатывать собственные мнения. Конечно, в процессе социализации человек усваивает не только способы деятельности, формы общения, но и оценки, мнения той группы, к которой он принадлежит. Однако делает он это не пассивно и тем более не по заранее заданной программе. Характер высказываемых личностью мнений никогда всецело не определяется «набором» выполняемых ею социальных функций. Примеры ситуаций, когда ролевой статус требует от нее, казалось бы, одних действий, суждений, мнений, а на деле осуществляются и высказываются другие: факты наличия так называемых «особых мнений», случаи непринятия личностью оценок и мнений той группы, к которой она принадлежит, подтверждают этот вывод.

При объяснении сущности, структуры, направленности и интенсивности мнений личности необходимо учитывать и своеобразие сложившейся ситуации, и динамику групповых процессов, и личностные особенности человека, и многие другие факторы. Одним словом, объективные и субъективные детерминанты мнений личности

Следовательно, с помощью теории ролей как с позиции традиции, объясняющей характер выполняемых личностью ролей целиком и полностью групповой принадлежностью, объективными обстоятельствами ее жизнедеятельности, так и с точки зрения трактующей роли, как следствие деятельности самой личности, а также с позиции, пытающейся сблизить, объединить эти

крайние подходы (при определении понятия «социальная роль») трудно разобраться в мире мнений личности.

Возникшие в западной социологии, как отражение процессов отчуждения личности от своей «человеческой сущности», от других людей, от конечных целей труда (да и от целей, связанных с конкретными его видами), от продуктов своей деятельности, от институтов политической власти, ролевые схемы объяснения личностных мнений «не работают» при социализме, превращаясь в тощие абстракции, неспособные объяснить реальные общественные явления. Рост зрелости и социальной активности и личности, и коллектива, создание реальных возможностей для трудящихся высказывать свои мнения и добиваться их реализации все ярче показывают несостоятельность проповедуемой ими «приспособительной» активности, свидетельствуют об их ориентации на исторически исчерпавшее себя прошлое.

Марксистская социальная психология, рассматривающая личность как субъект и объект групповых отношений, уделяющая значительное внимание тем особенностям в ее поведении, образе мыслей и мнениях, которые возникают у нее в процессе участия в деятельности самых разнообразных групп — больших и малых, организованных и неорганизованных, временных и постоянных, реальных и условных (искусственно сконструированных исследователем), присутствия и референтных (эталонных), обладает достаточно широкими методологическими возможностями изучения содержания, структуры и направленности мнений личности. В частности, определенную объяснительную нагрузку в этом плане несет проблема структуры личности, которая, конечно, не объясняет мир индивидуальных мнений в целом, но показывает внутреннюю организацию мира мнений личности, причины, превращающие их в целостную систему.

Особого внимания заслуживает постановка вопроса не о структуре статической, максимально отвлеченной от реально-функционирующей личности, а о структуре динамической, рассматривающей свойства личности в целостном взаимодействии, изменении, развитии, переходе от одного качественного состояния к другому [33]. Идея о качественных состояниях свойств личности представляется плодотворной потому, что позволяет проследить

связь между образованиями функционирующего сознания личности, ее деятельностью и спецификой ее мнений.

Такой аспект рассмотрения проблемы правомерен и потому, что элементы структуры личности, не каждый в отдельности, оказывают непосредственное или опосредованное воздействие на мнения личности, а в «сплаве», единстве, определенной целостности. В то же время исключительно важен вопрос об условиях и факторах, обусловливающих содержание структуры личности, важнейшие из которых, социально-экономические связаны с ее местом в системе производственных отношений и, соответственно, с ее классовой принадлежностью. Здесь по сути дела, осуществляется выход в плоскость социально-типического в личности. Классовое — вот что упорядочивает и организует оценочные суждения личности, определяет направленность и специфику выполняемых ею ролей, систему ее ценностных ориентаций.

Возможности рассмотрения индивидуальных мнений социальной психологией будут более широкими, если они не абсолютизируются, не преувеличиваются, оцениваются взвешенно и реально и опираются на общефилософский, философско-социологический и социально-политический подходы.

Изучение мнений личности требует таких понятий, которые бы дали возможность интегрировать различные частные вопросы, прямо или косвенно относящиеся к рассматриваемой теме, представить их не в виде конгломерата, а как целостную, единую проблему, в которой каждый занимает вполне определенное место и представляет собой «тот штрих», без которого общая картина была бы неполной. К таким дефинициям, позволяющим перейти от обезличенного подхода к единичным особенностям и состояниям мнений личности, отразить их обусловленность социальным целым, раскрыть источники личностной активности, влияющей на весь строй, окрашенность и направленность ее мнений, относится понятие «ценностной ориентации». Оно позволяет проследить как детерминированность мнений личности, в первую очередь ее социально-классовой принадлежностью, с учетом, разумеется, ее профессионального статуса, полученного образования и воспитания, материального достатка, семейного положения и т. д., так и понять значение ее потребностей, интересов, мировоззрения, со-

циально-специфического опыта, позиций, личных качеств и т. д. в процессе формирования мнений.

Свидетельствуя об «удельном весе» общественного и индивидуального в личности, понимании ею того, что «интерес, благо, счастье каждого в отдельности неразрывно связаны с благом остальных людей» [34], об уровне ее коллективизма, отношения к окружающему, к самой себе (к собственному «Я»), индивидуальном видении мира, а также к своему прошлому, настоящему и будущему, о генеральной направленности всей ее жизнедеятельности, о цели и смысле жизни, ценностные ориентации «сигнализируют» о реальной направленности всего строя мнений личности. Будучи социальными по своему содержанию, они «говорят» не только об общественно-экономических и социально-политических условиях, определяющих индивидуальные мнения, но и об устойчивых особенностях самого их носителя, и в частности о его потребностях, интересах, мировоззрении, системе индивидуальных значений.

Одним словом, ценностные ориентации, жизненные социальные и духовные ориентиры дают ключ к пониманию внутренней взаимосвязи оценочных суждений личности. Собственно, это такое образование (правильно понимаемое только с учетом социально-классовой принадлежности личности), влияние которого на весь строй ее мнений можно наблюдать практически у каждого, естественно, в той или иной модификации, что отнюдь не означает, что они легко поддаются фиксации с помощью социологических методов. Они могут быть выявлены прежде всего путем объективного анализа всей системы форм жизнедеятельности личности.

Приведенными концепциями, естественно, не исчерпывается описание мира мнений личности. Вполне возможны и другие подходы. Однако, на наш взгляд, и рассмотренные позволяют с достаточной степенью полноты разобраться в таком сложнейшем образовани, каким является мнение личности. Сказанное, помимо всего прочего, свидетельствует о недопустимости канонизации какого-либо одного подхода при изучении индивидуальных мнений и о роли интегративной тенденции при изучении проблемы. И, наконец, и это, пожалуй, самый главный вывод, разобраться в содержании индивидуальных мнений, понять их можно только с учетом классовой принадлежности их носителей, той общественной позиции, которую они занимают.

Глава 2

ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЩЕГО МНЕНИЯ МАЛОЙ ГРУППЫ И ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ КОЛЛЕКТИВА

Хотя проблема малой группы довольно хорошо разработана в марксистской науке (дано ее определение, относительно ясен вопрос о ее «верхнем» пределе, выработано множество оснований для классификации подобного рода групп, выявлены особенности образования, изучены явления группового давления, групповой сплоченности, феномен лидерства и т. д.), о ее общем мнении этого не скажешь. И дело тут не столько в сложности определения образования «общее мнение малой социальной группы», сколько в подвижности и даже хаотичности (разумеется, кажущейся) происходящих в ней общественно-психологических процессов. В силу этого обстоятельства более простым, а потому, порой, более привлекательным кажется такой путь при исследовании мнений, функционирующих в малой группе, когда рассматривается какая-то одна связь: общее мнение — конформизм, общее мнение — групповая сплоченность, общее мнение — лидерство и т. д. и т. п. Более плодотворным представляется подход, при котором изучение общего мнения членов малой группы увязывается со всеми происходящими в ней явлениями, анализирующий их в стройной логической последовательности, отвечающей его реальному функционированию и развитию, словом, рассматривающий мнение группы в диалектической целостности.

Общее мнение малой группы (также, как средней и большой) — не просто сумма суждений, составляющих ее людей (лиц). Оно обладает новыми качествами, не сводимыми к свойствам образующих ее индивидуальных мнений. Естественно, это обстоятельство вовсе не означает отрицания суммативных характеристик общего мнения малой группы как целого. Конкретно общее мнение малой группы представляет собой оценочные суждения людей, объединенных совместной личностно-значимой и в подавляющем большинстве общественно-ценной деятельностью и имеющих непосредственные контакты между собой. Причем не какие угодно (связь

между людьми есть и в неорганизованных, стихийно возникающих, бесструктурных скоплениях людей, таких как толпа и т. п., не говоря уже о сугубо личных или интимных контактах), а такие, в которых на личностном уровне реализуются определенные общественные связи, обусловленные местом этой группы в системе общественных отношений. Из сказанного следует, что общее мнение малой социальной группы не может быть правильно понято, если группа вырывается из того социально-политического контекста, в котором она функционирует и развивается.

Поскольку в обществе существует огромное количество малых групп, постольку практические потребности ставят перед необходимостью изучения мнений, функционирующих в них. Разумеется, разработать конкретные методики для изучения мнений каждой из этих групп — задача просто нереальная, утопическая. Что же касается классификации малых групп и разработки общих методологических подходов к изучению их мнений — цель вполне осуществимая.

Общее мнение приобретает специфику в зависимости от того, в какой малой группе оно складывается и функционирует — формальной (в которой в соответствии с потребностями и особенностями господствующих в обществе социальных отношений официально определены функции, статус каждого, должностная субординация, система мер административного и финансового воздействия, что, отнюдь, не означает преобладания формализма в отношениях между людьми, входящими в рабочую бригаду, студенческую группу, спортивную команду и т. д.) или неформальной (положение людей в ней юридически не предписано, нет заданной системы официальной субординации, она может возникнуть как внутри, так и за пределами формальной группы и бывает ориентированной профессионально или непрофессионально) группе членства (в которую личность включена реально) или референтной группе (реальной или воображаемой, оценки, нормы и ценности которой служат эталоном для человека и на которую он ориентируется) и т. д. Поскольку референтные группы могут иметь как социально-позитивную, так и социально-негативную направленность, постольку их изучение «открывает довольно интересную перспективу» для исследова-

ния причин появления политически индифферентных или негативно окрашенных мнений.

Другое, не менее важное обстоятельство, влияющее на групповое мнение, связано с особенностями протекания в группе коммуникативных, информационных и организационных процессов, естественно, видоизменяющихся в соответствии со стадией ее развития.

Возникновение и создание малых социальных групп (в данном случае речь идет о реальных, а не лабораторных группах) обусловлено не желанием людей, а в первую очередь потребностями функционирования и развития общества в целом, его отдельных сфер, требованиями общественного разделения труда. Так, появление многочисленных рабочих бригад в сфере обслуживания явилось следствием действия закона возвышения потребностей, необходимостью удовлетворения запросов населения в материальных благах, бытовых услугах и т. д. Кстати, сам по себе факт расширения непосредственного воздействия рабочего класса на социальную реальность, бесспорно, в целом положителен (т. к. создаются все более благоприятные условия для удовлетворения растущих потребностей людей), если не забывать о большой доле в этой сфере «рабочих, объединенных в мелкие и мелчайшие коллективы или вообще работающих вне коллектива», о высоком удельном весе профессий ручного труда, трудно поддающихся процессам механизации и соединения в единую технологическую цепочку (без чего затруднено становление подлинно коллективных форм труда), о преобладании здесь женского труда и о том, что процессы формирования отрядов рабочего класса сферы обслуживания еще далеко не завершены.

Социальная группа будет «нежизнеспособной», если она не выполняет каких-то, пусть даже самых минимальных, функций по отношению к социальному целому или его частям. Правда, подчас можно встретиться с утверждением о том, что объединение людей в группы вызвано необходимостью удовлетворения потребности в принадлежности со всеми вытекающими отсюда последствиями (возможности появления ощущения защищенности, снятия неопределенности, состояния тревожности, возникновения чувства собственной значимости, уверенности, духовного подъема и т. п.). Конечно, это обстоятельство важно для каждого человека, но

вряд ли будет правильным объяснять возникновение малых групп этой причиной. В этом случае, по справедливому замечанию К. М. Андреевой, «социальный процесс (а возникновение социальных групп есть социальный процесс)» объясняют причинами сугубо психологического характера[35]. Не убеждает и ссылка на референтные группы, группы по интересам, ибо формы жизнедеятельности, приходящиеся на свободное время, особенности их организации также социально обусловлены. При капитализме в условиях существования отчуждения действия тенденции подчинения личности тотальному государственному контролю, в обстановке, где стало нормой формальное и фактическое нарушение прав и свобод личности, игнорирование ее мнений, создание малых групп, бесспорно, связано с факторами защищенности, уверенности. Но даже и здесь корни уходят более глубоко, а именно в общественные отношения. Таким образом, многочисленные попытки в буржуазной социологии объяснить возникновение малых групп причинами психологического плана носят апологетический характер.

На стадии образования малой группы степень взаимопонимания, а также частота и прочность коммуникативных связей между людьми еще не столько глубока и устойчива, чтобы служить прочной основой для формирования общего мнения. Она скорее связана с таким уровнем взаимопонимания, который характеризуется совпадением системы социальных и индивидуальных значений у общающихся, но отсутствием совпадений в уровне взаимооценки. Совпадение того и другого больше связано с более высокой степенью групповой сплоченности.

Что касается специфики протекания информационных процессов на стадии образования малой группы, то они носят преимущественно официальный характер, несут в себе скорее общие, чем детальные сведения, здесь преобладают централизованные информационные связи (причем находящиеся «в центре информационной сети, получают большее удовлетворение, чем тот, кто находится на ее периферии»[36], в нецентрализованных же сетях каждый участник малой группы имеет доступ к одинаковому числу каналов). Наконец, в этот период еще не сложился «стиль» общения между людьми, оно еще не «обрело свое лицо» (известно, что общение между

людьми в производственной бригаде отличается от общения в очереди, причем на стадии образования малой группы не сложилось еще понимания «с полуслова», свои формы речевого общения). Словом, информационная обеспеченность общего мнения еще далека от оптимальной. Организует всю деятельность группы на этой стадии официальный руководитель, он же «задает тон» и при формировании общего мнения, определяет его окрашенность и направленность. Причем официальный руководитель в дальнейшем не обязательно будет реальным лидером, влияющим глубоко и серьезно на процессы формирования общего мнения. Здесь объединения мнений людей вокруг какой-то конкретной групповой цели могут брать на себя и другие члены группы.

В зависимости от характера проблемы, представляющей для членов группы непосредственный интерес, роль инициатора формирования общего мнения может взять на себя в дальнейшем или лидер-эрудит (если требуется высокий уровень знания и понимания предмета), или лидер-организатор (если решается и всеобщее внимание привлекла проблема организационного плана), или лидер-умелец. И вовсе не обязательно, чтобы официальный руководитель и лидер выступали в одном лице. Мы полностью разделяем мнение тех исследователей, которые подчеркивают, что идея о необходимости обязательного совпадения при всех обстоятельствах в одном человеке и лидера и руководителя является большим упрощением [37]. Хотя, разумеется, руководитель заинтересован в сохранении за собой обеих позиций (его авторитет в этом случае возрастет), в действительности, в интересах дела, это вовсе не обязательно. Прежде всего потому, что задача руководителя состоит в осуществлении стратегически-организационной линии формулировки задач и контроле за их исполнением. Не говоря уже о том, что умение делегировать полномочия (т. е. наделять подчиненных определенной свободой действий путем передачи им своих полномочий в решении тех вопросов, в которых они более сильны, что означает снятие с себя ответственности) — показатель компетентности руководителя. Наконец, важно не забывать и о разных ракурсах и критериях оценки человека в его служебной позиции (как руководителя) и в системе неформальных отношений. Поэтому весьма неубедительно звучат предложения тех, кто, про-

ведя исследование (иногда только социометрический опрос) и выявив факт наличия, помимо руководителя, неофициального лидера, рекомендуют заменить руководителя, «как несоответствующего своей должности», действительным лидером.

Реализация подобного «предложения» может привести к нарушению нормального функционирования группы, а «действительный» лидер оказаться не способным к выполнению роли руководителя.

Это подтверждает сложность, но необходимость расширения практики выборности руководителей, на необходимость которой указывается в новой редакции Программы КПСС, принятой XXVII съездом партии. Там, в частности, говорится о том, что будет постепенно «осуществляться переход к выборности мастеров, начальников участков, руководителей других производственных подразделений» [38].

Эксперименты подобного рода, проводившиеся в нашей стране, показали, что выбранные самими коллективами бригадиры в большинстве своем оказывались людьми, способными эффективно организовать деятельность группы. Показательно и то, что, как правило, достигалось оптимальное совмещение в одном лице руководителя и лидера. В случаях, когда такого не происходило, исключения обусловливались не столько неправильным подходом к выдвижению кандидатов на должности руководителей, сколько переоценкой или недооценкой их некоторых сугубо индивидуальных особенностей [39].

Широкий учет мнений и при выдвижении, и при освобождении руководящих работников будет способствовать повышению авторитета тех, кто осуществляет функции руководства и управления, торжеству социальной справедливости, тем более, что «с фигурой руководителя, прежде всего партийного, люди связывают все плюсы и минусы той конкретной реальной жизни, которой они живут» [40].

Поэтому порочной и политически вредной является практика перемещения руководителя, допускающего разного рода злоупотребления, нарушения партийной, государственной и трудовой дисциплины, безответственность, так сказать, «по горизонтали», с одной руководящей должности на другую. Такого рода действия, не учитывающие ни деловые качества человека, ни оценку

его со стороны общественности, способны привести к негативным явлениям в общественном сознании (и в частности, к всевозможным слухам), выработке нездоровой традиции, в соответствии с которой любое освобождение руководителя от должности воспринимается как какое-то чрезвычайное событие. Разумеется, такого рода факт не относится к рядовым даже тогда, когда уход связан с состоянием здоровья. Однако ни в коем случае не могут быть оправданы встречающиеся порой попытки оградить от общественного мнения неправильно понимаемый авторитет руководителя, стремление увести его от ответственности и от полной меры наказания, прикрыв расхожей формулой «освобожден в связи с переходом на другую работу». Каковы бы ни были причины освобождения — связанные ли с состоянием здоровья, компрометирующими высокое звание руководителя обстоятельствами, а также обусловленные тем, что не оправдались надежды на рост его организаторских способностей, творческой активности и т. д., — они должны быть известны общественности. Гласность в проведении кадровой политики — таково ленинское требование работы с кадрами, одна из важнейших традиций большевизма [41].

Возвращаясь к общему мнению только что образованной группы, подчеркнем важность учета того, что такие регуляторы мнений, как групповые нормы и ценности, здесь еще сами находятся в процессе становления.

По мере формирования группы и ее дальнейшего сплочения (в основе которого лежит все большее вовлечение людей в совместную деятельность) происходит переход от вынесения оценок и суждений на чисто эмоциональном уровне к мнениям, базирующимся на рационально-волевой основе, предполагающей личную значимость групповой задачи для каждого и активное ее воплощение в практических действиях членов группы. Как правило, наивысший уровень групповой сплоченности характеризуется активной включенностью каждого в процессе обсуждения и принятия групповых решений, а следовательно, и более быстрым объединением индивидуальных мнений в единое, так как участие в дискуссиях, предшествующих решению, позволяет обнажить противоположные мнения, взвесить все «за» и «против», отбросить крайности и тем самым уменьшает возмож-

ность появления «особых» мнений, идущих вразрез с общим. В этом случае просто-напросто исчезают условия для их возникновения, так как каждым ощущается личная «включенность» в решение обсуждаемой проблемы, и тем самым реализуется потребность людей в принадлежности к социальному целому, момент, безусловно, сплачивающий группу. Единоличное же принятие руководителем решений, чрезмерная дистанция между ним и подчиненным всегда сохраняет такую возможность, так как часть людей с неизбежностью оказываются вне «зоны» создания решений.

В этом плане особое значение имеет Закон СССР «О государственном предприятии (объединении)», который вводится с 1 января 1988 года и обеспечивает возможность трудящимся самим решать вопросы планирования, распределения прибыли, перспектив развития производства, соцкультбыта, включая выборы руководителей, начиная от мастера цеха до директора, а также создает условия для неформальной реализации коллективным мнением своих функций и полномочий [42], сохраняя и укрепляя на демократической основе единоначалие в управлении предприятиями.

Формирование группового мнения — сложный и внутренне противоречивый процесс. Его можно исследовать в двух планах. Об одном из них, а именно о взаимосвязи процессов формирования группы и ее общего мнения, уже говорилось. Что касается другого аспекта, то в этом случае изучаются особенности вхождения одного или нескольких индивидов в группу, принятия ими ее мнений, а соответственно изменения уже сложившихся мнений самой группы. И в первом и во втором случае эти процессы порой сопровождаются довольно острой борьбой (не носящей, естественно, антагонистического характера) противоположных подходов, точек зрения, выражающейся в конфликтах [43] между отдельными людьми, между отдельным лицом и группой или между различными группировками внутри социальной группы. Сказанное отнюдь не означает отрицания возможности возникновения конфликтных ситуаций на высшей стадии развития группы. В то же время важно подчеркнуть, что в развитом, сплоченном коллективе она не столь велика, хотя и не исключена в силу динамизма его развития и сложности происходящих в нем процессов.

В зависимости от характера конфликты можно расклассифицировать по следующим основаниям: по сфере, в которой они происходят (область деловых отношений, личностных), причинам возникновения (объективные обстоятельства, какая-либо случайность, инициатива — преднамеренная или не преднамеренная (в случае, например, ошибок восприятия) отдельного человека, нескольких или группы людей. Однако, каков бы ни был конфликт, он в процессе своего развития проходит ряд этапов: возникновение конфликтной ситуации, ее осознание сторонами (если конфликтная ситуация порождена объективными обстоятельствами), конфликтный образ действий и разрешение, окончание конфликта. Это вопрос, собственно, не является предметом данного исследования. Обращение же к нему было продиктовано необходимостью проведения идеи, согласно которой «на каждом из этапов его эволюции» он может выполнять по отношению к общему мнению малой социальной группы позитивную или негативную роли (конструктивную или деструктивную функции). «При выяснении роли конфликта принципиально важен конкретный подход. Один и тот же конфликт может быть деструктивным в одном отношении и конструктивным в другом, играть негативную роль на одном этапе (формирования общего мнения.— *В. П.*), в одних конкретных обстоятельствах и позитивную — на другом этапе, в другой конкретной ситуации» [44].

Так, деловой конфликт способен затягиваться, превращаться в непрерывную смену «обострений» и «затиший», продолжаться даже тогда, когда причина его давно уже перестала существовать (потеряла свою значимость для противоборствующих сторон). Это происходит в силу того, что у них сформировалось крайне отрицательное эмоциональное отношение друг к другу. И тогда люди отвергают и не принимают мнения и оценки друг друга не потому, что они неправильны по существу, а потому, что они высказаны противоборствующей стороной. Это, пожалуй, самая большая опасность, заключающаяся в конфликте. Она, в свою очередь, приводит к нарушению «системы коммуникаций, взаимосвязей, ослабляет ценностно-ориентационное единство, снижает групповую сплоченность и в итоге понижает эффективность функционирования групп в целом», замедляет формирование действенного общего мнения.

Аналогичны в ряде случаев (но не всегда) последствия конфликта, возникшего между мнением отдельного индивида и мнением группы. Если человек не сумел противостоять в принципиальном вопросе, в котором он прав и с деловой и с нравственной точек зрения, давлению группы [45], продиктованному, к примеру, ложно понимаемыми групповыми интересами, поставленными выше общественных, переломил себя внутренне (подлинный конформизм), приспособил свое мнение к требованиям окружающих, то он нанес вред и себе и группе (если, конечно, речь не идет о создании чисто внешней видимости принятия неприемлемых мнений). В данном случае есть все основания говорить о негативном последствии данного конфликта. У человека с подобной линией поведения (речь не идет о сознательной солидарности с группой) вырабатывается комплекс черт, не способствуюших его развитию как личности, а тем более занятию им активной жизненной позиции. Это такие черты, как неразвитость интеллекта; слабость характера, неумение владеть собой в стрессовых ситуациях, склонность к беспокойству; неуверенность в себе; повышенная склонность к поиску сочувствия у окружающих, чувство фатальной зависимости от чужой воли; нетерпимость ко всему, что представляется «отклонением от нормы», тяготение к обыденным, упрощенным, чересчур прямолинейным суждениям о действительности, в том числе и об окружающих [46].

Это одно негативное последствие подобного разрешения конфликта — для личности. Но есть и другое, так сказать, — для общества. Одна линия состоит в том, что обществу далеко не все равно, какие по своему качеству личности решают сегодня и будут решать завтра назревшие проблемы общественного развития. Но есть и другая линия негативного воздействия такого разрешения конфликта на общество, которая заключается в том, что неспособность или нежелание выступить против необъективных оценок, порочной практики создают благоприятную почву для произрастания нарушений законности и социалистических принципов морали.

А если большинство в случае конфликта с беспринципным руководителем в конце концов подлаживается под его мнения, то в итоге, как правило, неизбежно разложение и перерождение части кадров, потворство вся-

кого рода нечестным, непорядочным людям, создание культа должностного положения руководителя и принижение роли и значения честного и активного труда.

Приведенные примеры отнюдь не означают, что все конфликты и всегда выполняют по отношению к групповому мнению только и исключительно негативную роль. Это далеко не так. В ряде случаев конфликт оказывается единственным средством формирования здорового мнения. Выступая в объединении «Татнефть» (г. Альметьевск Татарской АССР), член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Е. К. Лигачев отметил, что если дело доходит до принципиальных конфликтов, как бывает в иных коллективах, то бояться нечего. Пресекать надо склоки, а конфликты, возникающие на глубокой, деловой основе, следует, наоборот, доводить до конца, до полной победы нового над старым, отжившим [47]. Это, например, происходит тогда, когда внутриличностный конфликт активизирует личность, заставляет ее настойчиво бороться за отстаивание своих мнений и требований. Что касается внутригрупповых отношений, то здесь положительная сторона конфликта состоит в появлении возможности предотвращения медлительности и инертности, проведения назревших преобразований, решения новых задач. Наконец, конфликты несут на себе определенную познавательную нагрузку, оттеняя, сопоставляя и корректируя имеющиеся у сторон мнения, обнаруживая и вскрывая противоречия, существующие между членами группы (или группами), тем самым способствуя нейтрализации или устранению негативных влияний на группу, выполняя по отношению к ней функцию укрепления, стабилизации.

Таким образом, в основе развития внутригруппового мнения лежит закон единства и борьбы противоположностей, в то же время оно полностью подчинено и другим законам материалистической диалектики.

Еще более сложным духовно-практическим образованием является общественное мнение коллектива. Коллектив, как это убедительно показано советскими исследователями (Л. П. Буевой, Б. В. Князевым, А. К. Уледовым и другими), представляет собой социальный организм, порожденный социализмом и присущий ему. Капитализм, в силу характера своих общественных отношений, не знает такой общности людей, какой является

коллектив, хотя его прообраз складывается в организациях революционеров, передовых слоев рабочего класса, ведущих борьбу за уничтожение эксплуатации человека человеком, уже при капитализме. Однако в целом капитализм, по словам основоположников научного коммунизма, знает лишь «суррогаты коллективности», мнимую коллективность. Утверждение подлинной коллективности они связывали с преобразованием общества на социалистических началах [48]. Поэтому буржуазная социология даже не ставит проблему коллектива, его общественого мнения, а рассматривает группы и их мнения, произвольно и нестрого используя понятие «коллектив», чаще всего отождествляя его с понятием «группа». Перенос процессов, происходящих в группах более низкого уровня (малых группах), на коллективы неправомерен в силу того, что коллектив и коллективное мнение — это образования более высокого качества, чем малая группа и ее общее мнение. Проще всего, причислив коллектив к малой группе, экстраполировать на его мнение характеристики, особенности, закономерности функционирования и развития общего мнения малой группы. Коллектив отличается от группы тем, что для него, как ячейки социалистического общества, свойствен коллективистский способ объединения людей и использование его в интересах общества.

Очевидно также, что при исследовании общественного мнения коллектива на уровне сущности, отнесение коллектива к тому или иному звену структуры общества (чаще всего среднему) несет на себе недостаточную эвристическую нагрузку, так как коллектив — это ассоциация, возникающая и функционирующая на различных структурных уровнях общества. Не говоря уже о том, что социалистическое общество выступает одновременно и как коллектив, и как система коллективов. Конечно, сказанное не означает непризнания рассмотрения вопроса о месте коллектива в социальной структуре социалистического общества. Речь идет о том, что «сущность коллектива как целостного социального образования не может быть определена со стороны границ объединения людей или конкретного структурного уровня в обществе. Она не зависит от масштабов социального образования» [49]. Это положение, как нам представляется, имеет важное методологическое значение для анализа сущности общественного мнения коллектива,

так как указывает на необходимость рассмотрения предмета исследования (в данном случае общественного мнения социалистического коллектива) в связи с содержанием трудовой деятельности коллектива, с характером складывающихся в процессе этой деятельности отношений (представляющих собой воплощение качества общественных отношений), со своеобразием протекания в нем организационных процессов, а также с его составом.

Поскольку коллектив как социальная ячейка — это своего рода слепок с общества, постольку его общему мнению присущи основные свойства общественного мнения в целом. Но при этом важно учитывать, что своеобразие общего мнения коллектива зависит и от того, на основе какой формы собственности он сложился и функционирует, от его классовой принадлежности (заметим, что сейчас превалируют смешанные коллективы), места в системе разделения труда и основного вида осуществляемой деятельности, положения в организационно-уровневой структуре общества, а также зрелости, величины и т. д. Специфика общего мнения каждой конкретной социальной ячейки социалистического общества обусловлена и степенью ее включенности в различные сферы жизни общества, полнотой реализации ею имеющихся социальных возможностей, или, иначе говоря, глубиной и широтой связей с обществом, а соответственно, соотносится с качеством работы партийной, профсоюзной, комсомольской организаций, умением их обеспечить максимальную открытость и гласность своей деятельности, активностью и социальной ответственностью людей, постановкой критики и самокритики.

Трудовые коллективы предприятия, учреждения, организации являются основными ячейками социалистического общества, главной формой организации всех сфер жизнедеятельности людей: трудовой, общественно-политической, духовной, семейно-бытовой. Так как коллектив — это закономерное следствие общественных отношений, построенных на общественной собственности на средства производства, поэтому сложилась традиция практически все без исключения организации трудящихся называть коллективами, а их мнение — коллективным. В принципе правильная, она в отдельных случаях противоречит реальной жизненной практике. Дело в том, что межклассовые и внутриклассовые различия,

существенные различия между умственным и физическим трудом, городом и деревней, социальные региональные различия, различия в содержании и степени включенности труда в коллективные «рамки» и т. д. не могут не накладывать отпечаток на развитие коллективистских начал в различных социальных группах. Коллективизм, пронизывающий все стороны жизни социалистического общества, не влечет за собой автоматически коллективистского качества всех составляющих его ячеек (трудовых, семейных и т. п.). Уже говорилось, в частности, о сфере обслуживания, где рабочие не связаны единой технологической цепочкой, объединены в мелкие, мельчайшие бригады или вообще работающие отдельно от других (например, продавцы, продавцы-лоточники, буфетчики, официанты; фотографы, часовщики, парикмахеры; водители такси, автобуса, троллейбуса, трамвая и т. д.). Не исключена, кроме того, возможность появления при определенных условиях социальных групп с интересами, ориентированными преимущественно на сугубо групповые или личные проблемы. «Сегодня мы должны признать, — отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев на XXVII съезде КПСС, — что вследствие ослабления контроля и ряда других причин обозначились группы людей с отчетливо выраженными собственническими устремлениями, с пренебрежительным отношением к общественным интересам» [50].

Следовательно, коллектив правомерно связывать с особым уровнем развития группы. Такая постановка вопроса отнюдь не умаляет роли и значения реально функционирующих коллективов, а лишь указывает на необходимость их анализа в развитии и совершенствовании. Отрицание этого обстоятельства означало бы непринятие самой идеи развития коллектива и его общего мнения, перехода их от одного качественного состояния к другому.

Коллективное мнение не является какой-то замкнутой, локальной, изолированной системой, оно множеством нитей связано с общенародным общественным мнением. Поэтому его эффективность (экономическая, политическая, нравственная, воспитательная) находится в прямой зависимости от совпадения его направленности с направленностью общественного мнения в целом. Объективное совпадение общественного, коллективного и индивидуального мнений, базирующихся на единстве

общественных, коллективных и личных интересов, вовсе не означает признания беспроблемности в процессе их взаимодействия, функционирования и развития. Поскольку противоречия присущи любому развитию постольку они закономерны и в этой области. Поэтому важно вовремя выявлять их стороны и аспекты, оценивать и разрешать.

Говоря о развитии коллективного мнения, следует иметь в виду три обстоятельства. Прежде всего то, что элементы системы «коллективное мнение» различаются не только по месту и роли в функционировании системы, но и в плане перспектив. Одни мнения теряют свою весомость и привлекательность, другие представляют собой отражение только и исключительно нынешнего состояния дел в коллективе и потому не имеют перспектив, третьи же, базируясь на элементах опережающего отражения, видении перспектив, являются носителями того качества, к которому общее мнение коллектива, возможно, придет в будущем. Соответственно, при изучении коллективного мнения недостаточно ограничиваться констатацией и анализом его сегодняшнего состояния. Важно раскрыть его динамику, оценить степень развитости. При этом нужно обязательно учитывать тот факт, что коллективное мнение — это открытая система, постоянно обменивающаяся информацией с окружающей средой. Одинаково негативное воздействие на нее оказывает как ее недостаток, так и избыток (перенасыщенность информацией, «заорганизованность» воспитательной работой, «лавина мероприятий» и т. д.) информации.

Второе обстоятельство, которое нельзя не принимать во внимание при анализе рассматриваемого вопроса, состоит в том, что развитие коллективного мнения не сводится к движению от низшего качественного состояния к высшему. Оно может осуществляться однонаправленно (без вариантов), к одному качественному новому состоянию, и разнонаправленно (вариативно), т. е. к нескольким реально возможным состояниям (причем по качеству не обязательно выше предыдущих, случаи перерождения коллективов в социально-негативные образования с общим мнением антиобщественной направленности).

Третье обстоятельство, которое требует фиксации, связано с возможностью быстрого, радикального развития коллективного мнения или медленного, эволюцион-

ного. Развитие может варьировать в сравнительно большом временном «интервале».

Учитывая эти моменты, обратимся к вопросу об этапах формирования общего мнения коллектива. В литературе в этом плане нет единства. Одни (большинство) выделяют три этапа, другие — четыре, третьи — пять. Однако решение вопроса «большинством голосов» противоречит принципу научности. Правомерно поэтому поставить вопрос: а почему именно выделяются три этапа, пять, а не шесть, семь, восемь и т. д.? Не следует, очевидно, упрощать проблему, произвольно выделяя этапы или «жестко» привязывая их к стадиям развития коллектива (тем более, что советской наукой предлагается несколько вариантов процесса развития коллектива). Неправомерность подобной «привязки» коренится в отождествлении закономерностей функционирования и развития организации с закономерностями функционирования и развития духовных образований (хотя между ними, несомненно, существуют и тесные взаимосвязи). Не говоря об отрицании в этом случае относительной самостоятельности развития общественного мнения.

В процессе формирования коллектива между людьми постепенно складывается на основе совместной деятельности особый тип связей и отношений, формируется групповая сплоченность, степень которой может быть различна. В советской литературе выделяются ее эмоциональный («поверхностный»), ценностно-ориентационный и духовно-практический, духовно-деятельностный (находящий выражение не только в сходстве ценностных ориентаций людей, но и органическом его вплетении в практическую деятельность) уровни. Диалектика такова, что общее мнение членов коллектива никогда «жестко» не привязано к стадиям развития коллектива (первичного синтеза, дифференцирования, интегрирования, связанная с принятием всеми членами группы целей групповой деятельности). Ценностно-ориентационное единство, сближение суждений и оценок может иметь место на любой стадии развития коллектива, даже на самой начальной. Истина конкретна и все зависит от того, какой вопрос (деловой ли, нравственный ли и т. д.) находится в центре внимания коллектива и с какими его интересами он связан: коренными, жизненно важными или текущими; экономическими, политическими

или духовными; и какова степень их осознания, которая может быть низкой, средней или высокой.

Нельзя не учитывать и «скорость» прохождения группой всех этапов ее превращения в коллектив. В зависимости от внешних и внутренних объективных и субъективных условий переход от одной стадии к другой может происходить быстро или медленно. И этот процесс не обязательно должен совпадать с формированием общего мнения, ибо ценностно-ориентационное единство вовсе не означает полного совпадения мнений всех и абсолютно по всем вопросам, такого никогда не бывает, хотя бы в силу того, что практически невозможна нивелировка индивидуальностей. Даже на стадии дифференцирования коллектива, на которой наблюдается наличие довольно отчетливо выраженных микрогрупп, а соответственно, пестрое разнообразие оценок, при определенных условиях ценностно-ориентационное единство может существовать, а мнения членов коллектива сходиться в главном и основном.

Таким образом, только с позиции процессов, происходящих на той или иной стадии развития коллектива (кстати, методик, которые бы позволяли с большей степенью точности определять эти стадии, пока не создано), невозможно сколько-нибудь удовлетворительно объяснить специфику формирования и развития коллективного мнения. Хотя в то же время и нельзя отрицать связь между закономерностями построения внутренней жизни организаций и закономерностями формирования и протекания духовных процессов, в том числе и общего коллективного мнения.

Глава 3

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ КЛАССОВ И ДРУГИХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Общее мнение социальной группы (или общественное мнение социальной группы) — это не просто сумма мнений наиболее типичных ее представителей, но и нечто целостное, обладающее интегративными качества-

ми, обусловленными местом и ролью данной социальной группы в обществе, особенностями ее функционирования и развития, ее прошлым, настоящим и перспективами развития. Прежде чем рассматривать вопрос об общем мнении большой социальной группы, необходимо уточнить — о мнениях какой социальной группы идет речь — возникшей независимо от сознания и желания людей в нее входящих (класс, нация, народность, социальный слой и т. д.) или явившейся результатом их сознательной деятельности (политические и общественные организации). Среди больших социальных групп в плане изучаемой проблемы особого внимания заслуживают классы, и прежде всего потому, что их мнения играют наибольшее значение для формирования мнений всех других групп как больших, так и малых. Именно классовое положение обусловливает наиболее принципиальные различия во мнениях людей. «Влияние это осуществляется посредством тесно связанных между собой механизмов. Во-первых, через личный жизненный опыт индивида, содержание которого определяется социально-экономическими условиями жизни его класса. Во-вторых, через общение, большая часть которого происходит в социальной среде с четко выраженными классовыми чертами».

Что касается групп, являющихся результатом сознательной деятельности людей, то здесь особое значение принадлежит партиям и собственно политическим общественным организациям.

Для того чтобы составить хотя бы самое общее представление об общем мнении большой социальной группы, нужно по меньшей мере иметь представление о системе ценностных ориентаций наиболее типичного ее представителя. Несмотря на то, что анализ мнений наиболее типичного представителя класса дает определенную информацию об общественном мнении всего класса, он недостаточен, когда речь идет о его особенностях как целостности. Поэтому было бы неверным подменять исследование системных качеств общественного мнения класса описанием мнений типичного представителя этого класса. Если речь идет о социалистическом обществе, то такой подход может дать определенное представление о мнении не только класса, но и общества в целом, тем более что тенденция к возрастанию социальной однородности действует и в сфере внутриклассовых отноше-

ний. Однако и в этом случае необходимо помнить о том, что при социализме классы, являясь социально однотипными (состоящими из трудящихся, основные интересы которых совпадают), не являются еще полностью социально однородными (и в рабочем классе, и в колхозном крестьянстве существуют различия между их основными отрядами и квалификационными слоями). И без того трудная задача фиксации мнений наиболее типичного представителя изучаемой социальной группы осложняется существованием внутри него индустриального ядра, аграрного отряда и рабочих, занятых в сфере обслуживания, а также слоев, представленных рабочими высокой и средней квалификации, малоквалифицированными и неквалифицированными.

Кроме того, нельзя забывать и о том, что тенденция к возрастанию социальной однородности пронизывает не только внутриклассовые, но и межклассовые отношения. Поэтому в условиях социалистической действительности общественное мнение того или иного класса постоянно и повсеместно выходит за пределы классового сознания. Поэтому классовость мнений советских людей определяется не столько их принадлежностью к той или иной социальной группе и не социальным происхождением, сколько степенью усвоения последовательно социалистических качеств рабочего класса, его мировоззрения и идеологии.

Конечно, общественное мнение класса не существует вне и помимо индивидуальных мнений. Оно существует и является реальностью именно благодаря индивидуальным мнениям людей, образующих класс. В то же время личные интересы, лежащие в основе индивидуального мнения, и классовые интересы, на которых базируется общественное мнение того или иного класса, могут не только не совпадать между собой, но и отличаться друг от друга.

Прежде всего они различаются по содержанию. Если индивидуальные интересы фактически безграничны (в пределах, естественно, достигнутого уровня развития человеческого знания) и могут быть праздными, мимолетными, любительскими, то классовые интересы более локализованы и концентрируются преимущественно на актуальных вопросах условий существования класса, укрепления или коренного изменения его положения в системе общественных отношений, роли в обществен-

ной организации труда, способах участия в распределении общественного богатства, проблемах взаимоотношений с другими классами, т. е. на всем том, что относится к экономической, политической и духовной жизни класса как целостности.

Соответственно, общественное мнение класса отличается тем, что оно всегда связано с интересами функционирования и развития класса в целом. Разумеется, и оценки отдельной личности также могут базироваться на правильном понимании социальной сущности и перспектив развития того класса, к которому она принадлежит. Это убедительно показано основоположниками научного коммунизма на примере превращения пролетариата из «класса в себе» в «класс для себя». Однако понятно, что далеко не каждый представитель класса стоит на том уровне общественной сознательности, когда интересы социальной группы, к которой он принадлежит, во всем их объеме становятся и его личными собственными интересами.

Существует общественно-психологическое и идеологическое осознание классовых интересов [51]. В первом случае, хотя психология рабочего класса и создает благоприятную почву для их понимания и усвоения, они еще не вполне четко и точно оформлены и систематизированы, довольно аморфны и широки. Во втором — осознание интересов на уровне идеологии (речь идет о единственно научной идеологии — марксистской), которое осуществляется сначала идеологами, потом политическими партиями, и лишь затем всем классом, они уже теоретически осмысливаются, оцениваются, среди них выделяются стержневые, коренные и текущие. Сказанное не означает, что в общественной психологии коренные интересы не осознаются. И те и другие в ней получают отражение, различие состоит лишь в степени и глубине их осознания.

Из сказанного следует, что при изучении общественного мнения рабочего класса, крестьянства, а также представителей такой социальной группы, как социалистическая интеллигенция [52], необходимо сначала рассмотреть проблему соотношения характеристик общественного мнения социальной группы и личности в нее входящей, а затем выявлять особенности общественного мнения класса как определенной целостности. Задача эта далеко не простая. Как справедливо отмечает

В. Г. Афанасьев: «Не всегда интегративные качества системы очевидны, а тем более могут быть измерены, но они есть, и дело исследователя отыскать и описать эти качества, используя различные методы»[53].

Анализ показывает, что интегративными качествами общественного мнения советского рабочего класса являются: общность оценочных суждений, их прогрессивная социальная направленность, гуманистичность, оптимистичность, внутреннее единство, высокая интенсивность, идейная и политическая зрелость. Вот почему мнения рабочего класса оказывают существенное влияние на мнения крестьянства и интеллигенции[54]. Это, пожалуй, самый мощный поток в океане мнений, что вытекает из ведущей роли рабочего класса, которая обусловлена не столько его численностью (это обстоятельство влияет, конечно, на скорость распространения его оценок, но само по себе не определяет роль мнений рабочего класса в формировании общественного мнения в целом), сколько обстоятельствами более глубокого характера. Причем вопрос об авангардной роли мнений рабочего класса должен ставиться не абстрактно, вообще, а конкретно: почему они по отношению к мнениям крестьянства и интеллигенции выполняют такую роль?

Так, при всей общности основных интересов советского рабочего класса и колхозного крестьянства эти социальные группы связаны с различными формами собственности — общенародной и колхозно-кооперативной. Первая, с которой связан рабочий класс и которая есть выражение обобществления труда при социализме в масштабе страны, более развита. Колхозно-кооперативная собственность фактически есть проявление неполного обобществления труда, и только при условии существования общенародной собственности она приобретает социалистический характер, в ее же отсутствии она может его потерять. Сказанное, разумеется не означает недооценки роли и значения кооперативно-колхозной собственности, которая, будучи социалистической по своему характеру, далеко еще не исчерпала своих возможностей. И уж тем более из этого не следует принципиально неверный (и не подтвержденный процессами реального развития этой формы собственности) вывод о необходимости и «прогрессивности» скорейшего ее огосударствления. В Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической пар-

тии Советского Союза, с которым выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, отмечалось: «Мы за полную ясность в вопросе о кооперативной собственности. Она далеко не исчерпала своих возможностей в социалистическом производстве, лучшем удовлетворении потребностей людей» [55].

При анализе общественного мнения колхозного крестьянства, его специфики, важно учитывать эпизодический характер контактов крестьян в рабочее время, обусловленный разобщенностью, отдаленностью рабочих мест друг от друга, несвязанностью их труда единым циклом. Отсюда понятно, почему советский рабочий класс стоит впереди крестьянства в политическом, идеологическом и общественно-психологическом отношении, соответственно, почему его мнения более полно и объемно выражают прогрессивные тенденции общественного развития.

Соотношение мнений рабочего класса и интеллигенции мыслится следующим образом. При общности коренных интересов этих социальных групп в их интересах есть и специфическое, которое определяется не отношением к средствам производства, так как одна часть интеллигенции тяготеет в этом плане к рабочему классу, а другая — к колхозному крестьянству, а связано с особенностями умственного труда, который в отличие от труда рабочего (преимущественно физического) не столь дискретен (разумеется, труд не каждого рабочего дискретен), а развернут во времени, в меньшей степени поддается (особенно творческий) количественному и качественному измерению, внешнему контролю и стимулированию. В силу этого должностной оклад далеко не всегда и не во всех случаях адекватно отражает реальный, действительный трудовой вклад того или иного представителя интеллигенции. Например, ученые, работающие на одной и той же кафедре высшего учебного заведения, могут отличаться друг от друга по многим моментам. Одни — ориентированы преимущественно на ведение научных исследований, заботятся об их теоретическом уровне, практической приложимости, их прикладных аспектах. Другие — больше внимания уделяют учебной-методической работе. Третьи всецело заняты воспитательным процессом. Четвертые — отдают предпочтение выполнению административно-хозяйственной работы. Пятые — умело сочетают и первое, и второе, и

третье, и четвертое. Но даже в этом случае показатели их работы различны. У одних они выражаются в количестве написанных книг, статей, методических разработок, прочитанных лекций, проведенных «мероприятий» и т. д. У других эти показатели не столь внушительны, но зато качественны. Здесь важно помнить и о таких моментах, как возможности различных возрастных групп в научном коллективе, действие механизмов научной моды. Не говоря уже об опасности вторжения в научную область потребителя, который, не имея ни способностей, ни особого стремления к научной работе, всяческими путями добивается научных степеней, чтобы возвыситься над другими, «урвать» для себя долю того уважения и достатка, которыми пользуются в нашей стране ученые.

Получали же все они одинаковую зарплату (исключая, конечно, тех, кто занимается административной работой, выполнением хоздоговорных работ, совместительством и т. д., за которые выплачивается дополнительное вознаграждение). С этим обстоятельством, собственно, и были связаны различия между рабочим и интеллигентом в области отношений распределения. Если рабочий мог повысить свою заработную плату, не повышая квалификацию, путем перевыполнения нормы, то для представителей интеллигенции способами повышения заработной платы являлись повышение своей квалификации (получение ученой степени кандидата или доктора наук для занятых в научных академических учреждениях и вузах) и продвижение в должности. Отсюда становится понятной повышенная «тяга», стремление некоторой части ученых и преподавателей к занятию всевозможных, особенно высокооплачиваемых, административных должностей, стремление к участию в выполнении хоздоговорных исследований, темы которых весьма далеки от разрабатываемой ими проблематики.

Отсутствие в прошлом у интеллигенции непосредственной материальной заинтересованности в результатах труда порождало нежелательные «вкрапления» в ее социально-психологические качества. Речь, в частности, идет о сдвигах у некоторой части представителей умственного труда (особенно у тех, кто в силу индивидуальных особенностей и способностей не может самоутвердиться путем качественного выполнения своего труда или попал в эту область случайно или, в жизни о таких говорят,

ему «не дано») системы ценностных ориентаций, при которых выполняемая работа перестает выступать в качестве базовой ценности.

Отсюда факты формального выполнения своих обязанностей, «равнодушного отношения к человеку, проявляющегося в работе некоторых учреждений управления, просвещения, медицины, обслуживания»[56], ориентации не на основную деятельность, а на занятия лежащие вне ее и связанные с удовлетворением материальных потребностей» своеобразными способами (покупкой, под видом коллекционирования, книг и перепродажей их; использование других недостатков в сфере обслуживания и т. п.), которые не только находятся в противоречии с нормами права, но и деформируют всю систему ценностей таких людей. Причем, чем выше уровень притязаний, тем большая активность на этом поприще проявляется. Это наносит обществу и экономический, и нравственный ущерб, негативно влияет на некоторые «секторы» общественного мнения интеллигенции.

Мерами воспитательного характера, можно, конечно, уменьшить влияние этого фактора. Однако для кардинального решения вопроса потребовались более серьезные усилия. Не случайно поэтому партия и правительство предприняли серьезные шаги, направленные на установление более тесной связи между результативностью и вознаграждаемостью умственного труда.

Это один момент, который способен наложить отпечаток на весь строй мнений тех или иных групп интеллигенции. Суть другого состоит в том, что «интеллигенты в силу своего экономического положения в гораздо большей мере зависимы от руководства, чем рабочие, ибо без поддержки руководства нельзя успешно продвигаться по служебной линии»[57]. А так как повышение в должности — почти единственное средство повышения заработной платы, поэтому среди определенной части интеллигенции проявления беспринципности, карьеризма, подхалимства, восхваления стоящих выше по должности распространены в большей степени, чем у рабочих. Уровень сплоченности коллективов, состоящих из представителей интеллигенции, в большинстве случаев ниже, чем рабочих коллективов.

Нельзя забывать и о том, что умственный труд требует постоянного напряжения, огромных нервных затрат. На этой почве также возможно появление некото-

рых негативных качеств у представителей интеллигенции. В. И. Ленин в статье «Как организовать соревнование?» подчеркивал этот момент. «Это разгильдяйство, небрежность, неряшливость, неаккуратность, нервная торопливость, склонность заменять дело дискуссией, работу — разговорами, склоность за все на свете браться и ничего не доводить до конца, — писал он, — есть одно из свойств «образованных людей», вытекающих вовсе не из их дурной природы, тем менее из злостности, а из всех привычек жизни, из обстановки их труда, из переутомления, из ненормального отделения умственного труда от физического и так далее и тому подобное» [58].

Наконец, следует помнить и о том, что само содержание умственного труда приводит к некоторой обособленности его носителя, особенно в таких областях духовного производства, как наука, литература, искусство (хотя имеется тенденция все большего включения труда некоторых отрядов интеллигенции — производственной, научной, в коллективные рамки). Отсюда возможность появления завышенных самооценок, эгоизма, индивидуализма, болезненной амбициозности, нервозной реакции на критику и т. д. и т. п.

Разумеется, появление указанных негативных наслоений у представителей умственного труда не является закономерным и неизбежно предопределенным. Советская интеллигенция является крупной и зрелой социальной силой, отдающей свою творческую энергию делу совершенствования социализма. Однако для того, чтобы эта отдача соответствовала современным требованиям, необходимо изучать и разрешать проблемы, с которыми она сталкивается в процессе своего развития. Тем более, что мнения формируются прежде всего теми реальными условиями, в которые поставлен человек, возможностями его влияния на организацию производства, распределение и использование результатов труда. Решение проблемы, таким образом, видится в установлении более тесной зависимости между результатами работы и ее вознаграждаемостью.

Ведущая роль мнений рабочего класса в формировании единого общенародного общественного мнения не означает беспроблемности в становлении, функционировании и развитии его общественного мнения. В то же время в силу своего экономического положения (и в частности,

положения в системе производства и распределения) он является социальной группой с гораздо большей степенью сплоченности, организованности и дисциплинированности, принципиальности, прямой материальной заинтересованности в результатах труда, которая с переводом предприятий на полный хозрасчет, самофинансирование и самоокупаемость увеличивается. Последовательно социалистические качества рабочего класса, которые находят яркое воплощение в его оценках и мнениях, таким образом, обусловлены в первую очередь его положением в системе социалистического производства, а также его историческими традициями и политическим опытом.

Какова же внутренняя структура общественного мнения большой социальной группы (в первую очередь, класса)? Исследование этого вопроса наталкивается на ряд трудностей, создающих порой представление о том, что он вообще мало поддается научному анализу. Отсутствие сложившейся исследовательской традиции в этом направлении служит подтверждением подобных оценок. Вместе с тем вопрос этот имеет большое практическое значение, так как без знания структуры общественного мнения большой социальной группы, равно как и общенародного общественного мнения, вряд ли можно серьезно ставить вопрос о приемах, способах и средствах его формирования, механизмах регулирования.

Общественное мнение большой социальной группы действительно представляет собой образование чрезвычайно сложное как по составу входящих в него элементов (образующих, выполняющих какие-либо функции по отношению к системе, «работающих» на нее), так и по их внутренней организации, структуре. Попытки выявления основных составляющих элементов общественного мнения социальной группы убеждают в его полиструктурности. Первое обстоятельство связано с тем, что в роли частей общественного мнения большой социальной группы как целого выступают самые различные явления. Одни из них тяготеют к сфере эмоционального (социальным чувствам, эмоциям, настроениям и т. д.), другие — к области рационального (социальным позициям и убеждениям), третьи связаны с сознательной саморегуляцией субъектом своих оценок, волевыми действиями, побуждающими активность субъекта или

тормозящими, сдерживающими ее, и взаимодействуют с социальными установками, ценностными ориентациями, социальными позициями и т. д. Однако это далеко не все.

В структуре общественного мнения большой социальной группы есть «секторы», складывающиеся преимущественно на уровне теоретического сознания, а есть целиком и полностью лежащие в области обыденного сознания. «Все «пространство» между этими полюсами заполненно суждениями, представляющими собой различные комбинации обоих уровней сознания».

Не может быть также дан и определенный ответ на вопрос: к какой сфере общественного сознания — идеологии (поскольку речь идет об общественном мнении больших социальных групп при социализме, постольку мы ставим знак равенства между понятиями «наука» и «идеология», ибо с появлением марксизма впервые в истории человечества идеология становится наукой, «совпадает с ней по своей гносеологической природе», сущности) или общественной психологии относится общественное мнение больших социальных групп. Уже говорилось о том, что мир мнений людей представляет собой не что иное, как отражение их общественного положения, а также о том, что в обществе, где существуют классы, границы мнений по многим проблемам (особенно по таким, которые затрагивают принципиальные вопросы их существования и развития) непосредственно совпадают с границами классов и социальных групп. В этом плане, казалось бы, есть все основания утверждать, что поскольку общественное мнение имеет или может иметь классовый характер, постольку оно есть не что иное, как образование именно идеологического характера. В принципе так оно и есть. Однако нет правил без исключения. Поэтому в реальной действительности есть множество таких вопросов, мнение по которым формируется независимо от принадлежности людей к той или иной социальной среде, вернее, разделяется или может разделяться одновременно различными классами и социальными группами, причем оно весьма выразительно в плане общественно-психологическом. Это опять-таки свидетельство того, что в его содержании есть классовое (которое доминирует), окрашенное в тона классовых, партийных интересов, но есть и внеидеологическое (общечеловеческое, например) больше ба-

зирующегося на непосредственном, прямом отражении действительности, нежели косвенном, в основе которого лежат более или менее систематизированные представления, взгляды, «построенные в соответствии с законами (научной) логики».

Наконец, в структуре общественного мнения большой социальной группы присутствуют оценки, суждения, продиктованные (обусловленные) ее прошлым — историей, традициями, опытом, т. е. ретроспективной социальной информацией, настоящим и будущим, основывающимся на понимании тенденций развития и перспектив тех больших социальных групп, к которым люди принадлежат, на их общественных идеалах. Рассмотрим этот подход к структуре общественного мнения социальной группы поподробнее.

Общественное мнение, как правило, обращено к событиям, значимым сегодня, непосредственно связанным с сегодняшними проблемами. Оно, естественно, может быть приковано и к событиям давно минувших дней, но только в одном случае, когда они вдруг становятся важными для решения тех проблем, которыми живет общество в настоящем.

Актуализация в общественном мнении событий прошлого (ретроспективной информации) происходит, если можно так сказать, по определенным «законам» — смежности текущего и исторического времени, ассоциации сходства текущей деятельности с ее прошлым состоянием, контраста [59]. Приведем примеры, иллюстрирующие высказанную мысль. Это прежде всего хорошо известный «всплеск» интереса в силу целого ряда причин (экономического освоения районов, строительства крупнейших производственных комплексов, КамАЗа, например, и т. д.) со стороны общественности к истории тех или иных регионов страны. Второе правило можно проиллюстрировать многочисленными фактами обостренного интереса общественности к ассоциативно сходным событиям, имевшим место в прошлом (например, «после Октябрьской революции публиковались массовыми тиражами... исследования... посвященные народным движениям» прошлого. В годы Великой Отечественной войны в самых трудных условиях осуществлялись исследования и публикации, посвященные деятельности отечественных полководцев, публиковались материалы войны 1812 года и др. Так настоящее искало мораль-

ную опору в прошлом»). Наконец, третий принцип, принцип контраста, означает такое обращение общественного мнения к фактам, концепциям, системам ценностей прошлого, которое позволяет как бы «высветить» достижения в этом плане сегодняшнего дня и подчеркнуть их отличие от того, что было присуще ушедшим из жизни поколениям.

Аналогичным образом дело обстоит с попытками предвосхитить будущее. Они попадают в поле зрения общественности или тогда, когда в сегодняшней реальной действительности обнаружились его элементы (тогда общественность активно обсуждает перспективы их развития), или тогда, когда нужно выбрать наиболее реалистичные и перспективные направления развития общества, его отдельных областей и т. п.

В любом случае оценки, продиктованные прошлым, настоящим и будущим, должны быть каким-то образом скоординированы, организованы. Как правило, в общественном мнении социальной группы они концентрируются вокруг проблем настоящего. Оценки, продиктованные прошлым или представлениями о будущем, как правило, подчинены оценкам сегодняшнего, выполняют по отношению к ним служебно-вспомогательную роль, «работают» на них. Однако так бывает далеко не всегда. Между элементами структуры общественного мнения (в том числе между рассматриваемыми в данном случае) могут существовать как отношения скоординированного единства, так и противоречивости.

Последнее обстоятельство может проявляться в следующих основных вариациях (вариантах). Вполне реальны и возможны ситуации, когда прошлое в некоторых «секторах» общественного мнения социальных групп начинает доминировать. При вынесении оценок актуальным процессам, событиям, фактам дает о себе знать ностальгия по прошлому, они формируются под ощутимым влиянием жизни той ретроспективной (относящейся к прошлому) информации, того наследия прошлого (в том числе социального опыта), которое уже утратило свою непосредственную практическую ценность и приобрело характер пережитка. Как правило, но далеко не всегда, такого рода суждения встречаются среди населения старших возрастов и т. д., т. е. лиц «выключенных» из активной трудовой и общественной жизни. Такого рода мнения не подкреплены

оперативной (текущей) и перспективной (относящейся к будущему) осведомленностью и во многом определяются житейским опытом, консервативными традициями и т. п.

Когда при вынесении оценок, формировании мнений или забывают о ретроспективной социальной информации, прогрессивных традициях (революционных, политических, нравственных и других), или просто-напросто игнорируют ее в силу целого ряда причин (социальной незрелости, свойственных молодежи социально-психологических особенностей, падения уровня культуры, отступлений от ленинских норм партийного и государственного руководства, ошибок субъективистского, волюнтаристского характера, воздействий идеологического противника и др.) и исходят только и исключительно из настоящего (причем не серьезно и осмысленно воспринимаемого), из интересов сегодняшнего дня, ближайших нужд может появиться мнение содержательно и структурно незрелое, продиктованное обстоятельствами момента, поддерживающее то, что не следовало бы поддерживать, забывающее о завтрашних задачах и долговременных целях.

Наконец, общественное мнение в отдельных «секторах» больших социальных групп может быть сформировано на основе забегания вперед, соответственно, отрыва от реальной почвы безосновательно облегченного представления о сроках выполнения тех или иных задач, всецело на идеалах. Разумеется, марксизм никогда не отрицал роль идеалов, а всегда подчеркивал, что, выводимые из объективных тенденций общественного развития, представляют собой итог критического осмысления действительности, и, выступая своего рода «опережающим» отражением, они активизируют практическую деятельность и познание людей [60]. Однако, если оценки формируются на базе, например, практики «преждевременного перевода задач развернутого строительства коммунизма в плоскость непосредственных практических действий» [61], то общественность (в том числе путем «включения» оценочной, регулятивной, директивной и других функций общественного мнения) предъявляет слишком высокие требования к людям, их трудовой, общественно-политической и иной деятельности. «В результате... социалистический образ жизни характеризуется только чертами, общими ему и

коммунистическому образу жизни, но при этом не выявляется специфика социалистического образа жизни; более того, на социалистический образ жизни переносятся те черты, которые составляют специфику коммунистического образа жизни (например, трудовая форма жизнедеятельности, присущая социалистическому образу жизни, рисуется как обязательно имеющая уже при социализме у каждого индивида интересный для него и творческий характер, существенные различия в общественно-политической активности трудящихся изображаются как нечто ненормальное, как проявления еще не вполне сложившегося социалистического образа жизни и т. д.)» [62].

Таким образом, вопрос о структуре общественного мнения большой социальной группы (класса в первую очередь), о взаимодействии, динамике и внутренней организации его элементов имеет большое теоретическое и, что особенно важно подчеркнуть, практическое значение.

Глава 4

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ: ОПЫТ СИСТЕМНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Еще более сложно по сравнению с общим мнением больших (прежде всего, классов), средних (в первую очередь, коллективов) и малых социальных групп, а также с индивидуальным мнением, общенародное общественное мнение. Складываясь из мнений индивидуальных и коллективных, оно не представляет собой их простую сумму, а обладает качествами, не сводимыми к свойствам образующих его элементов. То есть перед нами свидетельство того, что общественное мнение является целостной системой. Обращение к существующим в литературе определениям понятия «система» еще больше убеждает в этом [63]. Собственно, было известно, что общественное мнение состоит из компонентов или частей, элементов. Однако оно рассматривалось вообще, безотносительно к различным субъектам, что приводило подчас к тому, что особенности общественного

мнения в целом переносились на мнение личности, а характерные черты мнения личности трактовались как присущие якобы мнению всего общества. Разумеется, было бы неправомерным только лишь упрекать исследователей проблемы и не видеть тех сложностей, с которыми приходилось сталкиваться в процессе анализа. Интегративные качества системы далеко не всегда очевидны. Это утверждение особенно справедливо по отношению к социальным система, которые связаны друг с другом множеством связей — содержательных и формальных, координационных и субординационных, причинно-следственных, статистических или корреляционных, а также генетических, пространственных и временных. Не случайно В. И. Ленин подчеркивал, что «отношения каждой вещи (явления etc.) не только многоразличны, но всеобщи, универсальны. Каждая вещь (явление, процесс etc.) связаны с *каждой*»[64].

Особые трудности вызывает выделение и описание интегративных свойств систем духовного порядка, к которым относится и общенародное общественное мнение. Системы этого класса отражают с различной степенью полноты и точности объективно существующую социальную действительнось. Это отражение может быть как непосредственным результатом воздействия общественных условий существования, так и опосредованным, косвенным. Это значит, что оценки, содержащиеся в общественном мнении, могут складываться без предварительного осмысления происходящих социальных изменений, во многом на основе предположений, слухов, имеющегося социального опыта, традиций, привычек, сложившихся стереотипов, моды классового чутья, а также выступать результатом переработки с тех или иных идеологических позиций довольно значительного объема экономической, социально-политической, научно-технической и иной информации. Наряду с этим, необходимо учитывать и то, что хотя компоненты этого вида систем связаны между собой крепче, чем с другими системами и их элементами, эти связи довольно подвижны. Здесь нет устойчивой и постоянной взаимной зависимости, обусловленности. Так индивидуальное мнение питает и коллективное, и общественное. В то же время не все из мира индивидуальных мнений воспринимается мнением коллективным и общественным. Как правило, общественность критически просеивает

оценки, содержащиеся во мнениях личностей с точки зрения своих интересов, и отбирает те из них, которые отвечают потребностям общественного развития.

В условиях социализма общественное мнение, воплощающее опыт и разум широких трудящихся масс и выражающее совокупные интересы всех граждан социалистического общества, обогащает все другие виды мнений своим содержанием.

Своего рода связующим звеном между индивидуальными мнениями и мнением общества в целом выступают мнения коллективов. Складываясь на основе мнений индивидуальных, вбирая из них касающееся всех, пополняясь за счет их, они в то же время благотворно влияют на мнение индивидуальное, выверяя и корректируя его в соответствии с общими интересами и потребностями. Осуществляя функцию социального контроля, коллективное мнение тем самым играет важную роль в формировании личностных мнений, в обеспечении характера их содержания и конкретной направленности.

Большое влияние оказывают мнения коллективов на процесс становления мнения общества в целом. Правомерность этого признается исследователями общественного мнения. Так, А. К. Уледов пишет: «При социализме коллективное мнение можно назвать общественным, поскольку интересы отдельных коллективов совпадают в своей основе с общественными интересами, и потому коллективное мнение может выражать требования общественного мнения, выступать формой его проявления» [65].

В то же время общественное и коллективное мнения полностью не совпадают. Это объясняется наличием у общественных ячеек своих специфических задач, целей и интересов. Коллективы промышленных предприятий и строек, колхозов и совхозов, учебных заведений и учреждений, наряду с общим, имеют в оценках нечто свое, способное дополнить общественное мнение в целом. Поэтому чем шире мнения коллективов отражают жизнь общества, тем более зрелым является формирующееся на их базе мнение всего общества. Коллективы помогают советской общественности наиболее полно отразить процессы социальной действительности и выработать соответствующие оценки и суждения. Из рассмотренного вытекает вывод, согласно которому происходящие в духовной жизни сложнейшие диалек-

тические превращения и качественные изменения приводят к образованию общего мнения.

Итак, общенародное общественное мнение включает в себя, во-первых, совокупность разнообразных мнений, присущих составляющим общество классам, социальным слоям, коллективам и индивидам. В этом смысле оно выступает как собирательное понятие. Вместе с тем подобный подход трактует общественное мнение широко, когда этой дефиницией обозначают какое угодно общее мнение (народа, класса, социального слоя, коллектива и т. д.). Сказать, что понятие «общественное мнение» носит собирательный характер (собирательное по своему существу) — это значит подчеркнуть то, что оно относится ко многим явлениям, хотя и различающимся между собой, но принадлежащим к одному и тому же роду, имеющим общие признаки и выполняющим одинаковые функции. В строго научном плане такое толкование не совсем корректно. Ибо понятие «общественное мнение» не просто фиксирует множество мнений, функционирующих в данный конкретный момент в обществе, указывает не на всякое общее мнение, но определенного качества, регистрирует не все без исключения его свойства, а интегративные, системные, не присущие другим видам мнений.

Ряд важных уточнений в понимание этого вопроса внес А. К. Уледов. Подчеркивая нестрогость обозначения указанным понятием любого группового мнения, он справедливо подчеркивает необходимость применения этого термина к мнению, имеющему только определенные признаки, особенности. В пользу этого приводятся убедительные аргументы. Прежде всего, это существование в каждый данный момент, наряду с общественным, мнений, не охватываемых этим понятием, отличающихся от него по своим существенным признакам и высказываемых не по проблемам, затрагивающим интересы общества в целом, а по вопросам, которые являются общезначимыми и охватывают лишь индивидуальные, частные интересы людей.

Еще одним доводом, показывающим некоторую условность обозначения всей совокупности мнений (общественного и не имеющих статуса такового) понятием «общественное мнение», выступает необычайная подвижность мнений: «с изменением условий и факторов, влияющих на их формирование, вчерашнее мнение

меньшинства сегодня может стать мнением большинства, или единодушным мнением, т. е. общественным мнением, и наоборот»[66]. Приводятся также веские доказательства чисто практического характера. Потребности практики выдвигают подчас задачу исследования не только общественного мнения, являющегося мнением большинства, но и иных мнений по тому или иному вопросу, например, оценок и суждений людей определенной профессии или мнений представителей различных возрастных групп, жителей города или села. Поэтому А. К. Уледов предлагает для обозначения мнения, приобретшего качество общественного, употреблять понятие «общественное мение», а для фиксации всей совокупности мнений, бытующих в обществе в рамках одного и того же периода, одной и той же эпохи, использовать дефиницию «мнение общества»[67].

Следует признать также убедительными предложения называть общественное мнение всего общества общенародным, а другие виды мнений именовать с приставкой, указывающей на субъект-носитель этого мнения: «общественное мнение рабочего класса», «общественное мнение колхозного крестьянства», «общественное мнение интеллигенции», «общественное мнение молодежи», «общественное мнение коллектива» и т. д.

В подобных подходах заключен большой внутренний смысл. Он помогает разграничить реально существующие в обществе духовные образования и наиболее полно выразить их в понятиях, более основательно разобраться в пестром калейдоскопе человеческих мнений. Обратить внимание на то, что общественное мнение социалистического общества — это своего рода синтез разнообразных потоков, процессов, происходящих в областях политического, нравственного, правового, эстетического, философского, а также обыденного и и теоретического сознания, сферах общественной психологии, идеологии, науки, «итог» сложнейших взаимодействий, осуществляющихся в духовной сфере различных социальных структур общества.

И, наконец, учесть то, что один цикл формирования и существования общенародного общественного мнения не просто сменяется другим через определенный промежуток времени. Начало другого, третьего подчас уже заложено в первом в виде предпосылок и т. д. и т. п.

По мере же выдвижения того или иного вопроса в центр внимания общественности мнения преобразуются, интегрируются, трансформируются в мощные потоки, которые вбирают в себя другие, имеющие к нему прямое или косвенное отношение.

Общественное мнение включает в себя и нечто отличное от обыкновенной суммы мнений классов, социальных групп и индивидов, а именно: системные, интегративные качества, характерные для него как определенной целостности. Главную, решающую роль в процессе формирования общенародного мнения (а именно оно и является общественным) играет, как отмечалось, советский рабочий класс — ведущая сила коммунистического строительства, наиболее динамичный и восприимчивый по отношению ко всему новому и прогрессивному.

Однако было бы неверным подменять исследование системных качеств общественного мнения описанием мнений типичного представителя того или иного класса. Если речь идет о социалистическом обществе, то такой подход может дать определенное представление о мнении не только класса, но и общества в целом. Что же касается капиталистического общества, то при анализе его общественного мнения подобный прием вряд ли будет уместен, ибо при этом можно получить известную информацию о мнении класса, но не всего общества в целом. Для получения адекватного представления об общественном мнении классово-антагонистического общества нужно иметь в виду несколько моментов. Прежде всего то, какой класс является экономически и политически господствующим, поскольку этот класс держит в своих руках средства формирования мнений, поставляет из своей среды основную массу так называемых «лидеров мнений» и регулирует производство и распределение мыслей своего времени, т. е. его мысли и оценки являются господствующими.

Кроме того, народное мнение складывается не только из оценочных суждений господствующего класса, но и из мнений других классов и социальных групп. Признавая определенную роль в становлении общественного мнения позиций и оценок господствующих классов, нельзя забывать, на какой стадии развития они находятся (восходящей или нисходящей), об их отношениях с иными классами и социальными группами, внутренней расстановке классовых сил, а также о возможности

исключений из правил. «Нередко в жизни возникают ситуации, — пишет В. С. Коробейников, — когда представители одного и того же класса высказывают взаимоисключающие точки зрения, а с другой стороны, наблюдаются случаи, когда разные классы дают какому-либо явлению или процессу близкую или совпадающую оценку. Таким образом, общественное мнение при определенных условиях может «нарушать границы» классового сознания» [68].

В условиях социалистической действительности, общности коренных интересов его классов, социальных групп, заинтересованных в обстановке качественного совершенствования социализма в развитии всего того, что укрепляет его), «нарушение» происходит постоянно и повсеместно. Интегративными качествами социалистического общественного мнения как целостности являются общность оценочных суждений, их прогрессивная социальная направленность, гуманистичность, оптимистичность, внутреннее единство, высокая интенсивность, идейная и политическая зрелость. На системный характер некоторых из перечисленных качеств уже обращалось внимание в литературе. Например, М. К. Горшков, характеризуя такую качественную характеристику, как зрелость, пишет: «Это наиболее широкая и глубокая по содержанию комплексная характеристика общественного мнения. Она раскрывает не только отдельные качественные стороны этого феномена, а подчеркивает его целостное качественное состояние» [69].

В силу общности политической, экономической и идейной жизни советского народа, а также ввиду того, что общественное мнение как система активно воздействует на свои составляющие и преобразует их согласно собственной природе, эти же качества присущи мнениям социалистических коллективов как целостных образований, за исключением случаев незрелости, распада коллектива или перерождения его в группу, замкнувшую цели своей деятельности внутри самой себя и противопоставившей свои узкие интересы общественным интересам и целям. Что касается индивидуального мнения, то здесь тем более нельзя сказать, что мнения абсолютно каждого человека характеризуются всегда и всюду именно этими и только этими чертами, хотя для основной массы советских людей — это, конечно, так.

Общенародное мнение социалистического общества, будучи тесно связанным со своими составляющими, в то же время представляет собой образование, всесторонне отражающее общественные интересы и характеризующееся высокой степенью зрелости, социально-политической активности, положительной направленностью, стабильностью (выражающейся в однотипной реакции большинства советских людей на актуальные вопросы общественной жизни и ведущей с течением времени к «спрессовыванию» общественного мнения в традиции). Подобно коллективным и индивидуальным мнениям, оно в отдельных случаях может заблуждаться, но в отличие от них не может быть нейтральным, индифферентным. Напротив, раз возникнув, представляет собой довольно устойчивое образование, сохраняющее свои основные оценки даже после того, как его составляющие (индивидуальные и коллективные мнения) претерпевают существенные качественные изменения. Разумеется, в этом случае изменяется и общественное мнение (меняется количество его составляющих, несколько иным становится их качество, т. е. мера целостности). Однако определенное время целостность общественного мнения остается «нечувствительной» к качественно-количественным изменениям его внутренних свойств.

Итак, общественное мнение как система обладает такими свойствами, которые отличают его от качеств образующих его потоков мнений.

Вместе с тем системными качествами не исчерпывается характеристика рассматриваемого явления; его атрибутами как целостной системы выступают также элементы, из которых оно образовано и без которых его существование немыслимо. Между ними существует большое количество связей — существенных и несущественных, причинно-следственных (причем здесь действуют сложные формы причинной зависимости, как правило, нелинейной), повторяющихся и единичных, необходимых и случайных, внутренних и внешних, общих и частных, устойчивых и мимолетных. Кроме того, возможны отношения единства и противоречия, имеет место координационная и субординационная зависимость. Наконец, каждый из них в процессе этого взаимодействия переходит от одного качественного состояния к другому, развивается.

Соответственно, по отношению к общественному мнению понятие части можно применять только с оговорками [70], так как оно не состоит из отдельных, обособленных элементов в обычном их понимании. Его подсистемы относительно самостоятельны, но степень независимости тут не так велика, как в материальных образованиях. Однако несмотря на то, что компоненты общественного мнения отделить от целого пространственно невозможно, их можно выделить путем абстракции, мысленного отвлечения от тех свойств и связей, которые не дают возможность рассматривать части целого в «чистом виде».

Кроме того, общественное мнение состоит из ряда компонентов, относящихся к различным уровням организации сознания. Одни из них тяготеют к области обыденного сознания, другие в большей степени «захватывают» сферу научных представлений.

«Части» общественного мнения сами, в свою очередь, представляют собой подсистемы. Мнение класса, социального слоя, коллектива и т. д. — это системы в системе более высокого порядка. Исходным их элементом выступает индивидуальное мнение, хотя и состоящее из целого ряда суждений (оценочных, обосновывающих, аналитических, конструктивных и др.), но неделимое далее в границах данного качества.

Еще одним основанием, позволяющим считать то или иное отдельное мнение компонентом системы «общественное мнение», выступает выполняемая им функция. Отметим, что всякий элемент, лежащий в системе, выполняет в ней определенное назначение. Если же какое-либо духовное образование не несет никакой нагрузки, не «работает» на систему или даже выступает по отношению к ней фактором дезорганизации, то оно чуждо для нее. Такими инородными образованию по отношению к социалистическому общественному мнению выступают оценки и суждения так называемых «диссидентов» (отщепенцев, предателей, изменников и выродков), лиц, живущих на нетрудовые доходы, спекулянтов, бюрократов, экстремистов, которых В. И. Ленин прямо называл врагами советской власти [71].

Таким образом, общественное мнение обладает определенным составом.

Какие же причины приводят к объединению его исходных составляющих в целостную систему? Марк-

сизм убедительно показал, что сущность и содержание любого мнения определяются условиями жизни людей. Сами эти условия многоплановы, состоят из общественно-экономических, естественно-географических и других компонентов, оказывающих неодинаковое воздействие на мир мнений. Среди обстоятельств, определяющих мнения классов, коллективов, личностей, общества в целом, главное место принадлежит общественно-экономическим условиям. При наличии общего в условиях жизни общества, социальной группы (класса), личности имеются отличия. Так, условия жизни общества состоят из социально-экономических, материально-технических, естественно-географических и иных факторов. Что касается условий жизни класса, то к ним, кроме перечисленных факторов, относится совокупность специфических условий, связанных с местом класса в системе производственных отношений. Точно так же характер мнений личности, будучи тесно связанным с характером способа производства и сущностью общественно-экономического строя, определяется и большим количеством других обстоятельств, которые зависят, например, от природы и особенностей самой личности.

Мнения связаны не только с условиями жизнедеятельности их носителей, но и друг с другом. Причем между компонентами системы «общественное мнение» существуют, как отмечалось, сложные формы причинной зависимости. Это хорошо прослеживается на примере взаимодействий индивидуального, коллективного и общественного мнений. Коллективное и общественное мнение при социализме связаны между собой непосредственно. Такое отношение взаимной зависимости между ними позволило исследователям проблемы утверждать, что в своем подавляющем большинстве (за исключением случаев групповщины и местничества) коллективы выступают полномочными представителями общества в целом [72]. Более того, трудовые коллективы, в силу своего высокого положения в социалистическом обществе, более или менее прямо обусловливают многие характеристики всего общественного мнения. Что касается индивидуальных мнений, то их связь с целым носит косвенный, опосредованный характер. С другой стороны, и общественное мнение детерминирует свои компоненты по-разному. Так, мнения людей по политическим

вопросам оно преобразует коренным образом, мнения же, функционирующие в сферах быта и морали, в меньшей мере поддаются его влиянию, а подчас и вовсе оказываются «неподдающимися».

Между компонентами рассматриваемой системы существуют отношения координации, т. е. согласования. Наряду с ними имеются и субординационные зависимости, т. е. определенные подчиненность и соподчиненность, которые характеризуют положение, занимаемое тем или иным видом мнений. Одни мнения играют в ту или иную эпоху или на определенной ступени развития общества определяющую роль, другие — не столь значительную, а подчас и вовсе второстепенную. Тем не менее факт наличия большого количества причинных связей (одно-однозначных, одно-многозначных и много-однозначных), переплетающихся со случайными взаимодействиями, сам по себе ничего не объясняет. Для правильного понимания этого сложного клубка причинных отношений необходимо выяснить их социальные качества, отличительные особенности, которые в конечном итоге определяются, так же, как и сам характер мнений, социально-экономическими условиями.

Следовательно, причинами объединения различных мнений, функционирующих в социалистическом обществе, в целостную систему являются единая общая сущность его производственных, социально-политических и идеологических условий, а также идейно-политическое и моральное единство советского народа. Важнейшим фактором целостности социалистического общественного мнения выступает марксистско-ленинская идеология, которая ориентирует людей на определенную систему ценностей и тем самым объединяет их общностью образа мыслей и образа действий.

Одним из факторов целостности общественного мнения является информационный обмен. Без передачи и использования социальной информации, ее активного обращения среди людей невозможно возникновение, функционирование и развитие любого мнения. Исследователи обратили внимание на этот момент. Есть интересные попытки определения общественного мнения через коммуникационные процессы [73]. Действительно, информационные потоки составляют неотъемлемую принадлежность общественного мнения. Быстрота формирования, направленность, эффективность и действен-

ность общественного мнения зависят от количества и качества информации, которой располагают его носители. Эта связь носит существенный, необходимый, устойчивый, повторяющийся характер и поэтому может рассматриваться как закономерность. Важна, однако, не простая констатация этого и рассмотрение содержательной, классовой стороны социальной информации. Ибо характер сведений, которыми обмениваются люди, интенсивность и содержание этого обмена неодинаковы в различных обществах. Отношения социального равенства порождают одни способы регулирования и формы контроля за содержанием информации, распространяемой в обществе, а отношения подавления и эксплуатации — в корне противоположные. Соответственно, для глубокого ознакомления с механизмом действия общественного мнения необходимо знание характера способа производства и определяемого им общественного строя, социально-классовой структуры общества и своеобразия его политической системы. Отвлечение от особенностей устройства государственной жизни того или иного общества, системы его политических учреждений, конкретной структуры власти, политического соотношения сил, господствующих ценностей, норм и традиций с неизбежностью приведет к формальным попыткам ознакомления со структурой и функционированием общественного мнения, превращению исследуемого явления в абстракцию, лишенную конкретно-исторических определений.

Состояние информационных потоков находится в тесной связи с этапом развития общества. Методы воздействия на них во многом зависят от особенностей деятельности всех звеньев диктатуры класса в тех или иных конкретных исторических условиях. Если в период своего восхождения к власти буржуазия и исполнители ее воли широко прибегали к прямому, ничем не прикрытому давлению на средства массовой информации, то по мере эволюции политических режимов капиталистических государств от прямой диктатуры к декоруму плюрализма наступала пора широкого применения инспирации — обеспечения требуемого характера, направления и интенсивности информационных потоков с помощью целой системы различных рычагов. Современная буржуазия стремится устанавливать такие политические режимы, при которых сохранялась бы видимость

демократии и максимально затруднялось бы использование трудящимися демократических институтов. Распределение ролей в механизме власти современных капиталистических государств маскирует власть буржуазии и затрудняет понимание трудящимися зависимости между политической направленностью прессы, радио, телевидения, кино и материальными манипуляциями крупного капитала.

В эпохи, когда почва под ногами господствующих классов становится слишком зыбкой, они прибегают к открытым террористическим диктатурам, стремящимся полностью исключить даже потенциальную возможность участия общественного мнения в политической жизни. Можно дать информацию неполную или искаженную, преподнести ее несвоевременно (распространенные приемы буржуазной пропаганды), но перекрыть все ее потоки практически невозможно. Тем более, что всегда существуют неофициальные пути обращения информации. Люди могут получать сведения, общаясь друг с другом. Кроме того, информационную нагрузку несет сама внешне- и внутриполитическая, экономическая и культурная деятельность правительства. Нельзя не сказать и о материально-вещной среде, основная функция которой далеко не информативная, но которая дает в распоряжение людей определенные сведения. Примером тому может служить реклама, ориентирующие и информирующие указатели и т. п. [74].

Неофициальные способы информационной связи не столь эффективны в деле формирования общественного мнения, как официальные. Но в то же время без них мнение только лишь на основе официальной информации вряд ли сможет функционировать удовлетворительно, быть активным и действенным. Роль неофициальных способов обращения информации состоит в том, что они «питают» официальные потоки информации, делая их не только более значительными по объему, но и гораздо качественно разнообразными. И как следствие этого возрастает уровень информационной обеспеченности управления или любого другого социального процесса, явления.

Истории известны безуспешные попытки лишить народ права иметь собственное мнение. Яркий пример тому — годы реакционных форм правления в дореволюционной России, мрачные полосы господства фашист-

ских режимов в ряде западноевропейских и латиноамериканских стран. Но даже тогда силам регресса не удавалось и не удается устранить мнение из общественной жизни. Именно в этом смысле В. И. Ленин писал о существовании в потемках самодержавия и господства жандармского подхода к делам довольно развитого общественного мнения русской и международной революционной среды [75].

В классово-антагонистическом обществе на пути распространения полной, правдивой информации стоят разного рода барьеры. К ним относятся социальные преграды, связанные с особенностями самой капиталистической общественной системы, насквозь пронизанной антагонизмами, господством и подчинением, начиная от форм собственности на средства производства, обмена и распределения произведенных материальных благ и кончая отношением людей друг к другу. Эти особенности влияют и на гносеологические барьеры, связанные с уровнем знаний и наличием опыта, необходимых для восприятия, понимания и усвоения той или иной социальной информации. В условиях, когда люди слишком узко ориентированы профессионально, а затраты на сообщение глубоких научных знаний широкому кругу лиц считаются непозволительными, многие оказываются просто не в состоянии охватить всю информацию (особенно политическую), и тем более подвергнуть ее анализу с точки зрения связи экономических, политических и духовных процессов, с позиции места, занимаемого ими в общественно-политической системе. Высокий гносеологический порог, затрудняющий доступ к пониманию и восприятию информации во всей ее целостности и полноте, дополняется в классово-антагонистическом обществе идеологическими и социально-психологическими препятствиями в виде сформированных под воздействием ненаучной, по своему существу буржуазной, идеологии, стереотипов, представляющих собой устойчивые эмоционально-окрашенные стандартизированные представления по внутренним и международным вопросам.

В специальных работах буржуазных авторов общественным называется не всякое мнение, а публично выраженное, доведенное до сведения всего общества, сложившееся при условии доступа общественности к информации, касающейся конкретного вопроса или группы

вопросов[76]. Но если учесть, что различные группы господствующих классов имеют более широкий доступ к информации (как с точки зрения своего положения в обществе, так и со стороны полученного образования) и располагают более мощными средствами для распространения своих взглядов, чем трудящиеся, станет ясно, чье мнение буржуазные социологи считают общественным. И в прошлом, и сейчас буржузная социология отказывает мнению трудящихся масс в праве называться общественным. Отсюда многочисленные варианты подразделения мнения на общественное и массовое. И если первому приписывается такое качество, как глубокое отражение социальной действительности, вскрывающее внутреннюю сущность, закономерности социально-политических процессов, то второе больше привязывается к обыденному сознанию и считается чем-то аморфным, объективно не связанным с чьими-либо интересами (завуалированная форма отрицания классовой поляризации современного капиталистического общества и всемирно-исторической роли пролетариата). Тем самым общественное мнение трудящихся выставляется субъектом, лишенным способности к активному политическому действию.

Такого рода стремление прослеживается в одной из работ крупного западногерманского исследователя общественного мнения Ноэль-Нойман. В ее монографии исследуется так называемая «спираль молчания», феномен, который обозначает такое положение дел в ходе формирования общественного мнения (кстати, рассматриваемое ею как социально однородный, классово-монолитный процесс), при котором определенная часть людей, считая, что они составляют меньшинство и не способны существенно повлиять на процессы принятия решений, открыто не высказывают своих позиций — оценок, хотя имеют свое мнение о событиях, в том числе и о тех, которые непосредственно их не затрагивают. Причины того, что одни не скрывают своих позиций и при всяком удобном случае готовы их демонстрировать, а другие склонны молчать и боятся проявить свое мнение («спираль молчания»), Э. Ноэль-Нойман усматривает в факторах психологического плана и, в частности, в боязни оказаться в изоляции. Что же касается социальных причин этого явления, то они ею игнорируются. Более того, она претендует на внеклассовую постановку вопро-

сов, стремится быть «внепартийным» наблюдателем, «объективным» исследователем. Однако ряд положений книги отчетливо обнаруживают классовую позицию автора. Например, Э. Ноэль-Нойман пытается убедить читателя в том, что средства массовой коммуникации выражают не мнения господствующего класса (общество в ФРГ, по ее мнению, однородно), а специфической группы индивидов, а именно журналистов.

Кроме того, отчетливо выраженный классовый характер имеет социальное назначение всей теоретической конструкции данного автора. Рассчитанная на «среднего человека», она вносит свой вклад в создание идеологической атмосферы предубежденного, бездумно-нигилистического отношения к политической деятельности, возможностям общественного мнения. Это есть не что иное, как своего рода моральное давление на общественность с целью заставить ее пассивно молчать. Подобное положение устраивает представителей господствующих классов, ибо молчание трудящихся увеличивает уверенность «сильных мира сего» в своем превосходстве, дает им возможность усилить эксплуатацию большинства и, наконец, создает видимость единодушия во мнениях у представителей всех классов и социальных групп.

На самом же деле представители монополистического капитала великолепно осведомлены о возможностях и силе народного общественного мнения, перед которым они много раз вынуждены были уступать. Поэтому буржуазные социологи прямо или косвенно (чаще всего косвенно) признают факт размежевания мнения народного и мнения групп, владеющих основными средствами производства и властью. С этим, собственно, соглашается и Э. Ноэль-Нойман [77].

Таким образом, информационный обмен сам по себе не является фактором целостности общественного мнения. Он, как известно, осуществляется в различных общественных системах, неоднородной экономической, социально-политической и духовной среде, которая влияет на его характер, эффективность, способ «обработки» события в сознании людей — содержание, коммуникационную структуру общественного мнения, особенности функционирования, интенсивность.

Важным условием не только сохранения, но и развития общественного мнения выступает его внутренняя противоречивость. При социализме сохраняется еще со-

циальная основа для несходства в оценках, которая обусловлена наличием социально-классовых, социально-территориальных, профессионально-квалифицированных, социально-демографических и национально-этнических различий. Существование не носящих антагонистического характера противоречий между коллективными мнениями, мнениями коллективов и личностей, между мнениями отдельных индивидов и т. д. связано также с тем, что компоненты системы «общественное мнение», находясь в однотипной экономической, социально-политической и духовной среде, функционируют в неодинаковых условиях и подвержены воздействию различных по своему характеру факторов. Необходимо учитывать и то, что помимо внешних условий на коллективные и индивидуальные мнения влияют факторы внутреннего порядка, связанные с особенностями развития отдельных социальных ячеек социалистического общества, личностей. Неоднородность и противоречивость такого целого, как общественное мнение, обусловлены и тем, что любое общественное образование является продуктом исторического развития. Поэтому в общественном мнении всегда имеются оценки, перешедшие из прошлого, суждения, обусловленные процессами, происходящими сегодня, и мнения, базирующиеся на так называемом опережающем отражении, которые только в будущем станут массовыми и широко распространенными. Многообразные мнения, функционирующие в каждый данный конкретный момент в обществе, обладают качественно-количественной характеристикой (направленность, интенсивность, стабильность, динамичность, распространенность, зрелость).

Проявлением существующих в указанной системе противоречий является борьба мнений, подчас, острая. В обстановке гласности здесь возможны издержки, проявляющиеся в неумении дискутировать, вылазках экстремистских элементов, не имеющих конструктивных и зрелых предложений по решению тех или иных вопросов, связанные с развитием политической культуры некоторых групп людей, но они не дают оснований говорить о политической оппозиции перестройке, ставить под сомнение идейно-политическое единство советского народа. Особенностью этой борьбы является и то, что носителями несходных, противоположных оценок выступают не классы в целом, а передовые и отсталые, кон-

серватиеные элементы из всех классов и социальных слоев общества.

В пределах достигнутого уровня социального единства социалистического общества происходят процессы изменения, развития, соответственно, одни оценки и суждения появляются, другие не «могут» доказать своего права на существование и исчезают. Поэтому единство системы «общественное мнение» нельзя рассматривать как абсолютное единомыслие всех. Единство в основном, коренном, существенном не нарушается от того, что идет борьба мнений по экономическим, техническим, научным, культурным и иным вопросам. Ибо это «борьба не за интересы одной части общества в ущерб другой, а борьба за интересы всего общества в целом, за интересы каждого отдельного человека, хотя и не каждый человек их понимает правильно...» [78]. Следовательно, между мнениями, составляющими целостную систему «социалистического общественного мнения», устанавливаются одновременно и отношения единства, и отношения противоречия. Мнения, из которых образуется данная система, не просто «сосуществуют» как что-то статическое, неподвижное, а, постоянно взаимодействуя, борясь в процессе обсуждений, дискуссий и т. п., развиваются, видоизменяются, сливаются с более крупными потоками мнений.

Диалектичность рассматриваемого явления состоит в том, что в каждом из его элементов (подсистеме) есть общее (обусловленное единством целей и интересов всех советских людей, особенное (связанное с классовой, профессиональной, демографической, национальной принадлежностью, а также с местом жительства) и единичное (находящееся в зависимости от мировоззрения, идеалов, ценностных ориентаций, понимания смысла жизни, т. е. индивидуального видения мира).

Сочетание общего, особенного и единичного во мнениях конкретных коллективов, личностей может быть различным. Хотя образ жизни предъявляет определенные требования к суждениям людей, однако возможности выборов своих позиций, оценок в условиях социалистической действительности исключительно широки (что ставит с особой остротой проблему социальной ответственности личности). Поэтому черты единичности во мнениях коллективов, личности могут быть выражены более или менее отчетливо, соответствовать общим нор-

мам социалистического образа жизни, а иногда в чем-то не совпадать с ними. Жизнь неопровержимо свидетельствует о том, что большинство советских людей, социалистических коллективов вносят, добавляют в общенародное мнение столько новых соображений и предложений, что оно становится подлинным воплощением их инициативы и индивидуальности.

К сожалению, встречается и такой «вклад» в общее мнение советского народа, который хотя и не ведет к деформации его в целом, но ухудшает показатели его отдельных «секторов». Речь идет, в частности, о мещанском стиле мышления и т. д.

Таким образом, между общественным мнением и его компонентами устанавливаются отношения единства и противоречия. Одним из проявлений противоречивого отношения между элементами системы «общественное мнение» выступает взаимодействие общего, особенного и единичного. Через призму этих категорий довольно отчетливо просматривается взаимовлияние общественного, коллективного и индивидуального мнений. В то же время внутренняя диалектика общественного мнения не укладывается в рамки отношений общего, особенного и единичного. Прежде всего потому, что рассматриваемая система складывается не только из мнений личностей и коллективов, но и из мнений представителей рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции, лиц, занятых преимущественно физическим или умственным трудом, жителей города и деревни и т. д. То есть общественное мнение всегда выступает своеобразным итогом множества процессов, происходящих в разных социальных структурах (социально-классовой, поселенческой, профессионально-квалификационной, половой и возрастной, национально-этнической). Поэтому его нельзя рассматривать только и исключительно под углом общего, особенного и единичного. Это лишь один из возможных «срезов» целостной системы «общественное мнение».

Внутренняя диалектика общественного мнения не сводится полностью к отношениям общего, особенного и единичного еще и потому, что эти категории фиксируют сходство и различие не только рассматриваемого целого и его подсистем, но и данной системы с другими образованиями. Например, через призму этих категорий может быть рассмотрено взаимодействие, осуществляе-

мое в пределах системы «прогрессивное мировое общественное мнение».

Итак, в основе изменений, постоянно происходящих в общественном мнении как целостной системе (в основе её развития, переформирования, выравнивания, стабилизации, перехода от различных суждений к полному согласию и, наоборот, от единодушия к множественности и т. д.), лежат противоречия, которые в социалистическом обществе не носят антагонистического характера, но являются источником развития и важным фактором его целостности.

РАЗДЕЛ II

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

Глава 5

ФУНКЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

В методологии исследования общественного мнения немаловажное место занимает проблема его функций. Значимость этого вопроса определяется необходимостью повышения роли общественного мнения в регулировании общественных и политических отношений социализма, усиления его воздействия на все стороны социалистического образа жизни, увеличения воспитательного потенциала. Проблема эта приобретает дополнительный интерес в обстановке обострения идеологической борьбы, остро поставившей задачу совершенствования пропаганды и контрпропаганды, активного противодействия идеологическим диверсиям против социалистических стран со стороны капиталистических государств. Попытки империализма подорвать, дискредитировать реальный социализм, обмануть мировое общественное мнение, внушить народам мысль о преходящем характере марксистско-ленинского учения, об отсутствии демократии в социалистических странах, об игнорировании потребностей и запросов людей, о советской военной угрозе и т. д. и т. п. требуют создания мнения такой силы и интенсивности, которое способно было бы подавлять подобные домыслы, преднамеренно распространяемые спецслужбами и идеологическими центрами капитализма внутри социалистических стран (внутренняя функция), и оказывать ощутимое влияние на оценки мировой общественности в целом (одна из внешних функций).

В функциях общественного мнения выражаются те роли, которые оно выполняет по отношению ко всему

обществу, его отдельным сторонам и сферам, а также к своим подсистемам. Функции представляют собой не что иное, как способность общественного мнения выполнять определенные, объективно необходимые «обязанности», «обслуживать» другие системы, обеспечивать существование целого или какую-либо форму его проявления. Так как только в социалистическом обществе функции общественного мнения раскрываются и реализуются во всей их целостности и полноте, вес его реально ощутим, а круг влияния широк.

Общественному мнению и его составляющим присуща определенная система социальных функций, которая комплексно характеризует характер выполняемых ими в обществе ролей. Обращает на себя внимание прежде всего многофункциональность рассматриваемой системы (общественное мнение), которая служит сферой расположения «обитания» других подсистем (мнений социально-классовых, социально-демографических, национально-этнических, территориальных групп, коллективов и отдельных личностей); «обслуживает» экономическую, социальную (в узком смысле), политическую и другие системы более высокого уровня; выступает в качестве «контролера» по отношению к производственным, политическим, управленческим, моральным и иным действиям людей; служит своего рода ориентиром для других видов мнений: коллективных и личных и т. д. Таким образом, функциональные связи существуют не только между анализируемой и другими, более «объемными» системами, но между системой и ее компонентами, а также между элементами системы.

Следует отметить и то, что функции общественного мнения могут перекрываться, накладываться, частично дополнять и замещать друг друга. При всем этом они согласованы по горизонтали (например, общаясь, люди координируют свои оценки, суждения) и по вертикали (сознательно или несознательно отдельные личности соотносят свои мнения с мнениями коллективов, общества, а коллективные мнения так или иначе подчинены общественному). Каждый «элемент» общественного мнения выполняет «свою» роль. Система в целом объединяет, связывает воедино функции своих компонентов и сама выполняет определенное функциональное назначение.

Функции общественного мнения, рассмотренные вне определяющих их общественно-экономических и соци-

ально-политических условий, теряют свое определенное конкретно-историческое содержание, превращаются в абстракцию. Какую роль играет мнение в жизни людей, это зависит прежде всего от социального контекста, в котором оно существует. Не говоря уже о том, что не всегда функциональные связи являются причинными.

Для понимания сущности функций общественного мнения важно рассматривать их в развитии. Такой подход полностью соответствует ленинскому требованию: «...не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» [79].

Социальные роли общественного мнения так же, как функции составляющих его подсистем, постоянно развиваются, переходят от одного качественного состояния к другому, от старого к новому. Это значит, что социальное назначение общественного мнения может быть различным в различных общественно-экономических формациях, а также на разных этапах развития одной и той же формации. Диалектика такова, что общественное мнение может терять одни и приобретать другие социальные «обязанности», функции, способствующие сохранению данной общественной системы, могут перестать при смене условий выполнять свое назначение и превратиться в так называемые дисфункции, которые не только не «служат» системе, не работают на нее, но и ведут, напротив, к разлаживанию ее функционирования, способствуют ее разрушению.

В марксистско-ленинской науке предпринимаются попытки систематизировать имеющиеся представления о функциональном назначении общественного мнения. Поскольку последнее функционирует в тесной взаимосвязи с различными сферами общественной жизни, постольку традиционной является классификация функций по областям социальной действительности. При этом рассматривается роль общественного мнения в экономике и политической жизни, в морали и праве, науке и культуре и т. д. Вследствие того, что область влияния общественного мнения широка, многие исследователи сознательно ограничиваются анализом роли этого феномена в одной или нескольких областях жизни общества. По мере рас-

ширения представления об общественном мнении обнаруживались недостатки такого подхода его, малопродуктивность с точки зрения практического овладения феноменом общественного мнения. Появились предложения различать функции общественного в зависимости: 1) от характера взаимодействия мнения и тех или иных социальных институтов или отдельных лиц, в первую очередь, характера влияния, воздействия первого на вторых; 2) от содержания высказываемого мнения и 3) от его формы [80].

В соответствии с первым основанием выделяются экспрессивная (в более узком смысле — контрольная), консультативная и директивная, со вторым — оценочная, аналитическая, конструктивная и регулятивная, с третьим — позитивная и негативная функции. Сыгравшая большую роль в расширении представлений о функциональном назначении рассматриваемого института, эта классификация со временем обнаружила и некоторую неадекватность тем реальным функциям, которые выполняет общественное мнение. Так, становится все более очевидным ее преимущественно логико-лингвистический характер и то, что основанием для ее построения больше служат свойства общественного мнения как речевого суждения, а не как социального института. Кроме того, у некоторых авторов вызвало возражение выделение так называемой экспрессивной функции, суть которой состоит в том, что общественное мнение всегда занимает ту или иную позицию по отношению к различным проблемам социальной действительности. С. Д. Мизеров пишет, что «это общий признак общественного мнения» [81] и и не соглашается с выделением негативной и позитивной функции общественного мнения, считая их оценкой («оценочной» функцией) или позицией («экспрессивной» функцией.)

Наряду с классификацией основных функций социалистического общественного мнения по сферам их приложения (а соответственно, на внешние и внутренние) возможна также их классификация «во времени». Иначе говоря, функции общественного мнения следует различать в зависимости от этапа развития, переживаемого обществом, коллективом. В этом аспекте, на наш взгляд, можно говорить о постоянных и временных функциях общественного мнения. Например, постоянными функциями являются воспитательная, регулятивная, а

также функция социального контроля. Что же касается директивной, то она присуща общественному мнению не всегда, а только лишь в отдельных случаях, когда требуется решительное пресечение того или иного поступка, действия, несовместимого с социалистическим образом жизни.

В условиях качественного обновления советского общества, когда есть скрыто противодействующие перестройке и создающие лишь внешнюю видимость ее поддержки (на словах), те, кто, прикрываясь устаревшими, но еще действующими инструкциями и законами, фактически (на деле) игнорируют партийные постановления (об индивидуальной трудовой деятельности, борьбе с коррупцией и нетрудовыми доходами), а также пассивно выжидающие, директивная функция общественного мнения приобретает новое качественное содержание. Партия требует, чтобы общественное мнение в этом случае было бескомпромиссным и непримиримым и со всей силой выполняло свою императивную, директивную функцию. Таким образом, одни функции общественного мнения являются постоянно действующими, а другие носят временный характер и «включаются» по мере необходимости.

С данной классификацией функций связано и их деление в зависимости от характера тех противоречий, к которым приковано в конкретный момент внимание широкой общественности. Одно дело, когда общественное мнение пытается внести свою «лепту» в контроль за мерой труда и мерой потребления, и совсем другое — когда оно выполняет функцию защиты социализма, социалистического образа жизни от подрывной деятельности со стороны империалистических государств. Разумеется, само общественное мнение не может разрешить антагонистическое или неантагонистическое противоречие. Первые преодолеваются путем классовой борьбы, причем преимущественным методом их разрешения выступает принуждение. Вторые также не могут быть исчерпаны вне социального действия. Более того, жизнь показывает, что невнимание к неантагонистическому противоречию или запаздывание с практической деятельностью, направленной на его разрешение, может привести к серьезным последствиям [82]. Однако в любом случае общественное мнение может способствовать созданию условий для разрешения противоречий. Уже давно заме-

чено, что общественное мнение чаще формируется в связи с проблемными моментами общественной жизни и гораздо реже — по поводу положительных. Так, общественность тонко улавливает расхождение между моральными, правовыми нормами и фактически практикуемыми нравами, реальным поведением людей.

Появление известных различий в оценках широкой общественности и институтов (представляющих их лиц), непосредственно связанных с осуществлением политической власти, может свидетельствовать о появлении каких-то противоречий между проводимой политикой и волей народа, а в отдельных, крайне редких и чрезвычайных случаях, даже сигнализировать о кризисе доверия к власти. Чаще же всего дисгармонии общественного и «официального» мнений при социализме обусловлены различной степенью компонентности первого и второго, иногда искажениями и ошибками в политике, но никогда не связаны с сущностью социализма и его принципами (в условиях капиталистической действительности расхождения во мнениях властвующей элиты и широких трудящихся масс носят закономерный характер и являются антагонистическими по своему существу). При этом речь не идет о требовании какого-то абсолютного единообразия во мнениях, ибо оно невозможно. Однако полное единодушие в оценках принципиальных вопросов социальной действительности не только вполне возможно, но и является при социализме реальным фактом. Подобное утверждение отнюдь не означает игнорирования критически-конструктивного характера социалистического общественного мнения, которое, безусловно, поддерживая социально-политическую действительность, в то же время сомневается в правомерности и необходимости существования отдельных моментов, критикует недостатки, антиподы социалистического образа жизни не ради нигилистического отрицания или охаивания действительности, а во имя совершенствования всех сторон социалистического общества. Следовательно, учет мнений общественности помогает осуществлять мероприятия политического характера с большей уверенностью и целенаправленностью, своевременно вносить необходимые коррективы в принятые решения, но не воспринятые с полной убежденностью всеми трудящимися, приводить дополнительные аргументы для обоснования целесообразности именно этих решений, с тем чтобы эффективно

повлиять на общественное мнение и убедить его в правильности проводимой политической линии.

Наряду с приведенными классификациями, возможно также деление функций общественного мнения на основные и неосновные. В нашем понимании основные функции — это наиболее общие и существенные направления его воздействия на экономическую, политическую, социальную и другие общественные структуры. Так, общепризнанным фактом является включенность общественного мнения в политическую систему социалистического общества. Среди факторов, обеспечивающих эффективное функционирование политической системы социализма, общественное мнение занимает немаловажное место. Обнародование, учет и внимательный анализ суждений и позиций советских людей дают возможность укреплять и развивать идейно-политическое единство общества, предупреждать конфликтные ситуации, своевременно разрешать возникающие противоречия, поддерживать аксиологическое согласие между социальными общностями и политической системой, в которую они интегрированы [83], словом, способствуют стабилизации политической системы в целом.

Функциональная роль, выполняемая общественным мнением по отношению к политической системе, довольно сложна. И это очень ярко проявляется в способах его включенности в механизм политической власти.

Политическая система советского общества состоит из нескольких подсистем: институциональной (политические институты и организации), функциональной (роли, выполняемые отдельными общественно-политическими институтами, политической системой в целом), коммуникативной (выполняет функцию связующего звена между компонентами политической системы, а также связи её с другими системами, внешней средой), регулятивной (политические нормы и традиции) и духовной (совокупность настроений, чувств и установок, а также политических теорий, создаваемых различными политическими институтами, идеологами для охранения существующих политических ценностей, укрепления, стабилизации, интеграции политической системы, обеспечения необходимого направления её развития).

Так вот, общенародное общественное мнение способно включиться в любую из названных подсистем. Например, в советском обществе отчетливо наметилась тен-

денция к возрастанию роли общественного мнения в политической системе. Более того, не имевшее ранее собственных институтов, оно постепенно их приобретает в «лице» служб, центров, лабораторий по изучению суждений общественности, функционирующих при различных политических организациях и их органах.

То обстоятельство, что общенародное общественное мнение «цементирует» политическую систему, обеспечивает её развитие как целого, связывает её институты, обеспечивает её развитие как целого, а также политическую систему с окружающей ее средой — это факт, не требующий особых доказательств.

Важное место общенародное общественное мнение играет в укреплении одних политических норм, в механизме их реализации, и отрицании других. Что касается соотношения общественного мнения и духовной подсистемы политической системы (выступающей в виде политической психологии и политической идеологии), то об этом уже говорилось выше.

Что касается неосновных функций общественного мнения, то под ними понимаются относительно более узкие и конкретные его назначения, входящие в состав основных функций как элемент их внутренней структуры. Например, социальный контроль — одна из основных функций социалистического общественного мнения. Контрольные функции общественного мнения выражены достаточно отчетливо. Факты и события социальной действительности, действия партийных и общественных органов, различных институтов государства, должностных лиц, отдельных личностей всегда находятся под контролем общественности. Причем он столь пристален, что даже реакционные правительства и политики вынуждены очень часто творить свои неприглядные дела с оглядкой на общественность. В условиях же социалистической действительности, где существуют не только неофициальный, но и организованный, хорошо отлаженный механизм контроля масс за деятельностью социальных институтов, эта функция общественного мнения получает наибольшее развитие. Однако даже при таких условиях контролирующие возможности общественного мнения не беспредельны.

Есть такие области, где контроль со стороны общественного мнения затруднен, например сфера науки. Это объясняется существованием в ней таких аспектов,

разобраться в которых могут только специалисты, обладающие соответствующей теоретической подготовкой. Сказывается и отсутствие четких критериев ценности научных исследований. Невозможно оценить работу ученого только по количеству публикаций или «ссылок» на его труды в литературе и даже по внедрению результатов научных изысканий в практику. Каждый из этих критериев имеет не только положительные стороны, но и недостатки. Так, широко распространенный метод оценки по имеющимся публикациям оставляет в стороне оригинальность, новизну, научную обоснованность результатов. Что касается степени цитируемости работ того или иного автора, то этот критерий не может быть достаточно эффективным хотя бы в силу различной степени известности автора. Мода возможна не только на вещи, одежду, но и на проблемы, «подходы» авторов. Модных, как правило, цитируют намного чаще, чем более результативных, но не попавших в поле благосклонного зрения. Оценка научной деятельности по внедренным в практику результатам также довольно затруднительна, ибо иногда требуется длительное время, чтобы проявился его экономический и особенно социальный эффект. Отсюда большое значение приобретает контрольная функция общественного мнения научных коллективов, своего рода «взаимоконтроль».

Что же касается контрольной функции общественного мнения в целом, то в этой сфере она, в силу причин объективного характера, реализуется более осторожно, а именно в форме пожелания или совета.

Реализуя (осуществляя) контрольную функцию, общественное мнение, помимо своего основного предназначения, выполняет и консультативную роль. Способствуя распространению и утверждению определенных политических позиций и оценок, системы ценностей, отстаиванию классовых интересов, оно тем самым берет на себя отчасти и идеологические функции.

К неосновным нагрузкам общественного мнения относится также передача социального опыта из поколения в поколение. В полном объеме эту задачу решают традиции как часть прошлого, воспринятую настоящим и выполняющую по отношению к нему чаще всего положительную роль (революционные традиции), или, что бывает гораздо реже, выступает по отношению к настоя-

щему как что-то чуждое и инородное (реакционные традиции).

Функции общественного мнения тесно связаны между собой. Однако их единство не означает отсутствия самостоятельности у каждой, а также определенных качественных различий между ними. Все они образуют систему, в рамках которой каждая функция в соответствии с ее содержанием и значением занимает свое место.

Еще один важный аспект при изучении функционального назначения общественного мнения состоит в том, что указанные функции выполняются и другими структурными образованиями общественного сознания. И это вполне объяснимо, так как образующие общественное мнение процессы возникают в определенной духовной среде, элементы которой можно отделить друг от друга, только прибегнув к абстракции. Поскольку духовная жизнь современного общества идеологизирована, постольку функции идеологии влияют на функции всех других духовных образований.

Марксистско-ленинская идеология занимает центральное место в духовной сфере жизнедеятельности советских людей, является такой ее подсистемой, которая разрабатывает мировоззренческие ориентации, объединяет все духовные образования в единое целое, направляет, обеспечивает их нормальное функционирование, совершенствование и развитие. Такое ее положение обусловлено тем, что, отражая интересы самого передового класса современности — рабочего класса, которые совпадают с объективными потребностями прогрессивного развития общества, она является подлинно научной, совпадает с наукой по своей гносеологической природе. Важнейшие характеристики марксистско-ленинской идеологии: научность, последовательная партийность, творческий характер, проникнутость оптимизмом (верой в будущее) и другие, воплощаются в ее функциях, сказываются на всех других духовных образованиях. Познавательная, оценочная, интегративно-коммуникативная, прогнозирующая или программирования, целеполагания, т. е. перевода на язык политических программ коренных интересов класса, функции марксистско-ленинской идеологии оказывают существенное воздействие на функции, выполняемые общественным мнением. Например, его оценочная функция определяет ценности или значения

факта, события для человека, коллектива, класса, общества в целом в выработке отношения к ним. Если за этими оценками и суждениями не стоит идеология, то они, как правило, носят чисто эмоциональный, поверхностный характер, базируются на случайных, чисто внешних моментах, не подкрепляются достоверными сведениями об окружающей социальной действительности, не основываются на четких классовых критериях. Напротив, идеологически подкрепленные (речь идет о марксистско-ленинской идеологии) мнения отличаются прогрессивной направленностью, объективностью, зрелостью, а высказывающий их (отдельный человек, коллектив) отличается убежденностью в правильности, значимости и практической полезности своих «суждений» и настойчивостью их в отстаивании. Таким образом, без идеологического обоснования нет и не может быть должной степени интенсивности как индивидуального, так и общественного мнения, а соответственно, и эффективного выполнения ими своих функций.

Объединяя людей, сплачивая их вокруг определенных целей, выполняя свое интегративное назначение марксистско-ленинская идеология одновременно способствует качественному переформированию функционирующих в каждый конкретный момент в обществе суждений, выравниванию и стабилизации их, слиянию с более крупными и зрелыми потоками мнений, т. е. вносит ощутимый вклад в процесс становления общественного мнения в целом. Сознательно усвоенные идеологические ценности, превратившиеся во внутренние убеждения людей, способны качественно изменить их образ мыслей, мнений, сделать их более социально активными, интенсивными и действенными.

Итак, функции общественного мнения всегда классовы и не могут быть правильно объяснены вне идеологической жизни общества. Отсюда становится очевидной бесплодность попыток буржуазных исследователей доказать его бесклассовый, нейтральный по отношению к тому или иному классу общества характер. Отрицание классовой природы общественного мнения базируется на ставшем уже традиционным для буржуазной социологии противопоставлении «партийной» идеологии и «объективной» науки. Сторонники позитивистской и иррационалистической традиций в буржуазной теории идеологии при общности их социально-классовых пози-

ций имеют и некоторые отличия во взглядах на эту проблему. Если первые с порога отвергают возможность существования научной идеологии и объявляют все без исключения идеологии иллюзорности, то вторые, выводя идеологию из факторов психологического порядка и в принципе соглашаясь с тезисом о несовместимости идеологии и истины, большее внимание уделяют изучению техники искажения истины существующими идеологиями. Осуществляя функциональный подход к идеологии, буржуазные социологи оценивают ее значимость не с точки зрения ее научности (этот вопрос для них является решенным раз и навсегда), а с точки зрения ее способности обеспечивать бесконфликтное функционирование социальной группы или общности. Выделяемые функции идеологии никак не увязываются буржуазными исследователями с функциями общественного мнения, так как оно считается безусловно внеидеологическим образованием, всецело относящимся к обыденному сознанию.

Попытки буржуазной социологии отрицать идеологическую сторону («наполненность») функций общественного мнения ложны уже в силу того, что духовная жизнь современных обществ буквально пропитана совокупностью определенных идеологических ценностей (истинных, научных или иллюзорных, ложных). Кроме того, в силу наличия нерасторжимых связей субъекта — носителя общественного мнения с социальной средой исключается его свобода от господствующих в обществе ценностных ориентаций, хотя иллюзия такой независимости может возникнуть. И, наконец, внедрение в сознание людей угодных буржуазии идеологических установок и ориентаций с помощью огромной пропагандистской машины также не может не сказываться на классовом содержании функций общественного мнения. Однако, несмотря на то, что мнение общественности капиталистических стран всегда подвергается обработке, оно не всегда отвечает установкам буржуазной идеологии. История и сегодняшняя действительность дают массу примеров того, как руководящие группы капиталистического мира вынуждены были не просто считаться с мнением прогрессивной общественности, но даже уступать ему.

Итак, рассмотрены некоторые возможные подходы к систематизации функций общественного мнения. Разу-

меется, классификация функций данного явления, как и всякая классификация, зависит от оснований ее построения, которые связаны прежде всего с целями исследования. Поэтому право на существование имеют различные варианты представлений о функциях общественного мнения. Точно так же не может быть решен однозначно вопрос о количестве его функций. Это вызвано особенностью изучаемого объекта, представляющего собой такую сложную систему, которую невозможно охватить каким-то одним структурным представлением. Здесь вполне реальны различные структуры, каждая из которых имеет в свою очередь подструктуры, обладающие своими относительно самостоятельными функциями. Заметим, что это не аргумент в пользу неоправданного изобретательства новых функций. Тенденция к выделению новых функций может быть оправдана лишь в том случае, когда она имеет под собой не формально-логическое, а содержательное основание.

Кроме того, количество функции связано с этапами становления общественного мнения. Вполне понятно, что в период, когда общее мнение только формируется, оно не может выполнять во всем объеме, во всей целостности и полноте регулярную, контрольную, воспитательную и иные функции. Особенно отчетливо это можно проследить на примере общественного мнения коллектива. Известно, что коллектив в своем развитии проходит следующие стадии: первичного синтеза, дифференцирования коллектива, интегрирования людей в коллективе, максимальной требовательности к себе каждого на фоне требований коллектива [84]. Хотя процесс развития коллектива и формирования его общего мнения характеризуется несинхронно, следует признать тем не менее их диалектическую взаимообусловленность, определенную привязанность выполняемых коллективным и общественным мнением функций к стадиям развития коллектива. Так, на первоначальных этапах становления коллектива только формирующееся общее мнение несет на себе больше информационную, оценочную познавательную нагрузку, чем регулятивную и воспитательную. Это и понятно, так как люди, образовавшие коллектив, еще только присматриваются друг к другу, адаптируются. На последующих (высших) этапах развития коллектива сформировавшееся общее мнение не только оценивает, но уже предписывает человеку определенный образ дей-

ствия, участвует в его воспитании. И эта функциональная эволюция понятна, ибо за общим мнением (коллектива, класса) уже стоит сила организации.

И, наконец, неизбежная условность всякого перечня функций (как бы они ни были совершенны) обусловлена тем, что общественное мнение находится в сложнейших причинных отношениях с другими духовными образованиями. Последнее обстоятельство приводит к тесной связи функций общественного мнения с назначениями других духовных образований. Так, близки функции общественного мнения и морали. Это во многом обусловлено тем, что мораль не имеет своих специализированных надстроечных институтов. Поэтому свои социальные функции она выполняет путем самого непосредственного взаимодействия с другими духовными образованиями, используя их надстроечные учреждения. Политическое сознание, искусство, наука — вот те каналы, к которым «подключается» мораль и через которые она осуществляет свое влияние. Так как общественное мнение — это «всепроникающее» образование, мораль взаимодействует с ним наиболее тесно, широко использует его для проникновения в индивидуальное сознание и формирования у людей представлений о должном, благе, добре и зле, чести и достоинстве. Следовательно, общественное мнение в социалистическом обществе осуществляет свои функции не автономно, а в тесной связи с функциями всех других духовных образований.

Оговорки, сделанные по поводу некоторой условности классификации целевых назначений общественного мнения, тем не менее не дают никаких оснований для скептического отношения к изучению и систематизации его функций. Вопрос этот имеет сегодня важное практическое значение. Речь идет о повышении эффективности и действенности общественного мнения. Общественность в нашем обществе, например, давно уже осудила отклонения от норм социалистического образа жизни и т. д. Тем не менее такие явления еще встречаются. В то же время внимание общественного мнения к этому подчас бывает незначительно, а его интенсивность (одна из характеристик общественного мнения), сила воздействия на подобное недостаточно велики. Большая роль в этом плане принадлежит общественному мнению, которое сегодня более продуманно используется партийными комитетами и идеологическим активом.

Таким образом, рассмотренное позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, в функциях общественного мнения выражается его деятельность, которая диктуется присущими ему закономерностями функционирования и развития и в конечном итоге является проявлением активной роли народных масс в истории. Во-вторых, эти функции могут быть правильно поняты только при условии их рассмотрения в развитии, качественных переходах от одного состояния к другому. В-третьих, причинно-следственные и иные связи существуют как между общественным мнением в целом и другими более широкими системами, так и между его компонентами. Поскольку общественное мнение не представляет собой абсолютно замкнутую систему, а скорее является подсистемой более общих систем, выступает как своеобразное диффузное распространение ее в других духовных образованиях, постольку оно выполняет свои социальные роли не изолированно, а в тесной связи с функциями всей социальной системы социалистического общества. И, наконец, качественная характеристика социальных назначений общественного мнения находится в прямой связи со всей совокупностью условий жизнедеятельности людей. Необходимость рассмотрения «обязанностей» данного духовного образования в тесной связи с условиями жизни обусловлена не только тем, что они определяют их сущность, содержание, степень участия дел в решении общих дел, но и тем, что изменение условий жизни на том или ином этапе развития социализма закономерно приводит к их качественному преобразованию, изменению их согласованности и подчиненности.

Глава 6

СПОСОБЫ ВКЛЮЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ

Политическая система советского общества представляет собой динамичное, постоянно развивающееся образование, обладающее сложнейшей внутренней организацией, структурой. Марксистско-ленинская политическая наука изучает ее не только и не столько в статике, но главным образом в движении и развитии.

Как и каждая система, она имеет свою собственную историю, переживает процессы зарождения, становления, упрочения, функционирования как целостности, а также качественного преобразования, совершенствования и дальнейшего развития.

В зависимости от этапа, стадии, на которой находится политическая система, одни ее составляющие, элементы преобразуются, изменяются их связи между собой, другие — перестают существовать, наконец, появляются новые и т. д. В ходе развития политической системы, ее совершенствования обогащаются формы и способы связи элементов и системы в целом с окружающей ее социальной средой. Словом, политическая система советского общества может быть рассмотрена с точки зрения того, как она возникла, какие основные этапы в своем развитии проходила и чем она стала теперь.

Однако, на каком бы этапе ни рассматривалась политическая система советского общества (речь идет о ее системном целостном «видении») [85], ее изучение возможно в нескольких планах. Историческом, о котором уже говорилось и который, кстати, в той или иной степени всегда присутствует при анализе современной политической жизни. Отметим в связи с этим и то, что он помогает выделению закономерностей развития политических систем, объединению политических явлений не только на абстрактно-теоретическом, но и конкретно-эмпирическом уровнях (не случайно отчетливо наметилась тенденция ко все большей теоретизации методологического аппарата исторической науки, к усилению в нем элементов формализации и научной абстракции), и, наконец, тот факт, что в некоторых отношениях исследование политических систем в исторической ретроспективе более затруднено, чем анализ политических систем, функционирующих сегодня.

Советскую политическую систему можно изучать и в плане ее функционирования и развития (заметим, на любом этапе развития). Диалектика такова, что в своем развитии политическая система переходит от одного качественного состояния к другому. Приобретя новое качество, она определенное время сохраняет его, хотя это вовсе не означает, что в ней не происходят процессы изменения, совершенствования и т. д. Они осуществляются постоянно, но в пределах данного качества и фикси-

руются понятием «функционирование». Функционирование советской политической системы складывается из процессов, имеющих непосредственное отношение к осуществлению политической власти: выработки и принятия политических решений; планов (текущих и перспективных) развития политической системы в целом и ее отдельных элементов; организации их выполнения (реализации); действий, направленных на сохранение, поддержание и совершенствование состояния упорядоченности в ней, а также сбора, обработки и оперирования необходимой для нормальной «жизнедеятельности» политической системы и ее элементов информации. Помимо указанных «составляющих» функционирования советской политической системы, большую теоретическую и практическую нагрузку несет в себе изучение функций политической системы в целом и ее отдельных элементов, факторов, влияющих на них, а также закономерностей функционирования.

Рассмотрение функционирования советской политической системы одновременно является и изучением ее развития, так как изменения, протекающие в реально существующем качестве, создают предпосылки, «подготавливают почву» для перехода ныне существующей политической системы в качественно новое состояние в будущем. Советская политическая система функционирует, развиваясь, и, развиваясь, функционирует. Законы ее функционирования выступают как момент, как проявление законов ее развития в определенный период времени. Таким образом, разграничение функционирования и развития довольно относительно и отнюдь не означает их противопоставления.

Названные и коротко охарактеризованные подходы, тесно переплетаются с подходом системно-структурным, представляющим собой такой анализ политической системы советского общества, который раскрывает «устройство» системы, ее внутреннюю организацию, способ взаимодействия образующих ее компонентов. Место этого аспекта в системном подходе определено В. Г. Афанасьевым, который подчеркивает, что сам системный подход системен, так как заключает в себе ряд взаимосвязанных аспектов [86].

Особенности политической системы, ее свойства во многом зависят от социально-классовой природы образующих ее элементов, от их внутренней организации

и взаимосвязи, т. е. от структуры. Собственно, этот факт не нуждается в доказательстве. Однако это вовсе не значит, что в сфере «структурных» исследований политической системы нет неясных проблем. Многочисленные (в отличие от исследований, анализирующих ее функционирование) работы, посвященные изучению структуры политической системы советского общества, позволяют сделать вывод о том, что она исключительно сложна, носит не плоскостный, а объемно-динамический характер и, соответственно, не может уложиться в какую-то одну схему. Отсюда понятны трудности использования метода моделирования при изучении политических систем, которые преодолимы лишь при учете следующих моментов: классового характера протекающих в рамках политических структур процессов; огромной роли идеологии в политической жизни; многообразного характера ее связей с окружающей экономической, социальной и духовной средой; реальной оценки тех возможностей, которыми располагает метод моделирования.

Сложность изучения структуры политической системы обусловлена целым рядом обстоятельств. Известно, что политической системе, как специфической разновидности социальной системы, присущи черты, свойственные всем социальным системам вообще. Собственно, здесь вопросов не возникает. Они начинаются тогда, когда политическую систему пытаются «втиснуть», «подогнать» под существующие классификации систем. Оказывается, что в политическую систему входят и организации, институты, создаваемые обществом для решения тех или иных политических задач, связанные с функционированием политической власти, и политические отношения, и политическое сознание, и политические нормы и т. д. Вот тут-то и начинаются сетования на то, что политическая система не укладывается в рамки философских представлений о системе, не подпадает ни под один из известных классов целостных систем, что авторы, трактующие элементный состав политической системы таким образом, нарушают принцип отбора элементов системы и прежде всего главное формально-логическое требование при всякой классификации — единого основания и т. д. Подобного рода утверждения несостоятельны уже в силу того, что в них содержится изрядная доза механистического мышления.

В этой связи важно обратить внимание на некоторые

положения марксистской теории систем. «Части, компоненты целостной системы в их широком философском понимании — это не результат произвольного механического членения целого, не нечто пространственно отделимое от него, а структурные единицы, взаимодействующие с другими структурными единицами в рамках данной целостной системы» [87]. Это означает, что «всякая более или менее сложная целостная система содержит в себе множество компонентов, частей, относящихся к различным уровням организации материи» [88].

Кроме того, согласно общей теории систем, «не следует связывать принадлежность частей к целому лишь с подчинением их закономерностям движения этого целого» [89]. Отсюда становится понятно, что элементами политической системы могут выступать и организации, институты, и отношения, и процессы, одни из которых представляют собой объединения людей, специально созданные общности во имя достижения целей, которые не могут быть реализованы в одиночку, хотя и значимы для каждого; другие хотя и материальны по своей природе, являются отношениями, третьи — представляют собой духовные образования и т. д. Последний тезис вовсе не означает признания правомерности смешения в рамках структуры политической системы общества материальных объектов, какими являются различные государственные и негосударственные институты, общественно-политические объединения, с нематериальными, духовными элементами, какими являются общественно-психологические и идеологические образования, политическое сознание.

Бесспорно то, что политическая система и функционирующие в ней взгляды, идеи, представления, теории тесно взаимосвязаны между собой. Последние непосредственно вплетены в политический механизм и выполняют по отношению к нему интегративную, охранительную роль, активизируют его функционирование, способствуют сохранению постоянства его структурных связей, а также программируют и прогнозируют перспективы и основные направления его развития. Фактически они представляют собой не что иное, как интеллектуальную, духовную основу политической деятельности. Вместе с тем это вовсе не означает, что они становятся элементами политической системы общества, «растворяясь» в политических институтах, учреждениях

и организациях. «От того, что различные идеи материализуются в отдельных элементах политической системы общества и в ней самой, выступающей как целое, они не утрачивают своей субстанции, не перестают быть идеями и не превращаются, таким образом, в материальные объекты — элементы политической системы общества. Иной вывод и иное допущение было бы не только неоправданным, но и по существу своему неверным, ибо в таком случае невольно допускалась бы и оправдывалась возможность смешения в рамках структуры политической системы общества «материальных» объектов, какими являются различные общественно-политические объединения, с «нематериальными», идеальными объектами, какими являются политические взгляды, идеи и представления» [90].

Из сказанного следует, что политические нормы, политические отношения и т. д. выступают элементами подсистем политической системы советского общества. Так, компонентами регулятивной подсистемы выступают политические, правовые, моральные нормы политических организаций; коммуникативной — явления, связывающие, цементирующие подсистемы в целостность, а также посредством которых осуществляется взаимодействие политической системы с другими системами (экономической, социальной, духовной), с окружающей средой. Естественно, все частные подсистемы политической системы могут находиться в отношениях тождества, единства и противоречия. Отношениями единства ее подсистем характеризуется политическая система советского общества, что во многом, наряду с другими факторами объективного характера, определяется учетом мнений и пожеланий трудящихся при совершенствовании советского политического механизма, представляющего собой интегрированное выражение народовластия. Что касается политических систем буржуазных обществ, то для них характерна антагонистическая противоречивость как между их подсистемами (например, институциональный и духовной), так и внутри них (это отчетливо проявляется в существовании институтов, выражающих и защищающих интересы господствующих классов и организаций угнетенных трудящихся классов; политической идеологии пролетариата и политической идеологии буржуазии; общественного мнения

господствующих классов и народного общественного мнения).

Таким образом, структура советской политической системы многообразна, проявляется в различных связях и отношениях, исключительно динамична. Все ее элементы, равно как и структуры различных уровней, должны по мере общественного развития совершенствоваться в направлении максимального участия трудящихся в осуществлении политической власти, улучшаться горизонтальная (координационная) и вертикальная (субординационная) упорядоченность, коррелятивные (когда несколько элементов системы детерминируются общими для них условиями) связи, многозначные нелинейные причинные зависимости между ними.

Это первое методологически важное обстоятельство, которое необходимо учитывать при рассмотрении элементного состава политической системы советского общества.

Суть второго заключается в том, что в политической системе, как и в социальных системах вообще, между элементами «действуют не механические, а гораздо более сложные формы причинной зависимости. Каждая из этих систем заключает в себе сложнейший клубок, переплетение причинных связей, взаимодействий. Одни части таких систем причинно связаны с целым непосредственно, они более или менее прямо «отвечают» за те или иные его характеристики. «Ответственность» других частей за свойства целого имеет косвенный, опосредованный характер, а третьи связаны с целым и совсем отдаленно. В свою очередь, и целое детерминирует свои части неодинаково: одни из них оно преобразует коренным образом, другие изменяет незначительно, а третьи как бы оставляет в неприкосновенности.

Причинная зависимость существует не только между целым и частями, но и между отдельными частями или группами частей, причем эта зависимость может осуществляться и осуществляется по типу или координации, или субординации. Существует, наконец, детерминация целого условиями внешней среды и обратное воздействие целого на внешние условия, что в еще большей степени усложняет характер детерминации в целостной системе» [91]. Одним словом, необходимо учитывать «одно-однозначные», «одно-многозначные» и «много-однозначные» детерминации.

Между элементами политической системы советского общества существует информационный обмен, без которого немыслимо ее успешное функционирование и развитие. Таково содержание третьего момента.

И, наконец, четвертый состоит в признании существования в политической системе общества элемента, который цементирует все другие элементы в систему. «В политических системах, — пишет М. Х. Фарукшин, — таким элементом, по всей видимости, является политическая власть» [92]. Действительно, и организационная структура политических институтов, и политические отношения, и политическое сознание и политические нормы, и способы организации информационных потоков зависят от того, что представляет собой политическая власть (т. е. реальная способность того или иного класса, группы, личности осуществлять и проводить свою волю в политической сфере жизнедеятельности, и если это необходимо, навязывать ее другим) — или руководство обществом со стороны рабочего класса, вооруженного марксистско-ленинской теорией, или господство класса (в условиях частной собственности и классового антагонизма), безраздельно владеющего основными средствами производства.

Идея о политической власти как главном интеграторе политической системы *, вызывающем объединение многообразных политических институтов, отношений, процессов, явлений в целостную систему, представляется весьма продуктивной. Значимость этой идеи заключается в том, что она позволяет подойти к вопросу о факторах целостности политических систем не абстрактно-теоретически, а с учетом их социальной природы. А при изучении общественных систем (подсистем) — это, несомненно, самое главное (заметим, кстати, что классификации внешних и внутренних системообразующих факторов, применительно к политическим системам, пока не создано).

Предлагаемый фактор, кроме того, позволяет дать убедительный ответ на вопрос о правомерности «включения» в политическую систему весьма разнопорядковых явлений: политических институтов, политических отно-

---

* Политическая структура сама является конкретизацией более общей, социально-классовой структуры, господствующей в обществе и детерминированной системой производственных отношений.

шений и таких идеальных по своей гносеологической природе объектов, как политические нормы и т. д.

В свете сказанного становится очевидной полиструктурность политической системы советского общества. Поэтому ее анализ ведется обычно в следующих «плоскостях»: структурно-институциональной (при которой анализируется совокупность государственных и общественных организаций трудящихся как собственно, так и несобственно политических, возглавляемых Коммунистической партией, способы их взаимодействия); структурно-функциональной (включающей рассмотрение функций политической системы в целом и ее основных элементов, методов осуществления политической деятельности через призму свойственных политической системе тенденций и закономерностей, а также основных факторов, оказывающих непосредственное воздействие на ее существование, функционирование и совершенствование, а соответственно развитие); структурно-регулятивной (изучающей систему норм [93], традиций, вызванных к жизни политическими потребностями и интересами, особенности регулирования ими политических отношений, а также то, как они влияют на достижение политических целей, политические позиции и ориентации субъектов политических отношений) и, наконец, в аспекте политического сознания (при котором основное внимание уделяется анализу, образованию политической психологии и политической идеологии, их соотношению, влиянию на образ мыслей и действий, политическое поведение людей) и т. д. Предпринятый экскурс в сферу изучения политических систем позволяет сделать несколько важных выводов.

Под каким бы углом зрения, в какой бы плоскости, в каком бы ракурсе ни исследовались политические системы современности, и советская политическая система в особенности, нельзя не обратить внимания на ту роль, которую выполняет в них общественное мнение. Если обратиться к тем процессам, которые происходили в политических структурах прошлого (системно-исторический аспект), то можно обнаружить многочисленные факты, свидетельствующие о невозможности полного исключения общественного мнения из политической жизни и о «нежизнеспособности» тех политических режимов, которые пытались это сделать. Истории известны попытки «вычеркнуть» его путем применения крайних

форм насилия, кровавого террора в отношении всех демократических и либеральных течений, максимального контроля над всеми проявлениями личной жизни граждан, их общественной жизни, не допустить даже потенциального его включения в политическую систему. Не менее известны и результаты такого рода акций. Не говоря уже о том, что подобные действия (хотят или не хотят их носители) отнюдь не способствуют стабилизации политической структуры, т. к. нарушается обратная связь политической системы и ее элементов с народными массами, подлинными творцами истории.

Институциональный подход к изучению политической системы, как известно, призван не только раскрыть ее элементный состав, способ их взаимодействия, но и дать оценку деятельности той или иной политической организации, наметить пути ее совершенствования. Сделать это, не имея в своем распоряжении достаточной в количественном отношении, а главное качественной информации, довольно затруднительно. Естественно, такого рода информация поступает по официальным каналам. В то же время, чтобы вовремя принять то или иное политическое решение, оценить эффективность проводимой внутренней и внешней политической линии, важно знать отношение людей к ней. Только в этом случае можно будет совершенствовать политическую организацию общества, создавать одни институты и организации и упразднять другие. «Изучение общественного мнения на основе применения конкретно-социологических методов, социально-психологическая характеристика политических установок, взглядов различных групп населения и индивидуумов, степени информированности, ценностных ориентаций, мотивов и стимулов поведения в сфере политики, — пишет Ф. М. Бурлацкий, — все эти вопросы нуждаются в глубоком научном исследовании. Картина развития и функционирования политической системы будет оставаться неполной до тех пор, пока эти проблемы не займут должного места в социологической и юридической науке» [94].

Не менее очевидна роль общественного мнения в процессах выработки и становления политических норм и традиций, механизмах их реализации, в политическом регулировании. Различаются, например, нормы, которые создаются специальными политическими институтами, и нормы, являющиеся своего рода итогом, резуль-

татом неофициального нормотворчества. Так вот, значение общественного мнения особенно велико во втором случае, хотя нельзя сказать, что в первом оно не играет никакой роли. Все зависит от классовой сущности, социальной направленности, структуры и других характеристик политической системы, а соответственно от того, имеются ли гарантии влияния общественного мнения на функционирование политического механизма, институты формирования и выражения общественного мнения, а также официальные каналы его непосредственного воздействия на процессы принятия политических решений.

Обращает на себя внимание при этом такой важнейший институт современных политических структур, как политические партии. Связь «общественное мнение — нормотворчество» во многом зависит от социально-классовой сущности партий, их идеологии, программы, политических целей, а также от их политического и правового статуса [95]. «С точки зрения социальной сущности политические партии могут быть разделены на буржуазные, мелкобуржуазные, пролетарские, полупролетарские, крестьянские; с точки зрения идеологии, политических целей — на фашистские, консервативные, либеральные, католические, социал-демократические, коммунистические и др.; с точки зрения структуры и режима — на военизированные, автократические, демократические и др.; с точки зрения выполняемых функций и места в политической системе — на властвующие, правящие, оппозиционные партии и т. д.» [96]. Если применить эту классификацию для анализа политических норм, места общественного мнения в их становлении и реализации, то станет ясной не только роль последнего, но и возможная сфера его влияния. Если, к примеру, партия является партией рабочего класса, коммунистической, демократической и к тому же правящей, то она выступает за активную включенность общественного мнения в механизм политической власти. При этом общественное мнение влияет и на общесоциальные, и на групповые, и на личностные нормы. Если же партия (речь идет о рабочей партии) работает в подполье, борется против господствующего реакционного политического режима, то, естественно, степень ее влияния на официально санкционируемые и распространяемые в общегосударственном масштабе политические нормы

совсем иная. Не говоря уже о факте разнонаправленности официально культивируемых и групповых норм, так как партия требует от своих членов такого политического поведения, которое запрещается и преследуется правящим политическим режимом.

Становится очевидной в этой связи актуальность задачи исследования роли и значения общественного мнения в системе конкретных политических институтов (партия — общественное мнение; государство — общественное мнение[97]; профсоюзы — общественное мнение; трудовой коллектив — общественное мнение, средства массовой информации — общественное мнение), механизмов связи и взаимовлияния общественного мнения и таких образований, как политические нормы, традиции, политическая культура и т. д.

Сказанного достаточно, чтобы сделать вывод о том, что общественное мнение «присутствует» буквально во всех структурах политической системы советского общества, активно участвует в его функционировании и развитии на всех уровнях. Пожалуй, сфера политической жизни — это та область, в которой оно заявляет о себе «громко» и весомо. Таков первый вывод.

Суть второго состоит в том, что в существующей литературе сюжет, посвященный месту и роли общественного мнения в политической системе, малоисследован (хотя многие авторы уже обратили на это внимание). Необходимость изучения его диктуется не только практическими потребностями, но и логикой развития самого научного познания, и в частности широким проникновением системных идей и представлений в область анализа политической жизни. Если с этой точки зрения подойти к изучению общественного мнения, то актуальность данного вопроса не вызывает никаких сомнений. Дело в том, что сам системный подход, как отмечает академик В. Г. Афанасьев, системен, так как содержит в себе ряд взаимосвязанных аспектов, ни одним из которых нельзя пренебрегать[98]. В частности, выделяются следующие аспекты системного подхода: системно-элементный, отвечающий на вопрос, из чего (каких компонентов) образована система; системно-структурный, раскрывающий внутреннюю организацию системы, способ взаимодействия образующих, ее компонентов; системно-функциональный, показывающий, какие функции выполняют система и образующие ее компоненты;

системно-интегративный, раскрывающий источники, факторы сохранения, совершенствования и развития системы, применительно к социальным системам имеется в виду управление; системно-процессуальный, показывающий, какие процессы совершаются в системе в целях сохранения ее целостности, совершенствования и развития; системно-коммуникационный, при котором речь идет о взаимосвязях данной системы с другими как по горизонтали, так и по вертикали; системно-исторический, отвечающий на вопрос, каким образом возникла система, какие этапы в своем развитии проходила, каковы ее исторические перспективы [99].

Применительно к изучению политических систем практически все эти аспекты реализуются (чаще же всего они органически сочетаются), за исключением системно-процессуального и коммуникативно-информационного (особенно последнего). Коммуникационное взаимодействие между элементами политической системы (коммуникация в данном случае понимается как смысловой, содержательный аспект этого взаимодействия) обеспечивает нормальное функционирование политической системы в целом, ее интеграцию. Естественно, не всегда коммуникация (важнейшим аспектом которой является информационный обмен) приводит к согласованности и интеграции. Но в любом случае она жизненно необходима. Принадлежа к одной и той же политической системе, ее элементы, как уже отмечалось, далеко не одинаковы по своей природе, обладают относительной самостоятельностью, проявляющейся в специфике структуры и функциональном назначении. Причем характер этой относительной самостоятельности («разобщенности») постоянно изменяется в зависимости от сдвигов, происходящих в экономическом строе общества, его социально-классовой структуре. Соответственно, возникает необходимость поддержания состояния динамического равновесия политической системы и ее отдельных элементов (политические отношения, к примеру, немыслимы без политического общения, которое в свою очередь предполагает официальные и неофициальные способы информационной связи). И в этом плане трудно недооценить роль той информации, которую несет в себе общественное мнение. Поскольку же эта информация далеко не оптимальна, а, соответственно, ее использование не всегда продуктивно, как

уже подчеркивалось, постольку нужна четко функционирующая система регулярного выявления, учета, классификации, целевого распределения (тем более, что различные политические институты нуждаются не в политической информации вообще, а в сведениях, которые связаны с содержанием их деятельности и обусловлены их местом и ролью в политической системе) и использования содержащейся в общественном мнении информации.

В этой связи встает вопрос о соотношении общественного мнения и социально-политической информации.

Глава 7

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ КАК НОСИТЕЛЬ ИНФОРМАЦИИ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

В имеющейся литературе проблема соотношения общественного мнения и социальной информации хотя и ставилась [100], но специально не исследовалась. Иногда просто отождествляется общественное мнение и социальная информация. В другом случае общественное мнение считается одним из видов социальной информации. Наконец, в литературе наблюдается тенденция рассматривать общественное мнение как подвид того или иного вида социальной информации (политической, экономической и т. д.) Это особенно ярко проявляется тогда, когда общественное мнение анализируется в тех разделах работ, которые посвящены политической информации и т. д. Однако подобные подходы не увязываются с общепринятым (и что особенно важно подчеркнуть, доказанным) положением марксистско-ленинской теории общественного мнения о том, что ему органически присуща информационная функция. Информационная — это одна из многих других функций общественного мнения. У него есть и такие роли, как воспитательная, регулятивная, контрольная, которые не свойственны социальной информации. Предположение же о том, что информация воспитывает, не убедительна. Здесь, очевидно, нужно сделать оговорку, связанную с определением де-

финиции «воспитание», которое в одном случае принимается как целенаправленное, планомерное воздействие на человека со стороны воспитателя для формирования у него желаемых качеств, а в другом как воздействие на человека всей совокупности условий, окружающей его макро- и микросреды, причем воздействие спонтанное, непланируемое. Если подходить с позиций первого подхода, то становится очевидной неправомерность наделения социальной информации воспитательными возможностями, а следовательно, ее отождествления с общественным мнением. Второй подход также не несет в себе аргументацию в пользу этого вывода, ибо воспитание, понимаемое в широком, как иногда утверждается, смысле слова, это уже, собственно, не воспитание, а скорее формирование человека, связанно с усвоением им социального опыта (а если учесть сторону, связанную с активным воспроизводством человеком системы его социальных связей, то это уже будет процесс социализации). Так вот, в процессах формирования и социализации значение социальной информации исключительно велико, ибо вертикальный (от поколения к поколению) и горизонтальный (между людьми одного поколения) обмен информацией играет большую роль в механизмах социального наследования. Поэтому более правомерно ставить вопрос об информационном обеспечении и подкреплении воспитательного процесса.

Реализация регулятивной, контрольной и других функций общественного мнения также тесно связана с течением информационных процессов.

Наконец, говоря об отличиях общественного мнения и социальной информации, нельзя забывать и о том, что все свои функции общественное мнение выполняет не само по себе, а лишь в неразрывной связи с его субъектом-носителем. Кроме того, как совместить с подобного рода отождествлением (общественного мнения и социальной информации) вывод о связи эффективности, действенности общественного мнения и его информационной обеспеченности.

История и современность знают немало случаев, когда в силу разного рода причин (объективных и субъективных, закономерных и случайных и т. д.) информационная ситуация была весьма далека от оптимальной, а общественное мнение продолжало существовать даже при наличии в том или ином регионе так называемого

«информационного вакуума» (образное выражение, ибо абсолютного информационного вакуума не бывает). В этом случае оно все равно функционирует в форме слуха, например. Наконец, в отличие от информации общественное мнение не только несет в себе какие-то сведения, но и активно, с той или иной степенью интенсивности (которая «характеризует ту или иную степень внимания, заинтересованности членов общества к объекту мнения», «выражает силу их убежденности в правильности, значимости и практической полезности своих суждений», «отражает степень настойчивости общественного мнения в отстаивании своих требований, разрешении той или иной проблемы») отстаивает те или иные политические ценности, содержит в себе определенные политические ожидания. Разумеется, на характер социальной информации (особенно политической) накладывают отпечаток классовые, национальные и другие отношения, интересы и потребности людей. Нет и не может быть «чистых», «классово беспристрастных» сведений, фактов, данных о развитии классов, наций, государств, их отношениях, устройстве и функционировании политических систем, методах осуществления политической власти и т. д. Например, информация о сдвигах, происходящих в тех или иных политических структурах, одними может связываться с их развитием, а другими — с их деформацией (и это несмотря на то, что в технологии работы с информацией может быть много общего). Но это отнюдь не означает, что сама по себе, вне субъекта политической деятельности, она оценивает, требует, отстаивает и т. д.

Таким образом, из сказанного следует, что нет достаточно веских оснований для полного отождествления социальной информации и общественного мнения, как нет и достаточно убедительных причин для их полного противопоставления. Доказано, что общественное мнение может нормально функционировать только при условии постоянной циркуляции информации. Одновременно оно само выступает создателем, носителем, распространителем информации, имеет определенную коммуникационную структуру.

Если подойти к информации, которую несёт в себе общественное мнение с точки зрения имеющихся классификаций, то можно с полным основанием утверждать, что общественное мнение содержит в себе многие из ее

видов. Многочисленные «информационные сети», между которыми существуют многозначные нелинейные причинные зависимости, детерминированные в конечном счете обстоятельствами социального характера, буквально пронизывают всю систему оценочных суждений людей по политическим вопросам и составляют неотъемлемую часть общественного мнения. Их многочисленность, равно как и то, что они «сопутствуют» процессам, происходящим в неоднородных структурах (как организационно-институциональных, так и связанных с сознанием), не позволяет уложить их в прокрустово ложе какой-то одной классификации. Поэтому есть смысл соотнести «информационные сети», являющиеся атрибутом реально функционирующего общественного мнения, с известными ныне науке видами социальной информации, посмотреть, какие из них несет в себе общенародное общественное мнение, какова их практическая значимость, особенности и способы оптимального использования при совершенствовании всех сторон советской политической системы.

Социальную информацию систематизируют по различным основаниям: содержанию; характеру носителя; по форме, способу приобретения и т. д. и т. п.[101] В структуре коммуникационных сетей общественного мнения, функционирующего в политической системе, естественно, представлена и преобладает политическая информация, хотя без других видов социальной информации она не может ни функционировать, ни развиваться. Обращает на себя внимание и то, что сведения политического характера, содержащиеся во мнениях общественности, тесно переплетаются со сведениями из других областей общественной жизни, тем более что некоторые из них (мораль, например), не имеют собственных надстроечных институтов [102]. Это тем более важно отметить, что в условиях реального социализма «в фокусе внимания общественного мнения оказывается множество новых проблем и даже целых сфер социальной жизни, к которым раньше оно не проявляло ровно никакого интереса. Таковы, в сущности, проблемы организации экономики и науки в обществе, некоторые моральные проблемы, связанные, например, с отношением людей к труду, религии и т. д. и др.

Не меньшее значение имеет и то обстоятельство, что в ходе социальных преобразований ликвидируется бы-

лой антагонистический разрыв между широким общественным интересом и интересом небольшой части общества, осуществляющий руководство социальной жизнью. В результате этого устраняются разного рода искусственные препятствия, воздвигаемые господствующими классами на пути формирования и функционирования народного общественного мнения. Общественность приобретает возможность высказываться и по поводу тех объектов, которые всегда вызывали у нее большой интерес, но были недоступны ей, поскольку держались господствовавшим меньшинством в секрете или были отмечены печатью «вето». К числу таких проблем относится множество вопросов международной и внутренней политики, затрагивающих сферы экономики и культуры, идеологии и воспитания»[103].

Если подойти к политической информации, содержащейся в общественном мнении, с точки зрения имеющихся классификаций социальной информации вообще, то можно выявить информационную значимость, содержательность общественного мнения и прежде всего с точки зрения возможностей удовлетворения разнообразных информационных потребностей политической системы.

Для осуществления научного управления процессами политической жизни требуется как информация о взаимодействии элементов в политической системе, способах их связи, происходящих в них изменениях, призванная служить делу обеспечения ее динамической устойчивости, так и «информация развития», нужная для качественного преобразования системы, обеспечения ее прогресса. Подобное деление информации связано с немалыми трудностями, которые вызваны практической невозможностью разделения функционирования и развития. Однако, как бы то ни было, правомерно говорить о наличии в общественном мнении сведений и того и другого характера.

Хотя советская политическая система имеет давние традиции (традиционные методы) выявления и использования информации, содержащейся в суждениях общественности, — это отнюдь не означает отсутствия трудностей, возникающих в процессе ее сбора и систематизации, связанных прежде всего с тем, что она быстро устаревает и подчас может быть использована только однократно. Сказанное, разумеется, не связано с отрицанием

стабильности общественного мнения. Однако тот факт, что не любое общественное мнение отличается устойчивостью, нельзя не принимать во внимание. «В силу своей природной динамичности, мобильности, — отмечает М. К. Горшков,— оно по целому ряду вопросов может достаточно оперативно возникать, формироваться и, выполнив определенные функции, исчезать, оставляя тот или иной след в общественном сознании. Как правило, такой динамичностью отличается общественное мнение, объекты которого — вопросы, связанные с конкретной социальной ситуацией, вызывающие к себе сиюминутное внимание людей. После снижения их актуальности, а также полного или частичного разрешения внимание общественного мнения к ним ослабевает или проходит совсем...

Какой из этих признаков (устойчивость или изменчивость. — *В. П.*) станет присущ ему, зависит в первую очередь от содержания и значимости того явления, факта или события, в ответ на которое оно возникло» [104]. Таким образом, часть информации, которую «поставляет» общественное мнение, может быть использована только в оперативном управлении политическими процессами. «...Политика, — писал В. И. Ленин, — это фактическая судьба миллионов людей...» [105]. Поэтому при осуществлении политической деятельности нельзя руководствоваться какой угодно информацией. Необходима прежде всего соответствующим образом обработанная информация, проверенная на достоверность и надежность. В соответствии с этим критерием информация подразделяется на исходную, т. е. первичную, необработанную; промежуточную, т. е. обработанную, но еще не в такой мере, чтобы ее можно было использовать в управлении, и конечную, т. е. целиком и полностью переработанную, годную к употреблению [106]. Сведения, которые содержит в себе общественное мнение, как являющиеся итогом теоретической деятельности, так и порожденные политическим опытом масс, представляют собой исходную информацию и нуждаются в переработке, чтобы быть пригодными для управления политическими процессами. Суть проблемы в данном случае состоит в создании широкой по охвату и гибкой системы улавливания такого рода информации, включая его методологическое, методическое, техническое и математическое обеспечение. Нынешний уровень развития социа-

листического общества, и в частности задача дальнейшего совершенствования социалистической демократии, поставленная XXVII съездом КПСС[107], диктует необходимость создания систем учета, обработки и использования такого рода информации. Причем систем не узколокальных, создаваемых в тех или иных регионах (республиках, краях, областях, районах и т. д.) учеными, партийными, советскими и хозяйственными работниками по своему усмотрению, на основе собственного опыта, а масштабных.

Это необходимо и в силу того, что круг интересов общественности хотя и замыкается преимущественно на явлениях социального порядка, но в то же время он достаточно широк. Соответственно, общественное мнение несет в себе универсальную, но в то же время некомплектную (каждая может быть использована лишь в совокупности с другими данными) информацию, касающуюся как сегодняшнего состояния политической системы в целом или ее элементов, так и ее возможных, вероятностных состояний, прогностическую. Информация о политических процессах, происходящих в настоящем, занимает в общественном мнении очень большую долю по сравнению с информацией о прошлом и будущем. Это и понятно, ибо при возникновении общественного мнения большую роль играет фактор актуальности. Дело в том, что общественный интерес всегда связан с явлениями, имеющими значение именно сегодня, прямо относящимися к «злобе» дня. Разумеется, он может быть прикован и к тому или иному историческому событию, в том числе предельно архаическому, но только в одном случае — если это событие вдруг приобретет актуальность, станет важным с точки зрения решения сегодняшних проблем, которыми живет общество. Общественность, как известно, время от времени возвращается к старым проблемам (ибо не все старое регрессивно и реакционно) при решении новых практических и теоретических задач.

Какую же информацию о настоящем состоянии политической системы несет в себе общественное мнение? Круг признаков, которые можно положить в основу классификации, содержащейся в общественном мнении, довольно широк. Прежде всего ее можно разделить на значимую для отдельных институтов и звеньев советской политической системы: партии, государства, профсоюзов,

комсомола, политических отношений, политической культуры и т. д. Нужно отметить, что подобного рода информация не дифференцирована. Поэтому требуются определенные усилия, чтобы на ее основе (отталкиваясь от исходных сведений, содержащихся в суждениях общественности) получить конечную, итоговую информацию, которая может быть положена в основу принятия политических решений, в основу политической деятельности вообще.

Другой возможной типологией рассматриваемой информации является ее деление в зависимости от того, какие стадии политического управления она обеспечивает: выработки политического решения; его организационного выполнения, т. е. переведения в практическую плоскость; регулирования (на этой стадии особое значение приобретают данные о состоянии управляемой сферы, об отклонениях ее от требуемого направления развития, детерминированного в первую очередь объективными закономерностями ее развития, т. е. о моментах, которые общественное мнение обычно улавливает очень тонко); оценки степени выполнения принятого ранее решения. С последней стадией управленческого цикла особенно тесно связана контрольная функция общественного мнения. Если в силу объективных факторов или причин субъективного порядка принятые политические решения не выполняются или отстают от требований времени, самой жизни, то это очень чутко фиксируется общественностью. Подобного рода информация служит сигналом о необходимости более энергичной работы по их выполнению или о принятии новых.

И здесь опять-таки важна подчеркнуть, что подобного рода классификация также относительна и условна. В действительности содержащаяся в общественном мнении информация является универсальной, ненаправленной, т. е. не имеющей строго определенного «района» назначения, а также неупорядоченной или упорядоченной лишь отчасти. К тому же она дискретна. Как только непосредственный интерес общественности к тому или иному политическому событию, факту, политическому деятелю и т. д. удовлетворен, она обычно переключается на другие проблемы. Поскольку «функционирующее общественное мнение» не знает никаких объективных границ между «процессом» и «результатом», постольку, образно говоря, «информационный итог» одного цикла существо-

вания общественного мнения не сменяется другим через определенный промежуток времени. Начало другого, третьего, подчас уже заложено в первом и т. д. и т. п. Соответственно, о дискретности анализируемой информации можно говорить конкретно только лишь в связи с изменением конкретных политических ситуаций, вызвавших интерес общественности (смены объектов общественного мнения), а не вообще.

Говоря об информационных сетях общественного мнения, функционирующего в политической системе, нельзя не отметить факт наличия горизонтальных и вертикальных информационных потоков. При этом их течение соответствует внутренней архитектонике политической системы. Первые циркулируют между звеньями политической системы одного уровня (например, между коллективами). Причем они, как правило, нецентрализованны, так как здесь нет центральной позиции в системе коммуникаций. Все трудовые коллективы, например, располагают одинаковым количеством каналов выражения своего общего мнения. Вторые — между разноуровневыми элементами политической системы. Ядром политической системы советского общества является партия, которая постоянно совершенствует каналы прямой и обратной связи с массами, выступает гарантом высокого престижа и действенности общенародного общественного мнения.

Демократический централизм — основополагающий принцип организационного строения институтов советской политической системы (партии, государства, профессиональных союзов, комсомола и т. д.) создает реальные возможности для оптимального функционирования присущих ей информационных сетей, более полного использования содержащейся в общественном мнении информации и тем самым оставляет меньше возможностей для ошибок в процессе поиска и решения назревших политических задач. Диалектическое сочетание централизма (который может в зависимости от конкретных исторических условий и этапа общественного развития приобретать демократический или автократический характер) и демократии (децентрализация является одной из ее форм) в деятельности того или иного политического института позволяет, с одной стороны, устранять ведомственные и местнические преграды на пути информационного потока «снизу — вверх» (как целенаправлен-

но-организованного, так и самодеятельного, через общественное мнение), а с другой — разгружать верхние эшелоны руководства от чрезмерного обилия ненужной информации, и тем самым способствует оперативному и гибкому принятию политических решений.

История и современность дают немало примеров тому, сколь нестабильными и неустойчивыми, из-за неэффективности их связей с массами, были и сегодня являются те политические режимы, которые возглавлялись или возглавляются тоталитарными партиями, а также партиями буржуазного типа, характеризующимися автократическим господством партийной верхушки и бесправным положением рядовых членов, сосредоточением права принятия наиболее важных решений в руках узкого круга партийных лидеров. Стремясь показать демократизм подобного рода партий, «неразрывность» их связей с трудящимися массами, буржуазные политологи ссылаются на факт свободного членства в них. Однако наличие относительной неопределенности в отношениях членства свидетельствует отнюдь не о демократизме этих партий, а о скрытом неверии их партийного руководства в возможность увлечь массы теми политическими ценностями, которые они проповедуют; в расчете на политически индифферентного обывателя, не желающего связывать себя никакими обязательствами и тем более организационной дисциплиной (отсюда тайная боязнь отпугнуть его упоминанием об обязанностях). Наконец, это есть не что иное, как создание реальных условий для укрепления партийной бюрократией своего безраздельного господства, обстановки свободного манипулирования и политического одурманивания всех тех, кто следует за подобного рода партиями [108]. В противоположность антидемократическим политическим режимам, политические лидеры которых узурпируют себе право «говорить от имени народа» (а на деле не считаются с мнениями широкой общественности, утаивают от нее или дают искаженную информацию по политически важным вопросам), советская политическая система располагает поистине неисчерпаемыми возможностями для совершенствования и горизонтальных и вертикальных информационных потоков.

Наконец, информация, которую несет в себе общественное мнение, не ограничивается только вопросами политического характера. Это обусловлено диалектиче-

ским взаимодействием, взаимопроникновением сфер общественной жизни, а также тем, что общественное мнение входит в каждую из них. Поэтому в нем нет «чисто» политической или какой-либо иной информации. Этот момент имеет и отрицательную и положительную стороны. Одна связана с трудностями извлечения из общественного мнения сведений политического характера, преодоления на этом пути разного рода барьеров (речь идет не о барьерах социально-политического характера, ибо их нет и не может быть в социалистическом обществе, а о препятствиях, связанных с разбросанностью информации; умением правильно разбираться в содержании информации, которую несет в себе общественное мнение; терминологических, связанных с различным пониманием понятий, в которых описывается как оно само, так и его информационные возможности; психологических и т. п.) и помех. Вторая сторона — положительная — заключается в том, что если бы информация общественного мнения была бы строго локализована, то это привело бы к своего рода изоляции политической системы, ослабило бы ее связи с экономической, социальной и другими системами общества, она перестала бы выполнять свои функции укрепления, стабилизации по отношению к общественной системе в целом.

Общественное мнение, таким образом, выполняет роль одного из связующих звеньев между политической и другими подсистемами советского общества.

Глава 8

ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ КАК ИСТОЧНИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Сравнение информации, содержащейся в общественном мнении, с требованиями, предъявляемыми к социальной информации вообще (используемой в управлении) и к политической в частности, дает дополнительные аргументы в пользу правильности вывода о необходимости создания специальных служб, которые занимались бы извлечением нужных сведений политического характера, обработкой их, включая содержательную и логическую увязку, целевым распределением и доставкой тем поли-

тическим институтам, именно которым она необходима. (Это тем более важно подчеркнуть, что в практике подчас встречаются факты, когда тот или иной орган управления требует информацию по вопросам далеким от его компетенции, и не получает нужной информации. В результате — информации вроде бы в избытке, а должного информационного обеспечения решения нет. Есть факты и иного рода: органы одной компетенции собирают от подчиненных различную информацию, хотя решение принимается по одному вопросу. В итоге — разночтения в трактовке этого вопроса.) В специальной литературе проанализированы общие требования, которые предъявляются ко всем видам информации. Это классовость, партийность [109]; систематизированность, комплексность; соответствие компетентности, полномочиям субъекта управления, который ее использует; оптимальность, полнота (которая «вовсе не означает всей без исключения информации о системе и окружающей среде, информации, отражающей ситуацию с бесконечно высокой точностью»); точность; достоверность; своевременность, оперативность; лаконичность и логичность; полезность, т. е. можно сказать, ценность для решения того или иного вопроса. Что касается требований, предъявляемых к политической информации (а именно ее нужно извлечь и «направить» заинтересованному в ней политическому институту), то они таковы: классовость; партийность; научность; правдивость (требующая не приукрашивать политическую жизнь, а давать ее такой, какая она есть, во всей ее сложности и полноте, принципиально оценивать как сделанное, так и упущенное, именно такая информация формирует в человеке трезвый и вдумчивый взгляд на мир, высокое чувство ответственности, спокойствие и уверенность); конкретность; дифференцированный характер; актуальность и новизна. Даже самое поверхностное сравнение информации, содержащейся в общественном мнении, с указанными требованиями показывает, что она не всегда и не во всем соответствует необходимым требованиям. Обратимся к такому из них, как классовость, партийность. Не вызывает сомнения то, что эффективное функционирование социалистической и политической системы связано с качеством информации. Одни и те же политические явления, процессы могут оцениваться и как правило оцениваются с разных классовых позиций. Практически нет и

не может быть (особенно отчетливо это проявляется в сфере политической) сведений из области общественной жизни, не носящих на себе классовых, партийных интересов. Неправомерно говорить о «беспристрастных» сведениях, сообщениях, фактах так как они уже и выбраны и поданы с соответствующих классовых позиций. Другой вопрос — какая это классовость и партийность. Субъективистская (буржуазная и прочая) партийность не базируется на познании объективных закономерностей политического развития, а строится на привносимых извне положениях, призванных охранять существующее положение дел в буржуазном обществе, его политический механизм. Совпадение партийности с научностью обеспечивается объективным и смелым анализом политической действительности, во всей ее сложности, динамизме и диалектической противоречивости, безбоязненной опорой не на пристрастно отобранную информацию, а на всю совокупность относящихся к оцениваемому вопросу сведений, безо всякого исключения. При этом важное значение имеет то, из каких методологических принципов исходит субъект политической деятельности. Действительность показывает, что наиболее эффективной является информация, полученная с помощью марксистско-ленинской методологии (учение о методе), базирующейся на марксистско-ленинской идеологии, совпадающей с наукой по своей гносеологической природе [110].

Что касается общественного мнения как «поставщика» социальной информации, то оно содержит в себе как классово-выдержанную, научную информацию, так и сведения, порожденные повседневной политической практикой масс. Этот момент отмечается, кстати, многими исследователями общественного мнения. Так, Р. А. Сафаров пишет: «...Его классовая сущность часто не проявляется непосредственно. Кроме того, оно не всегда до конца правильно выражает классовые интересы, действительные потребности социальной общности» [111]; В. С. Коробейников: «...Не следует забывать, что соотношение общественного мнения и классовых форм сознания сложный и во многом еще не разработанный вопрос» [112].

Сказанное, разумеется, не представляет собой аргументы в пользу тезиса о том, что в некоторых своих «секторах» общественное мнение внеклассово, «свобод-

но» от идеологии и определяемых ею мировоззренческих схем. Информация, которой она оперирует, всегда классова. Однако степень этой классовости различна, что связано с глубиной осознания различными группами общественности своих интересов, с уровнем политической культуры людей, их информированностью, различным взаимодействием в каждом конкретном случае (у отдельной личности, социальной группы) обыденного и теоретического. Дело в том, что комбинации этих уровней в каждом конкретном случае весьма различны. В жизни встречается сознание как (индивидуальное и групповое, коллективное) с преобладанием обыденного уровня, так и с развитым обыденным и преобладающим теоретическим уровнем. Нельзя не учитывать и то, что само обыденное сознание не однородно. Поэтому сознание личности, социальной группы может целиком или частично находится под влиянием его несистематизированной «зоны», содержащихся в нем предрассудков и т. д., а может быть связано с его практически-систематизированной «частью», во многом питающей различные формы идеологии.

Кроме того, мнения могут складываться как в результате сознательного идеологического воздействия, так и стихийным путем, самопроизвольно, не в итоге заранее обдуманных организационных действий, а в процессе повседневного обмена мыслями, при столкновении различных взглядов, представлений, оценок. Общественное мнение по довольно обширному кругу вопросов формируется стихийно и лишь впоследствии поддерживается, организационно оформляется и направляется соответствующими организациями, учреждениями и институтами. Стихийно сложившееся мнение, в отличие от сформированного под целенаправленным идеологическим воздействием, характеризуется большой эмоциональной окрашенностью, изменчивостью; ему, как правило, не свойственны широкие и глубокие обобщения, ибо оно отражает непосредственные жизненные отношения. Поэтому оно не всегда правильно выражает классовые интересы. Что касается сознательно сформированного мнения (речь идет о мнении, сложившемся под влиянием марксистско-ленинской идеологии), то оно базируется на довольно широкой практике взаимоотношений масс, классов, социальных групп, на обобщении более ши-

рокого круга общественных связей, на знании сущности политических процессов.

Информация, которую несет в себе общественное мнение, может не нести на себе ярко выраженную печать классовости и в силу того, что интерес общественности бывает связан с естественно-научными и техническими сторонами политической жизни. Бесспорно, в этих сторонах классовая окрашенность проявляется в меньшей мере. Однако и в этом случае она не является «классово неокрашенной», ибо достижения технической мысли могут служить делу реализации как прогрессивных политических целей, так и реакционных. С этим, собственно, связаны и способы их использования. Сказанное целиком и полностью относится и к методике и технике работы с информацией, в том числе — политической.

Следовательно, сопоставление информации общественного мнения с первым и основным требованием к социальной информации вообще и политической в частности убеждает в том, что извлечение нужных сведений из суждений общественности сопряжено с трудностями и требует определенных организационных усилий.

Если продолжать сравнивать анализируемую информацию с другими требованиями, предъявляемыми к социальной (и в частности, политической) информации, то еще и еще раз можно убедиться в правильности сделанного вывода. Так, общественное мнение несет в себе сложную и самую разнообразную информацию, в том числе и по политическим вопросам. С одной стороны, это делает её значимой для политической системы. Поясним этот момент. В марксистско-ленинской теории социальной информации есть положение, согласно которому чем разнообразнее циркулирующая в системе информация, тем она более устойчива и мобильна [113]. Это положение целиком и полностью можно отнести к политической системе. Более устойчива и мобильна политическая система такого типа, которая использует самую разнообразную информацию. Одним же из источников такого рода информации является общественное мнение. Оно содержит в себе информацию, необходимую для обеспечения взаимосвязи и взаимодействия компонентов политической системы, системы в целом с окружающими ее условиями, «обслуживающую» все уровни ее функционирования, важную для подготовки, принятия, реализации, проверки выполнения принятых политических решений,

а также требующуюся для выработки основных направлений ее (т. е. политической системы) развития и др. Причем общественное мнение несет в себе информацию как о процессах полезных для политической системы, способствующих сохранению ее качественной определенности, ее нормальному функционированию, совершенствованию и развитию, так и о явлениях, не способствующих ее стабилизации. Естественно, что та и другая информация полезна.

С другой стороны, общественное мнение содержит не систематизированные, исторически и логически не увязанные сведения о внутриполитических и внешнеполитических процессах. Поэтому возможны «разночтения» в оценке тех или иных явлений общественностью (во многом объясняемые локальным характером проводимых «зондажей» общественного мнения и различием методик, по которым они осуществлялись, их несопоставимостью). Естественно, есть такие проблемы политической жизни, относительно которых у советских людей не может существовать нескольких мнений.

Кроме того, информация, о которой идет речь, как правило, не является комплексной, так как предметом рассмотрения общественности становятся только те явления политической жизни, которые представляют для общества непосредственный интерес (и связаны или с функционированием политической системы в целом или с чрезвычайными условиями — кризисе доверия к власти, отрыве партии от народа и т. п.), содержат в себе момент дискуссионности, а также доступны знанию и пониманию широких трудящихся масс. Поэтому информация, содержащаяся в общественном мнении, никогда не отличается полнотой, т. е. не содержит, в силу указанных причин, сведения, касающиеся всех параметров функционирования и развития политической системы. В ней может быть недостаток сведений по одним вопросам и избыток — по другим.

Однако нельзя только сетовать на неполноту политической информации, содержащейся в общественном мнении, и призывать к извлечению из него как можно более полной информации. Это было бы не совсем правильным. Во-первых, потому что общественное мнение — это отнюдь и далеко не единственный источник получения политической информации. Оно может не только информировать, но и «подсказывать» пути решения на-

зревших политических вопросов. Во-вторых, нельзя требовать от него больше того, что оно может дать. И, наконец, курс на извлечение из общественного мнения максимально полной информации не всегда оправдан с точки зрения экономической. Стоимость затрат на получение требуемой информации может быть намного выше эффекта от ее реализации [114]. А учитывая то, что информация политического характера, содержащаяся в общественном мнении, быстро стареет, то он может и вовсе оказаться равным нулю.

Для того чтобы исследования общественного мнения способствовали делу познания политической системы — объективной и субъективной ее сторон, помогали выявлять закономерности и причинные связи политических явлений, определять пути решения назревших политических вопросов, а не превращались в «крохоборческое собирание никчемных сведений» и «банальных истин», необходимо реально оценивать его информационные возможности при решении той или иной конкретной задачи, правильно формулировать вопросы (ибо слишком широкие и общие их постановки ведут к получению такого количества информации, которое трудно поддается систематизации и обработке), проводить исследования систематически, широко использовать при этом методы математической статистики и теории вероятностей.

Хотя сведения, которые несет в себе общественное мнение, не представляют собой информацию «вообще», не связанную с общественными проблемами, политическими ситуациями, она не имеет конкретного адресата. Решение вопроса о том, как ее получить, когда, где и как использовать, очень часто интуитивно решается руководителем. В практике довольно часто встречаются факты, когда ученым (или штатным социологам) дается заказ на изучение общественного мнения (хоздогорворным или иным способом) в том или ином подразделении, городе, районе, области, регионе, без указания конкретных проблем, по которым требуются сведения. В результате руководитель или партийный, советский, государственный орган управления вроде бы получают информацию, а должного эффекта от нее нет. Это обусловлено тремя обстоятельствами. Первое связано с ее чрезмерной избыточностью, требующей дополнительных усилий и времени на ее переработку (ни того, ни другого у практического руководителя часто нет). Второе — с

недостатком именно тех сведений, которые нужны для принятия обоснованного решения. Третье — с наличием большого объема сведений о таких проблемах, которые выходят за рамки полномочий того или иного учреждения или лица, так как могут быть решены только на ином уровне.

Таким образом, важно четкое распределение информации, содержащейся в общественном мнении. А поскольку ее необходимо отправлять конкретному «адресату» (тому или иному институту, политическому руководителю), выполняющему определенные функции и обладающему определенными полномочиями, постольку необходимо знать содержание и характер стоящих перед ними задач, специфику их деятельности, а следовательно, важно иметь в штабе служб по изучению общественного мнения не только социологов, психологов, математиков, но и специалистов в области изучения советской политической системы в целом и ее отдельных институтов, юристов, например, а также представителей этики. Это последнее обстоятельство связано с тем, что общественное мнение очень часто, в том числе и при оценке политических проблем, использует нравственные суждения и оценки, что также затрудняет работу с содержащейся в нем политической информацией.

Следующее требование к социальной информации, как отмечалось ранее, связано с ее точностью, достоверностью и правдивостью. Все это находится в прямой зависимости от адекватности отражения в ней действительного состояния дел в политической сфере жизнедеятельности. Естественно, возникают вопросы: всегда ли общественное мнение несет в себе достоверную информацию? Если да, то почему? Если нет, то с чем это связано и в чем это проявляется?

Поскольку общественное мнение — это своего рода синтез обыденного и теоретического сознания людей, постольку многообразие политической жизни отражается в нем как прямо, непосредственно, так и опосредованно, косвенно. Соответстственно, истинность отражения в том и другом случае различна, но в целом оно довольно сложно. Это обстоятельство проявляется в том, что «общественное мнение может быть не только истинным, но и ложным, не только адекватным действительности, но и иллюзорным... эти две крайности «спокойно» уживаются в нем: взятое в целом общественное мнение практически

никогда не бывает абсолютно истинным или абсолютно ложным, оно всегда есть своеобразное **смешение** точных знаний и иллюзий, **переплетение** элементов истины и фантастики»[115]. Этот вывод справедлив как по отношению к мнениям, сформированным преимущественно на основе обыденного сознания (общеизвестно, что его характеризует логически беспорядочная систематизация и организация, в нем тесно переплетаются положительный и практический социальный опыт масс и опыт, мало что дающий прогрессивному развитию, даже противоречащий ему, аккумулированный, как правило, в консервативных и реакционных традициях, обычаях и т. п.), так и сложившимся главным образом под воздействием теоретического знания (которое несмотря на то, что логически организованно и научно обоснованно содержит в себе и ложные положения, заблуждения и т. п.).

Вопрос о причинах появления в социалистическом общественном мнении неточной, недостоверной информации исключительно сложен. Здесь, как нигде, важен дифференцированный подход. Это значит, что необходимо очень четко представлять себе, об ошибочной информации какого по своему масштабу общественного мнения идет речь: общенародного общественного мнения, общественного мнения большой или малой социальной группы или территориальной общности и т. д. И уже тем более неправомерно причинами появления неверной информации в индивидуальном мнении объяснять ошибки во мнениях более широких общностей. Сложность в том и состоит, что при каждом качественно новом уровне исследования (в частности, при переходе от индивидуального мнения к коллективному и общественному) происходят сложнейшие диалектические превращения: то, что на предыдущем уровне было «причиной», «на новом уровне» оказывается следствием. Так, причины появления неверных, ошибочных оценок в индивидуальном мнении могут быть связаны с недостаточным уровнем социальной активности, конкретной заинтересованностью в вопросах, привлекших всеобщее внимание, образования, развитием теоретических способностей и т. д. Но эти же причины могут явиться следствием тех социальных условий, в которых индивидуальное мнение складывается и функционирует. Это первое.

Второе. Ясно наблюдаемая тенденция развития социалистического общественного мнения такова, что его

компетентность постоянно возрастает, более весомой становится его роль в жизни общества, расширяется сфера его деятельности. Этот вывод справедлив и в силу того, что советские средства массовой информации своевременно и регулярно обнародуют сообщения, содержащие достоверную информацию.

Поэтому факты ошибочности в высказываниях абсолютно всей общественности или подавляющего ее большинства достаточно редки. Речь, естественно, не идет о вопросах, являющихся прерогативой специалистов. Что касается отдельных «секторов» общественного мнения, то в них вполне возможно появление неадекватных реально происходящим событиям оценок. Причем их появление не зависит от принадлежности людей к тем или иным социальным, демографическим и территориальным группам, а связано скорее с факторами внутреннего, причем локального характера, которые могут быть объективными и субъективными, повторяющимися и единичными, общими и частными, случайными и закономерными и т. д. Например, если поверхностно, неудовлетворительно (из-за непринципиальности и невысокого уровня профессиональной подготовки людей, работающих с информацией, словом, в силу неэффективной работы местных средств массовой информации и других причин), с запозданием освещается интересующее людей, то мнения начинают формироваться на основе слухов, т. е. широко распространяющихся в том или ином регионе или абсолютно ложных или сравнительно близких к действительности, но всегда искаженных сведений, помогающих объяснить непонятное. Базой образования мнений слухи бывают и тогда, когда местные газеты, радио и телевидение не пользуются авторитетом у людей, престижем надежности и достоверности, в силу отсутствия в них критических и проблемных материалов. В последнее время, как отмечал М. С. Горбачев на встрече с руководителями средств массовой информации и пропаганды в ЦК КПСС, газеты, радио, телевидение, общественно-политические и литературно-художественные журналы многое сделали для того, чтобы гласность стала нормой общественной жизни [116]. Появляется много критических материалов, содержащих проблемные постановки вопросов [117]. Все это, бесспорно, влияет на повышение действенности общественного мнения. В то же время критике подчас недостает глубины, аналитичности

и конструктивности, подчеркивалось на встрече в ЦК КПСС. Одинаково негативно на функционирование общественного мнения влияют как отсутствие критических, проблемных материалов, так и обилие таких «критических» материалов, которые тяготеют больше к констатации, а иногда даже имеют тенденцию к превращению в перебранку и дрязги [118] способ выражения личностных комплексов и амбиций. В том и другом случае появляются слухи. Поскольку наличие или отсутствие слухов — это важнейший показатель информационной ситуации в регионе, постольку оно является важным показателем чистоты той духовно-политической атмосферы, в которой осуществляется перестройка.

Нельзя, конечно, не учитывать и внешние, привходящие факторы, такие, как например, действия враждебной пропаганды. Последняя пытается спекулировать на любых проблемах и трудностях, с которыми, естественно, встречается социализм, даже на чрезвычайных событиях и несчастьях. Разумеется, сколь широкомасштабными и интенсивными (читай — злостными) ни были бы подобного рода попытки, они не в состоянии ввести в заблуждение всю без исключения советскую общественность или даже ее какую-то часть. Идейно-политическое единство советского общества делает подобного рода надежды весьма иллюзорными. Что же касается отдельных, негативно настроенных по отношению к советской действительности или политически незрелых лиц, то они сознательно (первые) или несознательно (вторые) «поют с чужого голоса, распространяя всякого рода сплетни и слухи» [119]. Мимо таких явлений, конечно, не должен проходить ни один честный коммунист.

Разумеется, нет оснований переоценивать влияние буржуазной пропаганды в этом плане, но и не принимать ее во внимание тоже нельзя [120].

В теории социальной информации подчеркивается, что какой бы качественной ни была информация, она не будет полезной, если подана не своевременно. «Время, — по образному выражению академика В. Г. Афанасьева, — враг информации. Несвоевременность информации, даже если она обладает высокими качественными характеристиками (достоверностью, полнотой, точностью и др.), делает информацию бесполезной, приводит к неоправданным затратам» [121]. В этой связи

хотелось бы обратить внимание на связь информации, содержащейся в общественном мнении, со временем. Способность оперативно реагировать на процессы, происходящие в различных областях общественной жизни, а в политической в особенности, имеет своим следствием то, что информация, которую несет в себе общественное мнение, всегда поступает вовремя, так сказать, «по горячим следам» совершившихся или назревающих политических событий. Соответственно, она не может быть ни преждевременной, ни запоздалой, за очень и очень редким исключением, связанным или с необычностью проблемы для общественности, или с недостаточной ее осведомленностью. Важно также отметить и то, что в общественном мнении содержится не новейшая информация и не просто о событиях вообще, а о наиболее значительных, представляющих собой в данное время наибольший интерес для общественности.

Это важнейшее качество информации, которую несут в себе суждения общественности, может быть использовано в практической политической деятельности при условии наличия совершенной системы выявления, классификации и изучения мнений, включая ее материально-техническую базу и сторону, связанную со специальной подготовкой тех, кто занят этой работой. Сейчас подобного рода службы (группы, лаборатории по изучению общественного мнения при политических институтах) отличаются, как представляется, некоторой организационной рыхлостью, отсутствием четкой направленности в работе. Это проявляется в том, что подчас они становятся своего рода «подсобниками» тех или иных отделов, переключаются с исследования одной «нужной», «горячей» проблемы на другую, отвлекаясь от своего магистрального направления работы. Поэтому далеко не случайны факты заключения крупными политическими организациями хозяйственных договоров с научными учреждениями или привлечение на основе трудового соглашения специалистов по изучению общественного мнения. Однако если учесть, что не все организации имеют такие возможности, а также нерегулярность проведения таких исследований (сопряженную, как правило, с несопоставимостью результатов, а следовательно, с невозможностью выявления тенденций развития политических явлений), то станет очевидной необходимость создания таких организационных форм, которые поз-

воляли бы оперативно собирать политические сведения, обрабатывать и вовремя доставлять их той организации, которая в них нуждается. Это тем более необходимо, что ценность подобного рода информации (критерий ценности — эффект, производимый в политическом управлении) всегда конкретна. Анализируемая информация ценна и значима именно в данных конкретных условиях [122] и при решении тех проблем, которые встали в функционировании и развитии политической системы сегодня.

Таким образом, общественное мнение как источник политической информации обладает целым рядом особенностей, учесть которые возможно лишь при наличии четко функционирующей системы изучения оценок, суждений, позиций и политических ожиданий общественности.

Глава 9

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ

Помимо информации о современном состоянии политической системы, общественное мнение содержит в себе сведения, отражающие представления людей о желаемом ее состоянии в отдаленном и ближайшем будущем, путях его достижения, т. е. прогностическую информацию, дающую вероятностную картину сравнительно отдаленного состояния политической жизни, и плановую, — более тесно связанную с настоящим.

Первая, существенно дополняя сведения, поступающие по другим каналам (официальным, в частности), дает возможность своевременно «улавливать» назревающие тенденции в политической жизни, принимать обоснованные решения и вообще делает политическое управление более гибким, ибо в ней находит воплощение коллективный опыт людей, их коллективная мысль. Тем самым она выполняет ориентировочную функцию, помогающую носителю управления определить и сформулировать наиболее перспективные и реалистичные направления развития политической системы, выяснить, реализации каких из них нужно добиваться в первую

очередь, а каких во вторую. Не менее важна и ее предупредительная функция, позволяющая предвидеть возможные отклонения и негативные тенденции в функционировании и развитии политической системы, отдаленные последствия того или иного решения.

Что касается информации второго типа, плановой, то будучи связанной с вполне обозримой перспективой, она позволяет с большей степенью точности наметить контуры реальных действий по совершенствованию политического механизма, т. е. является, практически, более действенной.

Конечно, в реально функционирующем общественном мнении эти два типа информации о будущем диалектически взаимопереплетаются, их трудно отделить друг от друга, но в любом случае прогнозирующая информация как бы питает плановую.

В общественном мнении доля информации о будущем сравнительно невелика [123]. Это и понятно. Уже неоднократно отмечалось, что оно, как правило, обращено в настоящее. Однако общественность проявляет огромный интерес и к процессам определения политических целей, путям и средствам их достижения, а также к вопросам совершенствования структуры органов политического руководства, его методов, что связано с представлениями о том, какой должна быть политическая система или входящие в нее институты, со сравнением сегодняшнего состояния дел в этой сфере с перспективными целями.

Нет достаточных оснований и для скептического отношения (распространенного в буржуазной футурологии) к прогностическим возможностям общественного мнения. Подобного рода неверие восходит своими корнями к буржуазному агностицизму и связано со сведением общественного мнения целиком и полностью к обыденному сознанию. В советской научной литературе убедительно показано, что общественное мнение не может быть отнесено целиком и полностью ни к обыденному сознанию, ни к теоретическому знанию. Оно всегда содержит в себе информацию, являющуюся отражением политической действительности как на том, так и на другом уровнях. Разумеется (и это подтверждают проведенные социологические исследования), некоторые секторы общественного мнения могут складываться преимущественно на базе повседневного опыта

людей, а другие формироваться преимущественно на уровне теоретического сознания. Но при этом нельзя не видеть отсутствия при социализме резкой их поляризации. Сосредоточение на одном полюсе общественного мнения информации, рожденной в сфере обыденного сознания, а на другом — являющейся следствием теоретического мышления, может происходить только во внутренне антагонистичных гетерогенных политических системах, классово поляризованных обществах. В условиях социалистической действительности нет резкого противопоставления подобного рода оценок, мнений (характерно то, это отчетливо прослеживается по материалам проведенных исследований, что отсутствует прямая связь между качеством высказанного мнения и социально-классовой принадлежностью его носителя), они взаимосвязаны, взаимопереплетаются (по-разному, конечно, в зависимости от характера политического вопроса, привлекшего внимание общественности, уровня его знания и понимания и т. д.) и представляют собой различные комбинации обоих уровней сознания. А если учесть отчетливо выраженную в социалистическом обществе тенденцию к увеличению доли научного знания в структуре массового сознания, то станет очевидной несостоятельность недооценки прогностических возможностей общественного мнения.

Признание того факта, что во многих случаях при разработке политических прогнозов, поисковых и нормативных, общественное мнение является важным, а нередко и незаменимым источником информации (особенно при прогнозировании изменения и развития не объективных факторов, а обстоятельств, связанных с политическими потребностями, политическими ориентациями, политическими настроениями, ожиданиями и т. д.), вовсе не означает переоценки, преувеличения роли его информационно-прогностической содержательности. В этой связи нельзя не принимать во внимание целый ряд моментов.

Прежде всего, правильная прогностическая оценка перспектив развития политической системы в целом и ее элементов — объективных, в большей мере поддающихся прогнозированию и связанных с действием субъективного фактора («уловить» будущее которых с большей или меньшей степенью достоверности можно, только рассматривая их в тесной связи с развитием объ-

ективных факторов) [124], может быть дана лишь на основе глубокого знания объективных закономерностей функционирования и развития политической системы советского общества. Важнейшей их особенностью выступает то, что они реализуются через носителей (субъектов) политической деятельности (народ, который в социалистическом обществе является основным субъектом политической деятельности, классы, партии, социальные слои, коллективы, а также отдельных личностей). Присущие носителям политической деятельности идеологические, психологические, национальные, нравственные особенности оказывают определенное влияние на политические закономерности. Этот момент вместе с фактом влияния на политическую жизнь общества множества самых разнообразных факторов приводил и приводит сегодня буржуазных политологов к попыткам объяснить политические явления и процессы или исключительно ошибками политических лидеров, происками и кознями политических противников или к их трактовке с позиций многофакторности, при которой все экономические и социальные явления (характер производственных отношений, особенности социально-классовой структуры, своеобразие правовых кодексов и др.) рассматриваются как «равнодействующие», оказывающие одинаковое влияние на политическую жизнь. В действительности — это есть не что иное, как эклектика, отказ от соподчинения разнообразных явлений, влияющих на законы структуры, функционирования и развития политической системы, непризнание, в силу причин классового характера, того, что «при всем разнообразии воздействующих на политическую систему факторов главным и определяющим является тип производственных отношений и обусловливаемая им социально-классовая структура общества» [125]. Отсюда понятны распространенные среди некоторой части буржуазных политических деятелей и представителей футурологии настроения неверия в возможности политического прогнозирования. Что касается других, то они в наукообразной форме пытаются провести идею о том, что хотя современная капиталистическая действительность несовершенна в силу присущих ей несправедливости и неравенства, с ней надо мириться, так как будущее ужасно [126]. Таким способом «исподволь, скрытно протаскивается и внушается людям идеология и мораль политического кон-

серватизма, аполитичность, боязнь всяческих преобразований, отказ от борьбы за социальное освобождение»[127].

Таким образом, важнейшее требование при составлении политического прогноза состоит в необходимости знания объективных закономерностей функционирования и развития политической системы.

На основе знания объективных закономерностей функционирования политической системы разрабатываются текущие, краткосрочные прогнозы. Более же долговременные прогнозы составляются на основе знания закономерностей развития политической системы. Однако в любом случае политический прогноз будет более обоснованным, если учитывается то, что эти закономерности тесно взаимосвязаны и по-разному взаимодействуют на различных этапах развития общества[128].

При политическом прогнозировании нужно учитывать множество таких факторов, сведения о которых не получишь только по каналам общественного мнения, тем более что простейшие прогностические модели, содержащиеся в нем, строятся не столько на научном знании, сколько на собственном политическом опыте людей и их интуиции. Однако даже такие простейшие модели, несмотря на все их несовершенство с научной точки зрения, дают определенный эффект при разработке политических прогнозов. Разумеется, это вовсе не исключает появления в некоторых «секторах» общественного мнения таких прогнозов, которые базируются всецело на научном знании. Это справедливо по отношению к той части общественности, чье сознание в силу имеющегося образования и специфики трудовой деятельности является по преимуществу научным. Да и в этом случае нельзя не учитывать специализацию тех, чье мнение изучается на предмет сбора прогностической информации.

Исключительная многогранность политических процессов приводит к существованию элементов неопределенности, соответственно, политический прогноз всегда носит стохастический, вероятностный характер. Не говоря уже о случайных (внутренних и внешних) моментах, влияющих на функционирование и развитие политической системы. Если подходить с этой позиции, то следует признать определенную информационно-прогностическую ценность общественного мнения. Посколь-

ку случайность — это есть не что иное, как проявление необходимости, постольку опрос общественности может дать довольно полную информацию о причинах появления случайности, случайных отклонений в развитии политической системы, вскрыть их объективную и субъективную основы. Отсюда становится отчетливо видимым значение общественного мнения при оценке такого качества политического деятеля, как политический реализм.

Из сказанного следует, что информация, содержащаяся в общественном мнении, при политическом прогнозировании может быть использована лишь в комплексе с другой информацией, в том числе полученной методами экспертных оценок, научного моделирования [129], аналогии, сложной экстраполяции, прогностических сценариев и др.

Разработка политического прогноза не сводится к простому предсказанию того, что будет из себя представлять политическая система или тот или иной ее элемент через какой-то промежуток времени. Дело в том, что политические процессы изменяются под воздействием управления. Поэтому эффективность прогноза намного увеличивается, если он учитывает факт постоянного возрастания научной обоснованности политических решений, их социальные последствия. Тем более, что наша партия неуклонно проводит линию на демократизацию управления, процесса выработки и принятия политических решений, обеспечивающую выбор их оптимальных вариантов. Яркий пример этому процесс разработки новой редакции Программы КПСС — программы планомерного и всестороннего совершенствования социализма, дальнейшего продвижения советского общества к коммунизму на основе ускорения социально-экономического развития страны, программы борьбы за мир и социальный прогресс. Она (новая редакция партийной Программы) отличается преемственностью основополагающих теоретических и политических установок, на которые партия опирается в своей работе, новаторством, строго научным и максимально реалистическим анализом внутреннего и международного положения страны.

Надежность политических прогнозов, как известно, зависит от целого ряда факторов. В работах, посвященных предвидению в политике, называются, в частности, глубина познания общих и специфических законов,

определяющих функционирование и развитие политической системы и ее подсистем: институциональной, функциональной, коммуникативной, регулятивной, субстанциональной (или «идеальной»), полнота информации об условиях и причинно-следственных связях, определяющих развитие того или иного политического процесса и, наконец, своевременность и быстрота обработки «потока информационных данных о конкретных внутриполитических процессах и событиях», благодаря наличию материально-технической базы и квалифицированного аппарата, обеспечивающего своевременную обработку политической информации [130]. Обращают на себя внимание два последних условия надежности политического прогноза — полнота информации и своевременность и быстрота ее обработки. Первое из них трудно выполнимо, если не «подключен» такой источник поступления информации, как общественное мнение. Другое сопряжено с трудностями извлечения, выделения из всего массива содержащейся в нем информации сведений «чисто» прогностического характера (необходимого характера), их систематизации, обработки, выбора из представленных моделей будущего наиболее ценных вариантов и т. д. Важность преодоления этой трудности связана также с исключительным динамизмом и быстротой протекания политических процессов по сравнению с экономическими. Соответственно, их оценка требует более оперативной информации. Поэтому политическое прогнозирование немыслимо без хорошо отлаженного и оперативно работающего аппарата сбора и обработки данных политического характера. Это обстоятельство, наряду с указанными ранее причинами, делает настоятельно необходимой задачу совершенствования реорганизации традиционной системы изучения общественного мнения в соответствии с современными требованиями, поставленными XXVII съездом КПСС. В частности, в Программе КПСС (новая редакция) говорится: «Предстоит и дальше совершенствовать систему обобщения и реализации наказов избирателей, заявлений и предложений граждан, изучения общественного мнения, повышать информированность населения о принятых решениях и результатах их выполнения» [131].

Глава 10

СИСТЕМА ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ *

Советские политические институты в условиях перестройки уделяют внимание выявлению, использованию и формированию общественного мнения. КПСС, сила которой состоит в том, что она чувствует биение пульса жизни, социальные ожидания и настроения масс [132], располагает научно-обоснованными методами его изучения, заботится об их совершенствовании. Демократизация, преодоление сверхцентрализма и бюрократизма требуют эффективной деятельности всех звеньев советской политической системы, превращения их в органы подлинно народного волеизъявления. Поэтому создание системы изучения общественного мнения вызвано внутренними потребностями развития социализма и не означает стремления усовершенствовать связи политического механизма с массами путем образования еще одной организации. Тенденция создания организаций для решения всех возникающих задач означала стремление решить их, ничего по существу не меняя и приводила к их неоправданному разрастанию. Организационное усложнение — не показатель усовершенствования и тем более не гарантия решения вопроса.

Службы изучения общественного мнения не являются чем-то новым для советской политической системы. Речь идет о наиболее полной реализации возможностей именно социалистической демократии, связанных с широким использованием опыта партии всеми политическими организациями, с учетом их специфики. Поскольку социалистическая демократия имеет собственные критерии, точки отсчета и традиции, простое сравнение служб по изучению общественного мнения при социализме и капитализме неприемлимо.

---

* Механизм учета и использования общественного мнения в организационно-структурном отношении представлен тремя уровнями: трудового коллектива, региональным (районом, областью, республикой) и всесоюзным. Автор сосредотачивает свое внимание на региональном (республиканском) звене в силу того, что с решением проблем именно этого уровня связано создание единой системы изучения общественного мнения, а также в связи с тем, что в партийной организации Татарии накоплен большой опыт такой работы, требующий осмысления и изучения.

Известно, что факт наличия соответствующих институтов выдается буржуазной политологией за «показатель» демократизма буржуазных обществ, а их разветвленность и разнообразие (по источникам финансирования, организационной структуре, целям и задачам и т. д.) изображается как неоспоримое «преимущество» буржуазной демократии [133]. Однако само по себе это еще ни о чем не говорит. Важно знать цели, во имя которых действуют эти институты, их истинное место в политических структурах развитых капиталистических стран, причины их многозвенности, особенности действия [134].

Прежде чем коротко [135] остановиться на обстоятельствах, в силу которых изучается общественное мнение при капитализме, отметим, что перечень их у различных представителей буржуазной политологии не может быть одинаковым, что связано с нюансами в политических позициях буржуазных теоретиков. Наличие среди них беспринципных апологетов, либерально и демократически ориентированных, а также объективистски настроенных исследователей, требует сочетания непримиримости к представителям враждебной идеологии с дифференцированным подходом к ним. Однако, каковы бы ни были различия и оттенки при ответе буржуазных политологов на этот вопрос (которые, кстати, сейчас все более стираются), они (эти ответы) всегда окрашены в тона «классовых», «партийных» интересов и никогда (как бы это ни утверждали сами буржуазные теоретики) не являются «беспартийными» и нейтральными. Соответственно, какой бы перечень (причин изучения общественного мнения) буржуазного автора мы ни взяли, он всегда будет отличаться тем, что в нем будут фигурировать коммерческие причины, правительственные цели, научные интересы, «чисто» теоретическое стремление понять природу данного феномена и т. д., но никогда классовые. Это, в сущности, говорит о многом. Прежде всего о том, что за многообразием подходов и разнообразием называемых причин скрывается единство социальной позиции буржуазных политологов, проявляющееся в заговоре молчания вокруг главной причины, побуждающей буржуазную социологию изучать общественное мнение, в качестве которой выступает заинтересованность эксплуататорских классов капиталистических стран в сохранении своего положения как внутри своих стран, так и на

международной арене. Подобного рода прием свидетельствует и о нежелании буржуазных авторов выносить на всеобщее обозрение и суд действительные стимулы, побуждающие их изучать общественное мнение.

К истинным причинам получения информации о состоянии сознания различных слоев населения капиталистических стран относится стремление усовершенствовать методы (приемы) манипулирования сознанием широких трудящихся масс и само это манипулирование в процессе изучения, ибо никакое исследование общественного мнения не является политически нейтральным. Сам характер задаваемых вопросов, их компоновка, подача или преподнесение уже «работают» на внесение в массовое сознание тех или иных политических оценок, установок, на корректировку уже имеющихся у человека мнений (когда такого рода задача «устроителей-организаторов» социологического опроса слишком уж бросается в глаза, тогда она подается под видом оказания помощи людям в приведении своих мнений в соответствие с «реальностью»). Естественно, процесс изменения мнений далеко не прост. Это понимают и сами организаторы опросов. Поэтому подчас преследуются более «скромные» цели, а именно, подавая косвенно через содержащиеся в опросных листах вопросы «информацию», они тем самым оказывают давление на представления человека о социальной действительности, о международных делах, создают в его сознании диссонанс, сеют сомнение в соответствии своих мнений общепринятым, что ведет к психологическому дискомфорту (по терминологии представителя буржуазной социальной психологии Л. Фестингера, «когнитивному диссонансу»). Снять подобного рода состояние можно различными способами. Можно просто проигнорировать полученную информацию («мне до этого нет никакого дела» и т. п.), можно просто не придавать ей большого значения, можно, наконец, скорректировать свои оценки и мнение так, чтобы они соответствовали предлагаемым. Естественно, то, как воспримет тот или иной человек эту информацию (а точнее дезинформацию), зависит от многих факторов: от объективного положения и уровня жизни того класса и социальной группы, к которой принадлежит личность, ее профессиональных особенностей, полученного образования и воспитания, а также от специфики ее образа жизни и личных качеств.

Однако, учитывая факт активного воздействия информации на сознание и поведение людей, а также то, что подчас это влияние осуществляется не всегда заметно и непосредственно, следует признать ее большие возможности в деле изменения мнений людей. Информация, отмечает В. Г. Афанасьев, «зачастую действует на человека подспудно, в сознании человека протекают незаметные количественные изменения, которые в конечном счете приводят к коренным качественным сдвигам. Сознательно отобранная и целеустремленная информация обладает большой убедительной силой и способна серьезным образом изменить образ мыслей, мнение каждого человека, а с ним и общественное мнение...» [136]

Это целиком и полностью относится и к информации, содержащейся в опросным листах (анкетах), составляемых буржуазными социологами. Более того, ее «тихое» воздействие (дающее возможность незаметно и безболезненно для чьего-либо самолюбия придавать его оценкам известный уклон, то есть попросту фальсифицировать общественное мнение), увеличивается во много раз за счет того, что предлагаемые респонденту вопросы подаются в ненавязчивой форме. А также за счет того, что одни и те же люди опрашиваются нечасто (это тоже учитывают буржуазные специалисты по опросам). В результате «социологический опыт» большинства людей не так велик, чтобы его воспринимать как нечто обыденное. В итоге связанная с ним информация вольно или невольно довольно длительное время оказывает свое незаметное воздействие на мир мнений личности.

Общественное мнение изучается в капиталистических странах и в целях осуществления политического контролирования за состоянием массового сознания, проверки степени убедительности идеологического, пропагандистского, агитационного и информационного обеспечения, осуществляемой классовой политики, а соответственно, ради совершенствования способов политического маневрирования. Этой цели придается особо важное значение в силу того, что современная буржуазная идеология не может выдвинуть ни одного сколько-нибудь привлекательного для трудящихся социального идеала и не способствует правильному пониманию политических проблем. Поэтому упор делается на технику

искажения истины, реального положения дел, процедуру утверждения соответствующего интересам господствующего класса сознания [137].

И, наконец, общественное мнение исследуется при капитализме в целях совершенствования арсенала средств и методов ведения психологической войны против социалистических и освободившихся стран. Таковы цели. При внимательном анализе становится ясно, что они целиком и полностью подчинены узкоклассовым интересам крупного капитала и отнюдь не отличаются гуманностью.

Буржуазные социологи, представители американских и европейских служб изучения общественного мнения, не отрицая свою связь с механизмом осуществления политической власти, претендуют в то же время на внеклассовость и социально-политическую беспристрастность. Это характерно и для коммерческих служб [138], и для академических учреждений [139], занимающихся такого рода опросами, и для специализированных служб, являющихся составной частью редакционного аппарата различных средств массовой информации. Однако это только слова. При оценке деятельности подобного рода институтов и сегодня весьма актуально звучат слова В. И. Ленина о том, что «люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов» [140].

Классовая ориентация буржуазных служб изучения общественного мнения отчетливо прослеживается даже в их структуре. Система изучения массового сознания в ведущих капиталистических странах, как уже отмечалось, многозвенна и включает в себя «частные» организации, центры при учебных заведениях (чаще всего при университетах) и службы в редакционных аппаратах. Эта многозвенность вовсе не показатель демократизма капиталистического общества, а следствие стремления современной буржуазии таким образом организовать собственное правление, чтобы замаскировать свое безраздельное обладание политической властью. Многозвенность системы изучения общественного мнения призвана косвенно подтвердить торжество (показать в действии) усиленно проповедуемого политического плюра-

лизма, заключенного в нем мифа о рассеивании, «диффузии», чередовании власти в капиталистическом обществе [141].

Необходимо подчеркнуть, что хотя многозвенность системы изучения общественного мнения при капитализме в какой-то степени и имеет корни в его реальной действительности, являясь отражением усложнения его политической системы, обострения соперничества между различными группировками правящего класса, усиления политической борьбы, прежде всего объясняется ее соответствием классовым интересам буржуазии, в первую очередь ее монополистической части. Она создает иллюзию, будто в буржуазном обществе представители всех классов и слоев могут свободно выражать свои мнения и проводить их в жизнь, соответственно, в протаскивании идейки о возможности для рабочего класса достичь преследуемых им целей без социалистической революции, наличие соответствующих институтов должно служить подтверждением этому.

Трехзвенность, кроме того, позволяет хорошо скрывать напряженное внимание со стороны господствующих классов к реальному состоянию массового сознания, вовремя фиксировать происходящие в нем сдвиги и учитывать их при проведении внутриполитической и внешнеполитической линий. В то время, как один институт, выполняя в закрытой форме спецзаказ правительства, той или иной политической партии, занимается изучением действительных оценок трудящимися различных политических акций, их политических ожиданий и т. д., другой — проводит сенсационный опрос, посвященный, например, выяснению того, кого общественность считает самой красивой женщиной и т. д. (такого рода опросы широко практикует, например, Американский институт общественного мнения). В итоге внимание общественности отвлекается как от истинных целей изучения общественного мнения, так и от социально-политических конфликтов, сотрясающих капиталистическое общество.

Фасад трехзвенности позволяет также лучше скрыть пропагандистскую и пропагандистско-диверсионную цели, реализуемые при проведении разного рода опросов. Это достигается путем создания вокруг деятельности одних из них ореола «чисто» коммерческих, а вокруг других — «чисто» научных организаций. На самом деле возможности и тех и других часто используются в самых

различных целях, как научных, так и пропагандистских. И, наконец, осуществляя политическое маневрирование, монополистический капитал систематически приносит в жертву и отдает на растерзание средствам массовой информации своих или не очень умных, или не в меру ретивых, или слишком не по чину зарвавшихся слуг (в том числе и в лице целых институтов по изучению общественного мнения; истории изучения общественного мнения в США известны такие конфузы, в том числе и с институтом Гэллапа). При этом преследуется несколько далеко идущих целей. Первая заключается в создании иллюзии о возможности самоочищения, улучшения и принципиального изменения направления деятельности буржуазно-демократических институтов, вовлеченности широких народных масс в политическую деятельность. Существо второй состоит в обосновании целесообразности и необходимости существования двухпартийных и многопартийных систем, а соответственно, многозвенных систем изучения общественного мнения, как якобы являющихся трибуной для «открытой» и «принципиальной» критики политических промахов тех, кто непосредственно осуществляет власть, а в действительности же открывающих широкие возможности политического маневрирования для представителей монополистического капитала. Естественно, в деятельности и во взаимоотношениях различных буржуазных институтов, занимающихся изучением общественного мнения, есть общее и особенное. Первое состоит в общности их программных и практических установок, направленных на защиту основных интересов господствующих классов. Второе заключается в том, что на специфике работы того или иного института сказывается во многом и его ориентация на отдельные слои и группировки господствующего класса (зависящая во многом и от политической ориентации тех, кто стоит у его руководства), имеющие несовпадающие специфические интересы и разногласия по вопросу способов осуществления общеклассовых интересов. Социальная разнородность буржуазии, следовательно, является объективным фактором, обусловливающим возможность существования в буржуазном обществе многозвенной системы изучения общественного мнения.

Таким образом, краткий анализ целей изучения общественного мнения в буржуазном обществе, места, ко-

торое занимают такого рода институты в политических структурах капиталистических стран, убеждает в том, что никакими реальными преимуществами по сравнению с изучением общественного мнения в СССР и других социалистических странах они не располагают.

Только после утверждения и укрепления власти трудового народа, руководимого рабочим классом и его партией, получения трудящимися возможности активно участвовать в политической жизни, качественного преобразования сущности, социальной направленности и внутренней организации всей политической структуры, превратившейся в механизм подлинного народовластия, создаются благоприятные условия для создания, структурного оформления, функционирования и развития институтов изучения общественного мнения. Решение этой задачи облегчалось наличием у правящей Коммунистической партии, важнейшим источником силы которой всегда была самая тесная связь с миллионными массами трудящихся, традиционных форм учета мнений.

С первых дней после победы Великой Октябрьской социалистической революции началась активная работа по организации демократических институтов.

Партия постоянно заботится о развитии и углублении социалистической демократии. **«КПСС считает,** — подчеркивается в новой редакции Программы партии,— **что на современном этапе стратегическая линия развития политической системы общества состоит в совершенствовании социалистической демократии, все более полном осуществлении социалистического самоуправления народа на основе повседневного, активного и действенного участия трудящихся, их коллективов и организаций в решении вопросов государственной и общественной жизни»** [142]. Этот процесс находит яркое отражение в возрастании роли и значения общественного мнения, которое в советском обществе обладает реальными возможностями для практической реализации своих пожеланий и рекомендаций, связанными не только с существованием в нашем обществе устойчивых традиций демократической жизни (общеизвестно, например, ставшее правилом участие миллионов советских людей — коммунистов и беспартийных — в обсуждении важнейших партийных и государственных документов, позволяющее политическим институтам лучше выверять свою линию, учитывать волю, интересы и потребности всех слоев на-

шего общества), высоким моральным авторитетом общественного мнения, но и наличием конституционных гарантий его действенности (статья 9 Конституции СССР). Это имеет принципиальное значение, ибо сколь бы высок ни был авторитет общественного мнения, сам по себе он не делает реализацию содержащихся в нем пожеланий обязательной, хотя и во многом способствует тому, чтобы его рекомендации были должным образом восприняты и учтены. Учет общественного мнения должен стать нормой деятельности всех институтов, входящих в политическую систему советского общества. Коммунистическая партия учет и сопоставление различных мнений, вносимых трудовыми коллективами и гражданами, выдвигает как важнейшее требование к каждой партийной организации, к каждому коммунисту, независимо от того, какой пост он занимает [143], проводит большую работу по организационному и юридическому обеспечению этой деятельности. XXVII съезд КПСС указал на необходимость четко следовать сложившейся в партии традиции постоянного общения с рядовыми коммунистами, тружениками и решительно осудил факты нарушения принципа коллективности, когда совместная выработка решений подменялась единоличными решениями руководителя, игнорировавшего нередко общественное мнение простых тружеников, не считающегося с ним, забывающего о том, что с фигурой руководителя, прежде всего партийного, люди связывают все плюсы и минусы той конкретной, реальной жизни, которой они живут [144].

В то же время партия очень реально, трезво и взвешенно оценивает процессы, происходящие в политической сфере жизнедеятельности, не позволяя себе как их недооценки, так и переоценки, когда на социалистический образ жизни переносятся черты, которые составят специфику собственно коммунистического образа жизни. Такой подход, продиктованный неадекватным пониманием исторического места и возможностей социализма, подчас приводил к тому, что различия в политической активности трудящихся (имеющей в целом безусловную тенденцию к возрастанию) оценивались как какая-то аномалия, как что-то абсолютно несовместимое с политическими и нравственными нормами социалистического образа жизни или как свидетельство его недостаточного развития. Съезд указал на научную и

практическую несостоятельность облегченных представлений о путях и сроках решения задач коммунистического строительства. Реалистичный подход к оценке общественных процессов, происходящих при социализме, в том числе и политических, показывает, что только собственно при коммунизме носитель общественного мнения — народ, и носитель власти будут целиком и полностью совпадать. Естественно, для этого необходим высокоразвитый механизм практического народовластия, высочайший уровень политической культуры всех без исключения членов общества, а также множество других условий, создание которых будет возможно лишь на высшей стадии развития коммунистической формации. В то же время, поскольку уже сегодня общественное мнение превратилось из объекта политики (стремление подчинить общественное мнение своему влиянию и превратить его, так сказать, в объект политической манипуляции характерно для классово-антагонистических формаций) в её весьма значимый и активный фактор (его роль будет всё больше возрастать по мере дальнейшего углубления социалистического самоуправления народа), постольку уже сегодня, с одной стороны, важно совершенствовать все реально существующие, конституированные средства выражения мнений общественности, формы осуществления практического народовластия как использующиеся эпизодически, так и систематически в повседневной политической практике, а с другой, учитывая накопленный опыт анализа коммунистами мнений трудящихся, улучшать систему сбора, обработки (описания, классификации, аннотации, реферирования, кодирования и т. д.), хранения, размножения и передачи информации, извлеченной из общественного мнения, тем звеньям политической системы, которые действительно испытывают в ней необходимость. Тем более что на современном этапе общественного развития назрела объективная потребность в совершенствовании системы изучения общественного мнения, нашедшая отражение и четко сформулированная XXVII съездом КПСС и объективно обусловленная всей логикой развития социалистической демократии, необходимостью дальнейшей демократизации общества, углубления социалистического самоуправления народа, то есть практическими потребностями общественного организма, а также научными и техническими возможно-

стями решения этой задачи именно сегодня, связанными в первую очередь с интенсивно происходящими в стране процессами компьютеризации (т. е. широкого использования электронно-вычислительной техники для сбора, переработки и хранения информации, а также в деле управления производственными, экономическими и социальными процессами), успехами в деле создания на базе мощных электронно-вычислительных машин, автоматизированных информационных систем.

Эта задача весьма актуальна еще и потому, что на нынешнем этапе развития советского общества остро стоит проблема оптимизации информационных потоков, в том числе и тех, которые связаны с общественным мнением. Естественно, в условиях советской действительности позиции, занимаемые общественностью по тем или иным политическим вопросам, изучаются и по возможности учитываются соответствующими политическими институтами. Однако в практике нередки случаи, когда из общего массива информации, полученной путем изучения общественного мнения, затруднительно, в силу сложности, объемности этой работы, требующей к тому же больших временных затрат, выделить сведения, непосредственно относящиеся к компетенции именно этого органа политического руководства. В итоге возникает ситуация, когда информации вроде бы много, а ее эффективного использования нет. И это связано даже не с нежеланием того или иного руководителя прислушиваться к голосу общественности (хотя такого рода факты, к сожалению, до сих пор встречаются и не случайно с ними ведется решительная и бескомпромиссная борьба [145]), а с нехваткой у него времени [146], отсутствием знания элементарных навыков этой работы. Многие руководители, испытывая потребность в такого рода информации, обращаются в научные учреждения, социологические лаборатории с просьбой оказать помощь в сборе такой информации на общественных началах или на хоздоговорных основаниях. Социологи охотно отзываются на эти обращения, проводят опросы общественного мнения, но подчас их практический эффект бывает весьма далек от ожидаемого, что связано с целым рядом обстоятельств содержательного, методического, процедурного, организационного, психологического и иного характера.

Оценить высказывания общественности, сделать из

этого необходимые выводы и использовать их для совершенствования механизма политического руководства иногда практическому работнику затруднительно из-за того, что итоговый документ, созданный по результатам изучения общественного мнения, бывает перегружен большим количеством эмпирического материала, фактов, частных выводов, за которыми с трудом прослеживаются связи и тенденции. Нужны дополнительные усилия по извлечению из этой информации конкретных рекомендаций. Или, наоборот, отчет слишком теоретичен, отличается обилием выводов глобального характера и далек от тех конкретных вопросов, которые решает тот или иной коллектив, руководитель. Соответственно, содержащиеся в нем выводы нужно переводить на язык решения практических вопросов. И в том и в другом случае встает проблема преобразования имеющейся информации в формы, пригодные для использования на практике, для внедрения.

Чаще всего, в лучшем для исполнителей, а не для дела, случае, заказчик с чувством неудовлетворенности и неверия в возможности социологии подписывает акт приемки-сдачи и отправляет отчет в архив. Поэтому нередки факты, когда груды отчетов пылятся годами и никого не интересуют, так как собирались в форме, непригодной для использования. Не говоря уже о том, что подчас хоздоговоры заключаются с разными организациями и предлагается им то, что было сделано в прошлом для других.

И при всем этом должностные лица порой легко подписывали документы, перечисляли немалые деньги, что объяснялось стремлением заказчика идти в ногу со временем, модой, а также (если хоздоговор был заключен с промышленным предприятием) необходимостью отчитываться перед министерством за расходование средств на разработку и внедрение новшеств. И очень редко хоздоговор расторгался.

Очевидно, назрела потребность в изменении взаимоотношений между социологией и практикой в направлении перенесения центра тяжести с количественных показателей на качественные, с промежуточных результатов на конечные, увеличения заинтересованности (в том числе и материальной в виде процента от прибыли, полученной от внедрения результатов науки, в доведении разработки до реализации), что целиком и полностью

отвечает установкам XXVII съезда КПСС. Естественно, важно учитывать то, что социальный эффект не проявляется немедленно и не всегда реально ощутим. Поэтому необходим дифференцированный подход к оценке результатов исследования общественного мнения. Однако, даже при этом, важна ориентация не на проведение исследования, а на его отдачу.

Есть, естественно, и объективные причины появления двух «типов» отчетов, связанные прежде всего с процессами специализации в науке. При современной емкости и сложности научного труда сочетать в одном лице, так сказать, собирателя фактов и теоретика довольно затруднительно. Однако, отмечая закономерный характер подобного рода тенденции, недостаточно только ограничиваться призывами к умелому сочетанию теоретического анализа со сбором конкретных фактов, служащих базой развития теории. Субъективное стремление сделать это будет с неизбежностью наталкиваться на объективно обусловленные процессы разделения труда, которые, безусловно, сужают поле деятельности отдельной личности, но зато расширяют его для данного вида труда в целом, повышая его производительность, ускоряя возможности решения той или иной научной и практической проблемы в целом. Поскольку специализация влечет за собой две тенденции — связанную с ускорением темпов научного исследования и ведущую к взаимному отдалению теоретиков и собирателей фактического материала, что проявляется в различии методов, которыми они пользуются, в оперировании только им присущими понятиями и т. д., постольку необходимы меры организационного характера, которые учитывали бы эти тенденции. Такой формой организации исследований общественного мнения могли бы быть специально организованные службы, которые бы включали изучение суждений общественности в коллективные рамки и учитывали бы вышеуказанные тенденции. Результативность, а главное практическая ценность подобного рода исследований будет намного выше, если результаты опросов анализируют, обобщают теоретики при самом активном участии специалистов, занимающихся изучением вопросов функционирования и развития партии, государства, профсоюзов, комсомола и т. д., людей, имеющих опыт практической работы в этих органах и знающих их запросы. При этом важно, чтобы все они были органи-

зованы в один коллектив, т. е. непосредственно входили в систему служб, занимающихся сбором информации, но использовались бы строго по назначению, а не на подхвате, для участия в массированных выходах на предприятия для сбора фактологического материала или для выполнения очередной «очень нужной» практикам темы, пусть даже и весьма далекой от круга интересов сотрудников соответствующей службы или лаборатории.

Что касается привлечения консультантов, к которому прибегают во все возрастающих масштабах, то, признавая его необходимость и важность, следует учитывать его плюсы и минусы. К первым, безусловно, относится то, что они не включены в систему руководства — подчинения данной службы, а потому более свободны в своих выводах и оценках, радикальнее в рекомендациях, так как стоят вне поля давления сложившихся в коллективе данной службы норм — отношений, традиций. Удобен институт консультантов и с точки зрения финансовой — нет необходимости просить еще одну штатную единицу. Бесспорно, положительным является и то, что он способен в определенной степени устранить трудности, связанные со специализацией научного труда, обеспечить более конкретную ориентацию исследований общественного мнения на практические запросы того или иного политического института, т. к. представляет науке его запросы. В этом плане есть смысл шире привлекать в качестве консультантов партийных и советских работников, а также работающих в различных общественных организациях.

В то же время нельзя забывать и о том, что роль «приходящего сотрудника», «жестко» не включенного в организацию, может повлечь за собой снижение дисциплинированности и ответственности за итоги своей работы, недостаточно глубокое проникновение в стоящие перед ней вопросы. Не говоря уже о том, что его советы и указания не имеют обязательной силы. А в случаях, правда весьма нечастно встречающихся, когда его советы идут в разрез с представлениями руководителя службы по изучению общественного мнения или штатного сотрудника, занимающегося именно этим кругом вопросов, они могут и вовсе быть не приняты во внимание. Аналогичная ситуация возникает и тогда, когда ожидания заказчика расходятся с представлениями консультанта о своей задаче. Поэтому успех деятельности

консультанта во многом зависит как от его морально-профессиональных качеств, так и от ситуации, сложившейся в коллективе лаборатории, службы, стиля работы ее руководителя и т. д.[147]

Невысокая практическая результативность исследований общественного мнения может быть связана также со слишком общей, аморфной, неопределенной формулировкой целей исследования, отсутствием у него четкой конкретно-практической ориентации, направленностью просто на фиксацию оценок людьми тех или иных политических вопросов, а не на выяснение имеющихся у них представлений относительно путей их практического решения. Отсюда становится ясной важность разработки исследователями предположений о возможных путях решения этих вопросов. Как показывает практика проведения социологических обследований общественного мнения, недостатки такого рода нередки. Обобщая опыт работы Института общественного мнения «Комсомольской правды», его руководитель Б. А. Грушин писал: «К сожалению в практике работы Института общественного мнения имеется немало случаев, когда в результате анализа добытых фактов мы оказывались, что называется, у разбитого корыта: выводы в отношении решения тех или иных вопросов получались у нас настолько тощими и само собой разумеющимися, что ради них явно не стоило проводить исследования. Это случалось каждый раз, когда вопрос поднимался нами слишком общо — когда мы подменяли реальную постановку вопроса, характерную для самой действительности, разного рода мнимыми проблемами (решение которых было заранее известно), то есть не умели добраться до фактических «корней» вопроса, или не имели достаточно четкого представления о том, о каких собственно способах решения вопроса может в принципе идти речь. Напротив, всегда, когда разработка программы исследования отмечалась достаточной целенаправленностью, анализ высказываний общественности, констатирующих факты и отношения действительности, позволял сделать весьма важные, с практической точки зрения, выводы»[148].

Эти моменты льют воду на мельницу встречающихся подчас представлений об отсутствии особой необходимости в исследовании общественного мнения, самоочевидности их выводов, равно как и ошибки в методике их проведения. Однако, если два последних обстоятельства

связаны больше с компетентностью самих исследователей, то есть еще три, которые, как и первые, упираются в решение организационных проблем, связанных с изучением общественного мнения. Речь идет о нарушении процедуры проведения исследования (вследствие малочисленности штатных сотрудников социологической лаборатории и некомпетентности привлеченных к его проведению лиц), а также о несистематичности подобного рода обследований, их неоперативности.

Очевидно, никто не станет отрицать ту роль, которая принадлежит в процессе проведения социологического опроса общественного мнения, тем, кто собирает первичную информацию, интервьюерам, как их называют в специальной литературе. Достоверность и добротность исходных сведений во многом связана с их профессиональной подготовкой, наличием соответствующего базового образования, опыта работы, профессиональной компетентности, уровнем политической культуры, деловыми и нравственно-психологическими качествами. Предполагается, что тот, кто занят в системе социологической службы, обладает этими качествами. Однако практика свидетельствует о том, что это далеко не так. Есть проблемы, связанные с подготовкой кадров для социологических служб, повышением их политической грамотности. Это особенно важно подчеркнуть потому, что никакой опрос не является политически нейтральным, т. к. он всегда сопряжен с внедрением в массовое сознание тех или иных политических оценок, настроений [149] и т. д. Поэтому при проведении анкетирования, интервьюирования не может быть мелочей, здесь имеет значение все: и убежденность интервьюера в том, что данные опроса повлияют на изменение положения дел в лучшую сторону, и умение ясно и просто объяснять цели своего прихода, и наличие психологического такта, проявляющееся в способности быстро находить наиболее приемлемый тон, и необходимую именно в данном случае форму общения с опрашиваемым. Для этого, помимо природных данных, необходима соответствующая подготовка как для профессиональных социологов, так и для анкетеров-общественников.

Реализация этой задачи связана с организацией специальных институтов по изучению общественного мнения как в масштабах страны, так и республики, области, города, района. Нельзя сказать, что такого

рода работа не ведется, она идет. Но ее отличительной особенностью выступает то, что она осуществляется в русле развития сети социологических служб, ориентированных на довольно широкий круг вопросов: производственных, социальных, культурных, бытовых, а также связанных с организацией свободного времени. Задачи же дальнейшей демократизации социалистического общества, углубления социалистического самоуправления народа, поставленные XXVII съездом КПСС, требуют создания сети специализированных служб по изучению общественного мнения, проведению опросов, ориентированных на поиски путей совершенствования и дальнейшего развития механизма социалистического народовластия. Вопрос об организационной структуре подобного рода институтов нуждается в специальном обсуждении [150]. Однако ясно то, что наряду с теоретико-методологическим, исследовательским отделом, отделом документации (названным архивом, информационным отделом или «банком» информационных данных), отделом математической обработки и др., в их состав обязательно должна входить группа или отдел анкетерской сети, включающая профессиональных анкетеров, интервьюеров, работающих на сдельной оплате в свободное от работы время, а также лиц, занимающихся этой деятельностью на общественных началах, для которых она является общественной работой.

В этом случае служба изучения общественного мнения, работающая в тесном контакте с партийными, советскими и государственными органами, могла бы взять на себя функцию организации подготовки и переподготовки интервьюеров. Естественно, без помощи партийных органов в этом деле не обойтись. Во-первых, партия имеет традиционные и высокоэффективные формы подготовки и переподготовки кадров. А во-вторых, собрать на учебу всю районную, городскую, республиканскую сеть анкетеров-общественников, для которых участие в изучении общественного мнения является важным видом общественной деятельности, и вооружить их знанием тех политических задач, которые решает сегодня партия и народ — это под силу только партийным органам. Не говоря уже о том, что обучение общественных анкетеров сопряжено с определенными расходами.

Функционирование такого рода институтов исключило

или свело бы к минимуму погрешности самой процедуры проведения массовых опросов общественного мнения, позволило бы проводить его зондажи не время от времени, эпизодически, а систематически, через определенные временные промежутки с тем, чтобы выяснить, как общественность отреагировала на то или иное решение, постановление, мероприятие, какие проблемы ее больше всего волнуют, какие пути решения их ей кажутся наиболее правильными и т. д. Причем появилась бы возможность проведения на солидной методологической основе оперативных опросов общественного мнения, так называемых экспресс-зондажей.

Скапливающиеся в информационных отделах таких служб обработанные сведения о состояниях общественного мнения очень удобны для использования, выявления, наметившихся тенденций и только еще формирующихся процессов, осуществления надежного прогнозирования, позволяющего лучше видеть завтрашний день, принимать обоснованные решения политического, пропагандистского и контрпропагандистского характера.

Наконец, наличие определенной организационной структуры изучения общественного мнения создает предпосылки не для эпизодического использования электронно-вычислительной техники, а для ее включения в изучение общественного сознания. Следовательно, создание такого рода служб, назревшее в связи с необходимостью дальнейшего совершенствования народовластия, откроет широкие возможности и для эффективной организации социальной информации, содержащейся в общественном мнении, преобразования ее в формы, пригодные для использования в управлении и руководстве, для применения в этих целях достижений современной научно-технической революции и прежде всего информационных систем. Это тем более необходимо, что возник определенный разрыв между уровнем развития автоматизации информационных процессов и степенью использования ее достижений в практике работы со сведениями, полученными путем изучения общественного мнения. Академик В. Г. Афанасьев выделяет несколько этапов автоматизации информационных процессов [151]. Это — начальный, который характеризуется переработкой информации в основном механическими средствами, широким использованием ручного труда в процессе подготовки данных для обработки, перевода их на

машинный язык и обратно, разовым использованием электронно-вычислительных машин (как больших арифмометров), невключенностью их в обработку рассматриваемой информации. Второй этап, этап частичной автоматизации, отличается систематическим использованием ЭВМ, а соответственно повышением роли специалистов, работающих с техническими средствами переработки информации, включенностью ЭВМ в систему управления. И, наконец, третий — связан с такой степенью автоматизации, при которой сбор и отбор информации, ее оценка, аналитическая переработка (описание, систематизация, аннотирование, кодирование и т. д.), хранение и поиск, размножение, распространение, использование, контроль за эффективностью применения предельно механизированы, сопряжены и органически связаны с использованием автоматов. Одним словом, информация немедленно и непрерывно вводится в ЭВМ, что позволяет быстро фиксировать только еще формирующиеся процессы и тенденции, устанавливать зависимости, вовремя получать «подсказку», совет общественности по тому или иному вопросу.

Следовательно, соединение преимуществ социализма с достижениями научно-технической революции, и в частности комплексная автоматизация процессов обработки сведений, содержащихся в общественном мнении [152], также создают благоприятные условия для совершенствования деятельности политических институтов.

Тем более что в нашей стране активно ведутся работы по созданию информационных систем. Есть опыт функционирования таких систем, достижения, которые после соответствующей переработки и осмысления могут быть использованы при создании системы обработки информации, содержащейся в общественном мнении. Так, например, можно многое почерпнуть из арсенала средств обработки экономической и научно-технической информации. У нас в стране, кроме того, впервые в мире стали использоваться математические методы для обработки экономической информации. Не говоря уже о том, что есть опыт, причем обобщенный и осмысленный, использования вычислительной техники в историко-социальных и социологических исследованиях.

Успешное развитие системы изучения общественного мнения (включающей в себя автоматизированную систему переработки информации) находится в прямой

связи с развитием материально-технической базы, наличием соответствующих технических средств переработки информации и прежде всего ЭВМ. Естественно, речь не идет о приобретении какой-либо службой, лабораторией, группой дорогостоящей электронно-вычислительной машины, ибо это нецелесообразно. В том случае, когда такие факты встречаются, есть все основания подумать о серьезности такого рода шагов, предпринимаемых не в силу заботы о повышении качества обработки информации сокращением штата занятых этим работников, а стремлением «удивить», прослыть идущим в ногу, со временем. Не спасает и ссылка на то, что приобретена не большая электронно-вычислительная машина, а малая ЭВМ. Разумеется, преимуществом этих машин, бесспорно, является то, что на них может работать специалист, не изучавший программирования (программа здесь задается на языке довольно-таки близком к обычному языку специалиста, а не переводится — с человеческого языка на машинный, как в больших ЭВМ). Это и другие преимущества малых ЭВМ делают их весьма ценными для облегчения интеллектуального труда. Но речь не об этом. А о том, что применение электронно-вычислительной машины, в том числе и малой, по мере необходимости превращает ее в дорогостоящий арифмометр, не более. За последнее время количество лабораторий, служб, центров по изучению общественного мнения резко возросло и продолжает расти. Каждая из них (из этих организаций) осуществляет опросы и зондажи общественного мнения по собственной методике, трудно согласуемой с методиками других исследований. Соответственно, круг задач, решаемых с помощью электронно-вычислительной техники чрезвычайно узок и сводится главным образом к разовой обработке полученной информации. В силу этого не всегда эффективно и не на полную мощность используется имеющаяся электронно-вычислительная техника. Подобного рода сложности в условиях социалистической действительности вполне преодолимы, так как на путях их решения нет непреодолимых барьеров социально-политического и методологического характера. Прежде всего необходимо отметить, что методологические установки, на которых базируется изучение общественного мнения в капиталистических странах, не представляют собой развернутых концепций со всеми вытекающими отсюда

последствиями — отсутствием ясности в понимании природы этого явления (даже среди тех, кому присуждалась премия Американской ассоциации исследователей общественного мнения), господстве агностицизма, теоретического плюрализма и пр. Что касается создания единых (в масштабе страны) методик изучения общественного мнения, то для буржуазной политологии — это неразрешимая и неосуществимая задача. Поскольку при капитализме любая деятельность связана с бизнесом (не только коммерческих центров, служб при средствах массовой информации, но и академических центров), постольку службы изучения общественного мнения весьма неохотно делятся друг с другом методическим аппаратом, хотя некоторые вещи они вынуждены унифицировать.

Естественно, что такого рода препятствий нет и не может быть при социализме. Нельзя считать, что возможности изучения общественного мнения, созданные социализмом, преимуществами советской политической системы, реализуются автоматически. Однако осуществление должной координации в работе таких служб — научной, методической, математической, технической, вполне возможно. Речь идет в данном случае только о координации этой работы, а не об излишней централизации. Есть смысл иметь разветвленную сеть таких служб, что позволит получать данные нужные именно для данного института. Параллельные структуры в системе изучения общественного мнения не всегда ведут к неоправданному дублированию, а, напротив, способствуют состязательности при установлении связей «снизу — вверх». Лучшая постановка дела изучения позиций людей тем или иным институтом влечет за собой повышение эффективности его функционирования.

Сейчас изучение общественного мнения ведется по нескольким, мало пересекающимся направлениям: наукой, политическими институтами, отдельными предприятиями и организациями и т. д. Рассматриваемый феномен привлекает собственно вузовскую науку, академическую, а также отраслевую. Существуют многочисленные службы при различных политических институтах, но на вузовской основе. Разумеется, тенденция к интеграции политических, партийных способов учета мнений людей и научных способов (прежде всего социологических) прогрессивна. Ее необходимо углублять, что в свою очередь

связано с реорганизацией высшей школы, основные пути которой намечены в документе ЦК КПСС «Основные направления перестройки высшего и среднего специального образования в стране». В настоящее время, как уже отмечалось, создаются партийными органами службы по изучению мнений общественности на вузовской основе. Однако подчас они связаны с вузовской наукой чисто номинально. Кафедры, при которых функционируют такие службы, понимая важность подобного рода исследований, в то же время весьма «неохотно» занимаются ими, перекладывая эту работу на менее квалифицированных работников. И дело здесь не в «нежелании» квалифицированных ученых заниматься этой проблематикой. Дело в другом. Постоянное увеличение в предыдущее десятилетие контингента студентов, а соответственно значительное возрастание нагрузки на преподавателя не могло не отразиться на круге его научных интересов (который иногда ограничивался «студенческой тематикой»).

Определенную роль сыграла и обозначившаяся в последние годы тенденция к изменению соотношения между научно-исследовательской и учебной работой в сторону последней. В принципе это было бы неплохо, если бы коллективы кафедр занимались тем делом, которым они должны заниматься,— обучением и воспитанием, не забывая, конечно, о научной работе и находя оптимальное соотношение того и другого вида деятельности. Но преподавателю вуза приходится выполнять работу организационного характера (писать ответы на разного рода запросы, дежурить в общежитии, контролировать посещаемость и успеваемость студентов, сопровождать их на разного рода мероприятия и т. д. и т. п.), которую должны делать соответствующие вузовские подразделения. Следствием этого явилось то, что преподаватель вынужден вести научно-исследовательскую работу преимущественно в русле читаемых им курсов и спецкурсов, а также некомплексность, раздробленность тематики. Подобное положение находится в противоречии с развитием современного научного знания, и в частности с возрастанием роли и значения коллективных исследований.

Объединение ученых в творческие коллективы на основе единой проблематики позволяет успешно решать крупные проблемы, вести перспективную поисковую дея-

тельность, устанавливать более прочные связи науки и практики[153] (в нашем конкретном случае общественной науки с практикой совершенствования политической системы советского общества). Поэтому не случайно на такого рода кафедрах (которых, к сожалению до последнего времени было меньшинство) существуют проблемные лаборатории, занимающиеся наиболее перспективной проблематикой, ведутся хоздоговорные исследования. Думается, что организация работы кафедр общественных наук на научно-исследовательской основе позволит более эффективно оказывать помощь партийным, государственным и советским органам в изучении общественного мнения. Очевидно, пришло время и для решения проблем, связанных с воплощением разработок в жизнь (если бы, к примеру, высшее учебное заведение получало какой-то процент прибыли от реализации разработки, то оно могло бы более успешно решать задачу ее внедрения в практику), с порядком финансирования такого рода работ, проводимых кафедрами (речь идет о том, чтобы партийные, государственные и другие институты располагали возможностью выделять денежные средства на работы, выполняемые по их заказу). Сегодня «штаты» на осуществление такого рода научно-исследовательских работ кафедры вузов получают «полулегально», иногда в обход правил. Очевидно, есть смысл пересмотреть их, узаконив хозрасчетные отношения между вузами и практическими институтами.

Здесь, соответственно, важно решение всей совокупности организационных проблем, связанных с изучением общественного мнения, и в частности широкое использование автоматизированных систем в процессе обработки информации, содержащейся в нем, что позволит не только обрабатывать и хранить информацию о пожеланиях, ожиданиях, предпочтениях представителей различных групп населения, но и извлекать ее по мере надобности. Заложенные в памяти электронно-вычислительных машин, такого рода материалы не могут быть безвозвратно утеряны, а напротив, к ним могут вновь и вновь (если в этом есть необходимость) возвращаться политические институты, те или иные их подразделения, руководители. В итоге ни одно ценное предложение не будет утрачено, ни одна только еще формирующаяся в общественном сознании тенденция не останется незамеченной. Все сказанное, разумеется, не означает абсолю-

тизации такого рода систем. Важно всегда помнить о том, что степень эффективности их деятельности в первую очередь зависит от тех социально-политических и общественно-экономических условий, в которых они создаются и эксплуатируются.

Процесс учета мнений в практике работы партийных, государственных, советских и общественных организаций, безусловно, не поддается самой «изощренной автоматизации», но вопрос о широком и систематическом использовании электронно-вычислительной техники при обработке данных опросов общественного мнения требует сегодня практической реализации. Новые большие перспективы в этом плане открывают решения XXVII съезда партии, поставившего задачу совершенствования системы изучения общественного мнения [154] и разработавшего программу ускоренного развития отраслей информационной техники.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общественное мнение — это сложнейшее образование, представляющее собой целостную динамическую систему и обладающее рядом характеристик, так называемых интегративных качеств, не сводимых к свойствам образующих его компонентов. Оно состоит из личностных, коллективных и общественного мнения, между которыми могут существовать отношения тождества, единства и противоречия. В то же время, и это важно подчеркнуть, общественное мнение — это вовсе не особая реальность, существующая вне мнений людей. Мнения больших (классов прежде всего), средних (коллективов в первую очередь), малых (бригад, семей и т. д.) социальных групп, общественное мнение в целом не имеют своего самостоятельного бытия и не существуют помимо мнений личностей, они есть не что иное, как теоретическая проекция существенных черт мнений конкретных личностей, в которых уже заложено и мнение тех классов и групп, к которым личность принадлежит.

Общественное мнение может анализироваться на различных уровнях абстрагирования, отвлечения от внутренних характеристик мнений людей, но в реальной действительности качественные особенности различных «видов» мнений переплетены, представляют единое целое.

Среди всех течений в океане мнений особую роль играет общественное мнение классов и в первую очередь — советского рабочего класса. Под его влиянием другие мнения преобразуются, трансформируются, изменяются их направленность, интенсивность, политическая зрелость. И это далеко не случайно. Место и роль, занимаемые рабочим классом в советском обществе, его идеология, последовательно социалистические качества, политика, проводимая Коммунистической партией Советского Союза, выступают важнейшими факторами целостности общественного мнения советского народа, теми причинами, которые делают его внутренне единым и монолитным. Эти же обстоятельства, вместе с общественно-экономическими, социально-политическими и духовными условиями жизни советских людей, определяют внутреннюю организацию общественного мнения и его отдельных подсистем, а также выполняемые ими функции, социальные назначения.

В условиях обновления социалистической действительности общественное мнение все активнее включается в политическую жизнь. Причем функционирование его в политической жизни не сводится только к выполнению им определенных функций (оценки, контроля, стабилизации и т. д.) по отношению к политическому механизму, ибо аналогичные функции оно осуществляет и в отношении других систем — экономической, социальной, духовной, а также по отношению к своим подсистемам. Проведенный анализ показывает, что взаимодействие общественного мнения и советской политической системы более сложно. Оно, в частности, осуществляется следующим образом. Во-первых, в силу того, что советское общество максимально использует демократическую природу социализма, его жизненную потребность питаться творчеством масс, общенародное общественное мнение весьма ощутимо сказывается во всех областях политической жизни: и на работе партийных, государственных, профсоюзных и других политических институтов, и на выработке, принятии, реализации и контроле принятых политических решений, и на определении принципов, организационных структур, полномочий и взаимоотношений политических институтов. Партия предпринимает серьезные шаги по демократизации всех сфер жизни общества, борется за то, чтобы в качестве активных действующих принципов жизни все больше утверждались гласность, правдивость в оценке явлений и событий, создает трудящимся условия для высказывания своих мнений по любому вопросу общественной жизни [155]. Линия партии, выработанная в этом плане январским (1987 года) Пленумом ЦК КПСС, такова: в советском обществе не должно быть зон, недоступных для общественного мнения. Во-вторых, оно активно участвует в выработке политических норм, традиций, т. е. подключается и к регулятивной подсистеме политической системы. В-третьих, сам процесс выработки общенародного общественного мнения способствует во многом укреплению системы разнообразных отношений, существующих между элементами политической системы, внутренней их интеграции. И, наконец, нельзя не заметить роли общественного мнения в духовной подсистеме политической системы, представленной политическим сознанием.

Общественное мнение, таким образом, присутствует и активно заявляет о себе буквально во всех подсистемах советского политического механизма. Поскольку суть демократии составляет власть человека труда, партия предпринимает серьезные шаги по активизации человеческого фактора, добивается, чтобы широкие народные массы были заинтересованы в перестройке, принимали самое деятельное участие в ее практическом осуществлении, в совершенствовании всех сторон жизни советского общества, включая и политическую сферу. «Речь, разумеется, не идет о какой-то ломке нашей политической системы»,— подчеркнул М. С. Горбачев в докладе на январском (1987 года) Пленуме ЦК КПСС [156]. Углубление социалистической демократии направлено на то, чтобы сделать еще более активным участие трудящихся на всех стадиях политического процесса, начиная с создания, конструирования политических организаций, принятия политико-управленческих решений, кончая контролем за их выполнением, функционированием и направлением развития политической системы в целом и ее отдельных институтов. Это в свою очередь требует совершенствования всех форм представительной и непосредственной демократии, последовательного внедрения в их деятельность самоуправленческих начал, качественного преобразования существующих форм учета и реализации мнений. В этой связи самого пристального внимания и анализа заслуживают ясно видимые сегодня и обусловленные демократизацией, процессы организационно-институционального оформления общественного мнения во всех звеньях советского политического механизма, проявляющиеся в появлении групп, служб (и специализации существующих), центров по изучению общественного мнения.

Это обстоятельство обусловило то, что в работе автор не ограничивается теоретико-методологическими аспектами изучения проблемы, а связывает их с решением практических вопросов совершенствования советского политического механизма, особенно тех, которые были поставлены XXVII съездом КПСС. Речь в данном случае идет о возможностях общественного мнения как источника политической информации и о разработке практических рекомендаций по ее извлечению, систематизации и доставке тому политическому институту, который в ней нуждается.

В общенародном общественном мнении присутствуют все виды политической информации, сведения об оценке людьми политических процессов, происходящих сегодня, а также представления о будущем состоянии политических отношений, политической системы в целом. Для того чтобы использовать эту информацию в политической деятельности, политическом прогнозировании, важно так усовершенствовать организационную сторону изучения суждений общественности, чтобы в максимально более короткие сроки и с наименьшими затратами были переработаны первичные данные и получена вторичная информация, способная послужить основой для принятия политических решений. Соответственно, институт изучения общественного мнения (который складывается в политической системе) призван с наибольшей степенью полноты решать задачи регистрации оценок людей, касающихся эффективности функционирования и развития политической системы в целом и ее отдельных звеньев; сбора такого ряда сведений и переработки в формы, необходимые для принятия решений, с широким использованием ЭВМ; распределения информации между различными политическими институтами, ее целевой доставки, учитывающей выполняемые ими функции и их компетенцию; хранения и поиска такого рода информации и выдачи ее по первому требованию партийных, советских и государственных органов.

Совершенствование системы изучения общественного мнения, создание разветвленной специализированной сети таких служб в более широких масштабах во многом облегчается наличием у Коммунистической партии Советского Союза традиционных способов, приемов и методов изучения настроений и социальных ожиданий советских людей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза.— М.: Политиздат, 1986, с. 159.

[2] См.: Горбачев М. С. О перестройке и кадровой политике партии. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 27 января 1987 года.— Правда, 1987, 28 января; Выступление Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на встрече с руководителями средств массовой информации и пропаганды в Центральном Комитете КПСС.— Правда, 1987, 15 февраля.

[3] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 4.

[4] См.: Уледов А. К. Общественное мнение, как предмет социологического исследования.— Вопросы философии, 1959, № 3; Его же. Социализм и общественное мнение.— Вопросы философии, 1960, № 6; Его же. Общественное мнение советского общества. М., 1963; Грушин Б. А. Мнения о мире и мир мнений. Проблемы методологии исследования общественного мнения. М., 1967.

[5] Сафаров Р. А. Общественное мнение и государственное управление. М., 1975.

[6] Сафаров Р. А. Общественное мнение в политической системе развитого социализма.— В кн.: Проблемы партийного и государственного строительства. Вып. 2, М., 1982, с. 160—173; Его же. Проблемы исследования общественного мнения.— Вопросы философии, 1977, № 1, с. 43—44; Его же. Политический статус общественного мнения. Социологические исследования, 1979, № 4, с. 11—22; Его же. Общественное мнение в системе советской демократии. М., 1982; Этнин В. Л. Общественное мнение в политической жизни советского общества.— В кн.: Актуальные проблемы современного политического развития. М., 1982, с. 74—92 и др.

[7] Массовая информация в советском промышленном городе: Опыт комплексного социологического исследования / Под общ. ред. Б. А. Грушина, Л. А. Оникова. М., 1980.

[8] Общественное мнение и пропаганда. М., 1980; Горшков М. К. Партийные организации и общественное мнение. М., 1981; Георгиев Я. Общественно мнение и общественното развитие.— Ново време, 1982, № 3, с. 5—21; Партийное руководство изучением и формированием общественного мнения: Учебн. пособие по спецкурсу «Актуальн. пробл. изучения и формир. общ. мнения в условиях развитого социализма» / А. К. Уледов, А. Н. Величко, В. Н. Маркин. М., АОН при ЦК КПСС, 1984, с. 117—118; Рачков Р. Партията и общественното мнение. София, 1985.

[9] Падерин В. К. Общественное мнение в развитом социалистическом обществе: сущность и закономерности формирования. Казань, 1980.

[10] См. указанные работы А. К. Уледова, Б. А. Грушина, Р. А. Сафарова, а также книги: Уледов А. К. Духовная жизнь общества. Проблемы методологии исследования. М., 1980, с. 211—218; Его же. Общественная психология и идеология. М., 1985; Коробейников В. С. Возрастание роли и значения общественного мнения в жизни социалистического общества. М., 1979; Его же. Пирамида мнений. Общественное мнение: природа и функции. М., 1981; Горшков М. К. «Общественное мнение»

как социологическая категория.— Социологические исследования, 1980, № 4, с. 49—58; Его же. Общенародное общественное мнение. М., 1983.

[11] Особенно много в этом плане защищено кандидатских диссертаций.

[12] См. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 51—52.

[13] Советская Россия, 1981, 28 апреля.

[14] См.: Алексеев Б. К., Докторов Б. З., Фирсов Б. М. Изучение общественного мнения: опыт и проблемы.— Социологические исследования, 1979, № 4, с. 23—32; Их же. Изучение общественного мнения: вопросы организации исследований.— Социологические исследования, 1981, № 1, с. 78—85; Слепенков И. М., Князев Б. В. Молодежь села сегодня. М., 1972; Блинов Н. М., Виноградов Ф. Э. Средства массовой информации и формирование общественного мнения молодежи. М., 1981; Блинов Н. М. и др. Политическая культура и молодежь /Н. Блинов, Ю. Ожегов, Ф. Шереги. М., 1982; Социологические исследования трудовых коллективов г. Москвы и Московской области / Сб. ст. МГУ им. М. В. Ломоносова, Филос. фак., Отд-ие прикл. социол.; Под ред. Б. В. Князева, В. И. Верховина.—М.: Изд-во Московского ун-та, 1986 и другие работы.

[15] В этом плане многое сделано отделом изучения общественного мнения института США и Канады. См. работы: Американское общественное мнение и политика / Ю. А. Замошкин, Э. А. Иванян, М. М. Петровская и др. М., 1978; Замошкин Ю. А. Буржуазная пропаганда и концепции общественного мнения.— В кн.: Общественное мнение и пропаганда, с. 244—269. Петровская М. М. Общественное мнение США: опросы и политика. М., 1977; Ее же. США: политика сквозь призму опросов. М., 1982; см. также: Коробейников В. С. Пирамида мнений, с. 67—147, и другие работы.

[16] См. Коммунист, 1986, № 12, с. 5.

[17] Ануфриев Е. А. Социальный статус и активность личности. (Личность как объект и субъект общественных отношений). М., 1984, с. 55.

[18] См. там же, с. 54—55.

[19] Там же, с. 3.

[20] См.: Сабиров Х. Ф. Человек как социологическая проблема (теоретико-методологический аспект). Казань, 1972, с. 261.

[21] Там же, с. 312.

[22] Руткевич М. Н. Становление социальной однородности. М., 1982, с. 77.

[23] Сабиров Х. Ф. Цит. раб., с. 284.

[24] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 207.

[25] См.: Резвицкий И. Личность. Индивидуальность. Общество: Проблема индивидуализации и ее социально-философский смысл. М., 1984, с. 34.

[26] Там же, с. 31.

[27] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 444.

[28] «Понятие индивидуальности не совпадает целиком с понятием личности. Если понятие личности характеризут человека со стороны его социальной обусловленности, социального содержания, указывая на его социальные позиции и ориентации, то понятие ин-

дивидуальности раскрывает форму, способ его бытия» (Резвицкий И. И. Цит. раб., с. 34).

29 Добрынина В. И., Хорошилов В. А. Марксистская теория личности. (Статья вторая).— Философские науки, 1975, № 3, с. 114.

30 Ануфриев Е. А. Социальная роль и активность личности. Изд-во Московского ун-та, 1971, с. 93.

31 См. подробнее: Нугаев М. А. Трудовая активность рабочего класса развитого социалистического общества. Изд-во Казанского ун-та, 1975.

32 Исследование социального механизма формирования целостной личности содержится в работе: Волков Ю. Г. Целостная личность: сущность, пути формирования. Изд-во Ростовского ун-та, 1985.

33 С этой точки зрения весьма интересной представляется динамическая модель социальной структуры личности, предложенная Е. А. Ануфриевым, в которой преодолена «узость» чисто психологического подхода в структуре личности; показывается, как воспроизводятся в личности специфические особенности конкретной общественно-экономической формации, классовой принадлежности; «набор» тех или иных элементов структуры личности связывается с видами ее деятельности, осуществляемой в различных общностях; подчеркивается, что ядром социальной структуры личности выступают объективные социальные потребности. Ануфриев Е. А. Социальный статус и активность личности, с. 103—104.

34 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 535.

35 См.: Андреева Г. М. Социальная психология. Изд-во Московского ун-та, 1980, с. 260.

36 Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. М., 1971, с. 205.

37 См.: Андреева Г. М. Цит. раб., с. 286.

38 Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 160.

39 Подробнее см.: Капелюш Я. Общественное мнение о выборности на производстве. М., 1969; Известия, 1984, 12 ноября; Правда, 1985, 3 июля и др.

40 Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 84.

41 Там же, с. 59.

42 Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев в речи на совещании актива Хабаровской краевой партийной организации 31 июля 1986 года подчеркнул, что «сильнее ничего нет, как сила общественного мнения, когда она может реализоваться. А реализуется она только в условиях критики и самокритики и широкой гласности» (Правда, 1986, 3 августа).

43 «... В системах совместной деятельности,— пишет Ю. А. Шерковин в предисловии к книге Бородкина Ф. М. и Коряка Н. М. «Внимание: конфликт!»,— участвуют люди, различные по профессиональной подготовленности, жизненному опыту, индивидуальным чертам характера и темперамента и т. д. Эти различия неизбежно накладывают свой отпечаток на оценки и мнения по значимым для группы или коллектива вопросам, порождают порой противоборство, которое часто сопровождается эмоциональным возбуждением и приобретает видимость конфликта. В некоторых ситуациях столк-

новения оценок и мнений заходят столь далеко, что интересы дела отходят на второй план, а борьба становится самоцелью, оказывая дезинтегрирующее воздействие на деятельность всего коллектива. Это уже не конфликт...» (Бородкин Ф. М., Коряк Н. М. Внимание: конфликт! Новосибирск, 1983, с. 5).

При рассмотрении этого вопроса необходимо подчеркнуть несколько методологически важных моментов. Антагонистические и неантагонистические противоречия, бесспорно, конкретизируются в конфликтах. Однако первые проявляются в классовых конфликтах и являются закономерным результатом антагонизма общественной жизни, основанной на частной собственности и эксплуатации человека человеком, а вторые выступают субъективной стороной выражения борьбы неантагонистических противоречий при социализме. В отличие от буржуазной «конфликтологии» марксизм признает не только деструктивные, но и конструктивные функции конфликта, что, собственно, обусловлено пониманием противоречия как источника развития. Для буржуазных теорий конфликта характерны кроме того: абсолютизация психологических аспектов конфликтной ситуации и отождествление общественно-политических конфликтов с морально-психологическими.

[44] Петровская Л. А. О понятийной схеме социально-психологического анализа конфликта.— В кн.: Теоретические и методологические проблемы социальной психологии. Изд-во Московского ун-та, 1977, с. 137.

[45] С мнением большинства, если даже оно самым очевидным образом не согласуется с реальным положением дел, «справиться» бывает очень не просто, ибо практически всегда представляется, что неправ именно ты.

[46] См.: Хараш А. У. Руководитель, его личность и деятельность. М., 1981, с. 14.

[47] Правда, 1986, 22 мая.

[48] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 75—76.

[49] Князев Б. В. Коллектив — ассоциация коммунистической формации. Изд-во Московского ун-та, 1979, с. 56.

[50] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 46—47.

[51] Подробнее см.: Здравомыслов А. Г. Проблема интереса в социологической теории. Л., 1964; Лавриненко В. Н. Проблема социальных интересов в ленинизме. Методологические аспекты анализа в свете ленинского теоретического наследия. М., 1978; Применительно к общественному мнению эта проблема проанализирована В. С. Коробейниковым (О динамике общественного мнения.— В кн.: Социологические проблемы общественного мнения и деятельности средств массовой информации. М., 1976, с. 14—18; Его же: Методологические основы изучения общественного мнения.— В кн.: Пресса и общественное мнение. М., 1986, с. 22—27).

[52] В работе не ставилась задача исследования специфики общественного мнения национальных, профессиональных, возрастных и других социальных групп, тем более что проблемы общественного мнения одной из них, молодежи, исследуются в работах советских ученых Н. М. Блинова и Ф. Э. Шереги.

[53] Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 1980, с. 25.

[54] Подробнее о дискуссии посвященной социальному облику граждан будущего бесклассового общества и о неправомерности механического рассмотрения процесса сближения классов и социальных групп, приводящего к умалению ведущей роли рабочего класса, преуменьшению его доминирующего социального примера см.: Косолапов Р. И. Об основах марксистско-ленинской теории рабочего класса.— Вестник МГУ, серия 12. Теория научного коммунизма, 1987, № 1, с. 39—40.

[55] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 40. В Докладе «О перестройке и кадровой политике партии» на январском (1987 года) Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев вновь отметил: «Неправильное отношение было к кооперативной собственности, которая изображалась как нечто «второсортное» и бесперспективное. Все это имело серьезные последствия в аграрной и социальной политике, порождало администрирование в отношениях с колхозами, привело к ликвидации промысловой кооперации» (Правда, 1987, 28 января).

[56] Аитов Н. А. Проблемы социально-классовой структуры советского общества. Изд-во Саратовского ун-та, 1982, с. 85.

[57] Там же.

[58] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 201—202.

[59] Подробнее см.: Илизаров Б. С. Роль рестроспективной социальной информации в формировании общественного сознания. (В свете представлений о социальной памяти).— Вопросы философии, 1985, № 8, с. 69.

[60] «Воспитание молодежи в духе наших идеалов,— пишет В. А. Печенев,— задача непростая, ее правильное решение требует труда и времени. Дело в том, что естественным следствием такого воспитания является, как известно, критическое отношение к действительности, к имеющимся недостаткам, к уровню уже достигнутого социалистического развития, его сопоставление с более отдаленными целями и задачами партии. И это не «издержки» воспитания, как иногда полагают. Без такого отношения нет сознательного, творчески мыслящего строителя нового общества.

Необходимо, однако, настойчиво работать над тем, чтобы такая критика, возникающая как реакция на определенное несоответствие между идеалом и действительностью, никогда не отделялась от позитивной деятельности, направленной на устранение имеющихся недоработок, на дальнейшее совершенствование нового общества, на решение новых, более сложных задач, не порождала бы у части людей, и особенно молодых, стремление стать в позу стороннего критического наблюдателя, который, ничего не делая, не ошибается и потому «всегда прав...».

Обратить на это внимание важно потому, что первой реакцией формирующейся (или не сформировавшейся в идейном отношении) личности на несоответствие между идеалом и действительностью нередко бывает критика, которая принимает не деятельный, а созерцательный характер. Иногда такого рода нежелательные явления связаны с недостатками воспитательного, педагогического процесса — с изображением преимущественно в розовом свете сложных жизненных проблем настоящего и будущего, с которыми неизбежно сталкивается молодежь, покидая школьные или вузовские скамьи. Но еще чаще они связаны с объективными трудностями перехода

от стадии теоретического и эмоционального усвоения тех или иных социальных идеалов, мысленного определения своих целей к их практическому утверждению в деятельности» (Печенев В. А. Социалистический идеал и реальный социализм. М., 1984, с. 50—51).

[61] См. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 93.

[62] Бутенко А. П. Социалистический образ жизни: проблемы и суждения. М., 1978, с. 124—125.

[63] См.: Афанасьев В. Г. Системность и общество, с. 24.

[64] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 203.

[65] Уледов А. К. Духовная жизнь общества. Проблемы методологии исследования, с. 213.

[66] Там же, с. 214.

[67] Там же.

[68] Коробейников В. Пирамида мнений. Общественное мнение: природа и функции, с. 14.

[69] См.: Горшков М. К. Партийные организации и общественное мнение, с. 21.

[70] Прав, на наш взгляд, А. К. Уледов, который считает, что категория «часть» не применима к духовным образованиям. (Уледов А. К. О структуре общественного сознания.— Философ. науки, 1965, № 3).

[71] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 416; т. 40, с. 51, 112, 121, и др.

[72] См.: Коробейников В. С. Возрастание роли и значения общественного мнения в жизни социалистического общества, с. 19.

[73] См.: Общественное мнение и массовая коммуникация. Материалы рабочего совещания. Будапешт, 1972, с. 45.

[74] Массовая коммуникация в условиях научно-технической революции. Л., 1981, с. 28.

[75] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 140, 141—142.

[76] См. подробнее: Американское общественное мнение и политика, с. 32.

[77] Noelle-Neumann E. DIE SCHWEIGESPIRALE. Öffentliche Meinung — unsere soziale Haut. München, Zürich R. Riper, 1980.

[78] Кошев В. М., Красов Ю. А., Суханов В. И. Проблемы разрешения противоречий социализма. Саратов, 1979, с. 121.

[79] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

[80] См.: Грушин Б. А. Мнения о мире и мир мнений. Проблемы методологии исследования общественного мнения, с. 87.

[81] Мизеров С. Д. Роль общественного мнения рабочего класса в социальном управлении.— Проблемы научного коммунизма. Рабочий класс и строительство коммунизма. М., 1975, вып. 9, с. 167.

[82] См.: Горбачев М. С. О перестройке и кадровой политике партии. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 27 января 1987 года.— Правда, 28 января.

[83] См.: Сафаров Р. А. Общественное мнение в политической системе развитого социализма, с. 161.

[84] В основе лежит схема А. С. Макаренко. Макаренко А. С. Собр. соч. М., 1958, т. 5, с. 150—152.

[85] В данном случае понятие «системное, целостное видение» употребляется для обозначения видения не частичного, а всеобъемлющего, в отличие от механистического и редукционистского. При этом имеется в виду целостная система (а именно таковой и является политическая система советского общества) в отличие от системы суммативной. Это первое. Второй момент, который в данном случае принимается во внимание, состоит в признании различий между категориями «целостность» и «качество». При всей их общности вторая категория шире первой. Качественная определенность свойственна политическим системам и социалистического и капиталистического типа. Разумеется, качества той и другой в корне противоположны.

Что касается целостности политических систем, то эта характеристика может быть применена только к системам социалистического типа, ибо политическая система капиталистического типа состоит из внутренне неоднородных составных частей — системы диктатуры буржуазии, системы классового противодействия пролетариата и системы так называемых промежуточных звеньев.

Не говоря уже о том, что «качество и целостность не развиваются в одной плоскости». Качественные изменения в политической системе (до определенного предела, разумеется) не означают нарушения ее целостности.

[86] Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом. М., 1975, с. 85.

[87] Афанасьев В. Г. Системность и общество, с. 71.

[88] Там же.

[89] Там же.

[90] Марченко М. Н. Методологические проблемы исследования политической системы социалистического общества: институциональный подход.— В кн.: Проблемы партийного и государственного строительства. Вып. 5, с. 11—12.

[91] Афанасьев В. Г. Системность и общество, с. 60.

[92] Фарукшин М. Қ. Политическая система развитого социализма и современный антикоммунизм. Изд-во Казанского ун-та, 1980, с. 13.

[93] Разными авторами политические нормы объединяются в отдельную группу по различным критериям. Одни к политическим относят нормы, создаваемые и «насаждаемые» носителями политических отношений. Другие считают возможным в «разряд» политических отнести все нормы, которые прямо или косвенно регулируют политические отношения. Согласно трактовке третьих, к группе политических можно относить любые социальные нормы независимо от предмета их регулирования, если они включают в себя политический аспект, являются «проводниками» политики. Подробнее см. Фаткуллин Ф. Ф. Политические принципы и нормы как элемент политической системы социалистического общества. В кн.: Вопросы теории политической системы социализма. Изд-во Казанского ун-та, 1985, с. 40—51.

[94] Бурлацкий Ф. М. Политическая система развитого социализма. (Некоторые проблемы теории в проекте Конституции СССР). — Вопросы философии, 1977, № 8, с. 25—26.

[95] О типологии партий в советской науке и буржуазной политологии см.: Фарукшин М. Х. Партия в политической системе

советского общества. (Против концепций современного антикоммунизма). Изд-во Казанского ун-та, 1973, с. 74—104.

[96] Бурлацкий Ф. М. Ленин. Государство. Политика. М., 1970, с. 129—130.

[97] По отношению к государству эта задача уже реализована. См. указ. работы Р. А. Сафарова.

[98] См.: Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом, с. 85.

[99] См. там же. Реализацию этих аспектов применительно к политической системе см. в книгах: Политические системы современности. М., 1978, с. 12—17; Актуальные проблемы современного политического развития. М., 1982, с. 9—11; Тихомиров Ю. А. Социализм и политическая деятельность. М., 1984; Маркс и современная политическая теория / Редкол.: Г. Х. Шахназаров и др. М., 1986; Хакимов Р. С. Сущность и социальная роль управленческих отношений. Изд-во Казанского ун-та, 1985 и др.

[100] На это, в частности, обращают внимание Р. А. Сафаров в заключении своей работы «Общественное мнение и государственное управление» и Ю. А. Шерковин в рецензии на эту книгу (Социологические исследования, 1976, № 1, с. 214).

[101] См.: Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом, с. 61—77.

[102] Думается, что за рассмотрением политической информации в узком и широком смысле «стоит» реально существующее обстоятельство, связанное со степенью «включенности» информации в функционирование политической системы. Действительно, есть информация, без которой осуществление политической власти в полном объеме просто невозможно. А есть сведения, которые, хотя и важны, полезны в процессе осуществления политической власти, но не являются для политической системы жизненно необходимыми. Поэтому с самой идеей рассмотрения политической информации в двух смыслах согласиться можно. Если же говорить о терминологии, в которой она оформлена, очевидно, есть смысл говорить о собственно политической и несобственно политической информации. Если первая «обслуживает» политическую сферу, то вторая не только политическую сферу, но и другие области общественной жизни, которые в классовом обществе имеют политическое содержание. Рассматриваемая в первом плане, она есть вид социальной информации, во втором — ее политический «срез», причем «срез» не рядовой, а центральный и важнейший (Подробнее см. Шинкаренко В. В. Проблемы политической информации. М., 1986, с. 31—35).

[103] Грушин Б. А. Мнения о мире и мир мнений, с. 163—164.

[104] Горшков М. К. Партийные организации и общественное мнение, с. 20.

[105] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 132.

[106] См.: Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом, с. 63.

[107] См. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 158.

[108] Подробнее см.: Фарукшин М. К. Партия в политической системе советского общества, с. 80—104.

[109] Политическая система советского общества особенно нуждается в информации, которая последовательно партийна и классова, а значит — научна.

[110] «...Между теорией и методом,— пишет А. П. Шептулин,— имеется органическая взаимосвязь, выражающаяся в том, что теоретические положения определяют требования метода, его принципы, а метод обеспечивает получение соответствующих теоретических выводов, построение теории, проникновение в сущность исследуемого объекта». Шептулин А. П. Диалектический метод познания.— М.: Политиздат, 1983, с. 28. Встречающееся же подчас сведение диалектико-материалистического метода к теории вольно или невольно игнорирует систему приемов, правил, ориентирующих людей в познавательной и предметно-преобразующей деятельности.

[111] Сафаров Р. Общественное мнение в условиях развитого социализма.— Коммунист, 1974, № 12, с. 30.

[112] Коробейников В. Пирамида мнений, с. 14.

[113] См.: Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом, с. 116.

[114] «... В практике работы Института общественного мнения (существовал при газете «Комсомольская правда».— *В. П.*),— пишет Б. А. Грушин,— имеется немало случаев, когда в результате анализа добытых фактов мы оказывались, что называется, у разбитого корыта: выводы в отношении решения тех или иных вопросов получались у нас настолько тощими и само собой разумеющимися, что ради них явно не стоило проводить исследования» (Грушин Б. А. Мнения о мире и мир мнений, с. 296).

[115] Грушин Б. А. Цит. раб., с. 46.

[116] Выступление Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на встрече с руководителями средств массовой информации и пропаганды в Центральном Комитете КПСС.— Правда, 1987, 15 февраля.

[117] Правдивость и реалистичность в работе средств массовой информации — это важнейшие условия их авторитета среди населения. Поэтому при освещении политических вопросов нельзя забывать преимуществ, перспектив развития и идеалов социализма, но и не обходить стороной так называемые острые вопросы. Если люди не получают на них ответы, то они их «находят» или в буржуазных источниках информации, или у различного рода демагогов и скептиков.

Не меньший вред беспроблемное освещение общественного развития приносит и в том плане, что не способствует воспитанию мыслящего человека, серьезно обдумывающего происходящие политические события, имеющего относительно них собственную точку зрения. Отсутствие у человека способности самостоятельно оценивать происходящее, некритическое его восприятие приводит к тому, что «вдруг» обнаруженное противоречие между идеалом и действительностью приводит или к максимализму, стремлению подогнать идеалы или существующую реальность или, наоборот, к разочарованию и приспособленческим формам поведения. В любом случае — это показатель непрочности идейных убеждений и политических качеств человека. Подробнее см.: Коган Л. Н. Цель и смысл жизни человека. М., 1984.

[118] Критика предполагает объективный, чуждый «либерализма» подход к недостаткам, сочетание доверия и уважения к людям с высокой требовательностью, а также правильное реагирование на критику. Подробнее о существе метода критики и самокритики см.:

Ковалев А. М. Некоторые актуальные проблемы теории научного коммунизма. М.: Изд-во Московского ун-та, 1979, с. 89.

[119] В. И. Ленин так характеризовал «проводников» и распространителей враждебных социализму слухов: «либо это человек нервнобольной, который истерически хватает обрывки слухов и не может думать, рассуждать, проверять;

либо это переодетый меньшевик, который сознательно сеет сплетню» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 227).

[120] См. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 88.

[121] Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом, с. 142.

[122] Там же, с. 145.

[123] Тем не менее, роль общественного мнения в практике прогнозирования вообще, и политического в частности, нельзя недооценивать. Для разработки поисковых и нормативных прогнозов обычно используются три метода: экстраполяции в будущее известных тенденций прошлого и настоящего, моделирования и прогнозная экспертная оценка. Что касается последнего метода, то «здесь,— как отмечает И. В. Бестужев-Лада,— возникают сложнейшие вопросы подбора экспертов. Например, если эксперт молодой, начинающий, то ему может не хватить опыта для правильного суждения. И, наоборот, если он в пожилом возрасте, то опыт прошлого способен подвести его при оценках будущего. Если он специалист узкого профиля, то может дать одностороннюю оценку. Если это человек, знающий обо всем понемногу, то оценка может быть поверхностной и, стало быть, опять-таки чревата ошибкой» (Бестужев-Лада И. В. Мир нашего завтра. М., 1986, с. 11—12). А если еще учесть возможность необъективности, а также чисто психологические моменты, связанные с влиянием на него окружающих, то станут ясны положительные стороны экспертных оценок общественного мнения, в которых заключены знания и опыт многих людей. При корректной организации опросов общественного мнения, и в первую очередь, при правильном формировании выборки, составлении опросных листов и хорошей организации самого опроса, недостатки метода экспертных оценок во многом снимаются.

[124] Важно подчеркнуть, что закономерности развития духовной подсистемы политической системы всегда так или иначе отражают развитие ее материальной стороны. Но как бы то ни было, эти закономерности не могут проявиться в «чистом» виде, так как носят статистический, вероятностный характер, говоря словами Ф. Энгельса, «не имеют иной реальности, кроме как в приближении, в тенденции, в среднем...» (Маркс К., Энгельс Ф., Соч. т. 39, с. 355).

[125] Фарукшин М. Х. Политическая система развитого социализма и современный антикоммунизм, с. 26.

[126] См.: Gallup G. Jr., Proctor W. FORECASI 2000. New Uork, Morrow, 1984.

[127] Сергиев А. В. Предвидение в политике. М., 1974, с. 132.

[128] После того как политическая система прошла период возникновения и становления, превратилась в сравнительно устойчивую целостность (сравнительно, потому что всякое равновесие относительно и временно), закономерности ее развития действуют и

проявляются через законы функционирования. Когда же система начинает переходить в качественно иное, более высокое по степени организованности состояние (истории, кстати, известны случаи, когда политические системы переходили в качественно иные, но низшие по степени организованности состояния, при этом внешние формы политических систем или менялись или оставались прежними), тогда закономерности функционирования (или системы в целом или ее отдельных частей) начинают приходить в противоречие с закономерностями развития. Это противоречие может приобретать форму социального антагонизма, если отражает завершающий, конечный этап классово-поляризованной политической системы, прекращение ее существования. Если же оно связано а реорганизацией системы, то законы развития «вскрывают» закономерности функционирования без социальных революций. Это касается в первую очередь политических систем социалистического типа.

129 А. В. Сергиев справедливо отмечает, что «в модели может быть отражена объективная структура политической системы, а также закономерности ее функционирования и развития» (Цит. раб., с. 81).

130 См.: Там же, с. 101.

131 Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 159.

132 Там же, с. 77.

133 Отметим, кстати, что это сравнительно «молодой» институт буржуазной демократии, появление которого во многом было обусловлено усилением реакционности капитализма и необходимостью совершенствования методов политического манипулирования в обстановке усиления революционных выступлений пролетариата. Таким образом, его появление связано не с объективными потребностями развития капитализма, а с потребностями реакционных сил в его сохранении. Нельзя при этом не учитывать и то, что появление подобного института было в какой-то степени уступкой капитализма силам прогресса.

Появление институтов изучения общественного мнения при социализме диктуется внутренней логикой его развития, демократическим его характером.

134 Этот вопрос раскрыт в работах: Петровская М. М. Общественное мнение США: опросы и политика. М.: Международные отношения, 1977; Федотова Л. Н. К истории исследований общественного мнения.— Социологические исследования, 1980, № 4, с. 161—169; Коробейников В. С. Пирамида мнений, с. 87—147 и других.

135 Подробно останавливаться на целях изучения общественного мнения в буржуазном обществе нет необходимости. Этот вопрос достаточно полно освещен в советской литературе. См.: Грушин Б. А. Цит. раб., с. 67; Петровская М. М. Общественное мнение США: опросы и политика. — М.: Международные отношения, 1977, с. 4—9.

136 Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом, с. 49.

137 Поэтому далеко не случаен тот факт, что при перечислении функций идеологии буржуазные авторы, наряду с объяснительной, интегративной, оценочной и охранительной ее ролями обязательно

называют галлюцинаторную. С тем, что последняя функция присуща любой идеологии, трудно согласиться. Марксистско-ленинская идеология всегда отличалась и отличается научностью и никогда не была заинтересована в создании иллюзий относительно функционирования и развития политической действительности. Что касается буржуазной идеологии, то это действительно так. Буржуазное общество будучи не в силах разрешить острейшие противоречия социальной действительности создает их иллюзорное снятие и, как справедливо отмечает советский исследователь П. С. Гуревич, выполняет роль «выхлопного» клапана, посредством которого острейшие классовые конфликты не доходят до критической точки (см.: Гуревич П. С. Буржуазная идеология и массовое создание.— М.: Наука, 1980, с. 91).

[138] Например, скончавшийся в 1984 году на 83 году жизни Джордж Гэллап (основатель одного из крупнейших в мире коммерческих центров по изучению общественного мнения), не уставал повторять, что его институт является частной организацией, выявляет только факты и не занимается политикой (см. подробнее: Бойко К. Г. Институт Гэллапа — США: экономика, политика, идеология, 1972, № 5, с. 110—116; Коробейников В. Пирамида мнений. Общественное мнение: природа и функции.— М.: Молодая гвардия, 1981, с. 87—89 и другие работы). Однако тематика опросов, методологические установки, из которых исходят их организаторы, методы их проведения (включая способы получения репрезентативной группы, выборку, которая осуществляется по структурным схемам, обладающих политической направленностью), постановка вопросов в анкетах, подбор интервьюеров (по рекомендации людей занимающих определенное положение в обществе) и т. д. говорят о классовых «симпатиях» этого института.

[139] У академических учреждений эта связь отчетливо прослеживается при рассмотрении источников финансирования подобного рода исследований. Лишь небольшая часть требуемых для изучения общественного мнения расходов покрывается за счет средств из бюджета учебного заведения, при котором функционирует такой центр. В основном же они финансируются за счет государственных субсидий. А если учесть, что во многих университетах США, при которых функционируют крупнейшие центры по изучению общественного мнения, активно действуют антикоммунистические и антисоветские («русские») центры — кафедры и институты (так, крупнейший в США центр по изучению общественного мнения при Мичиганском университете «соседствует» с шестью кафедрами и институтами, занимающимися разработкой новейших антикоммунистических «теорий» и концепций), то станет ясна причина столь обильных государственных дотаций. Соответственно, цена разговоров о «чисто академических» интересах изучения массового сознания.

[140] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 47.

[141] На деле подобного рода чередование допускается только между партиями, не выступающими за изменение основ буржуазного строя. Подробнее см.: Фарукшин М. Х. Социалистическая демократия и буржуазная «советология» (Очерк критики антикоммунистических концепций). Изд-во Казанского ун-та, 1976, с. 98—101.

[142] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 158.

[143] Там же, с. 159.

[144] Там же, с. 84.

[145] Широко применяемое руководителями делегирование полномочий (т. е. передача подчиненным части своих прав и функций) отнюдь не освобождает их от необходимости хорошо знать оценки такого рода шагов со стороны общественного мнения.

[146] «Лавина информации,— пишет В. Г. Афанасьев,— буквально обрушивается на работников органов управления. От чрезмерного обилия информации страдают прежде всего руководители, поскольку именно они принимают решение на основе той информации, которой располагают. Работа с текущей информацией отнимает уйму времени — 75-80 процентов всего бюджета времени руководителя. И только 20—25 процентов времени уделяется вопросам перспективным, тогда как этим вопросам, как полагают сами руководители, нужно уделять минимум 40 процентов времени» (Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом, с. 183).

[147] В зависимости от субъективных и объективных обстоятельств он может выступать в ролях консультанта-помощника, консультанта-советника, консультанта-оппонента, консультанта-арбитра, консультанта-педагога, воспитателя, консультанта-стажера и т. д. Подробнее см.: Пригожин А. И. Организации: системы и люди. Эффективность трудовых организаций в социалистическом обществе.— М.: Политиздат, 1983, с. 136—147.

[148] Грушин Б. А. Мнения о мире и мир мнений, с. 296.

[149] Поэтому далеко не случайно этой стороне дела во многих капиталистических странах уделяют особое внимание. Так, институт Гэллапа (в США) подбирает интервьюеров только по рекомендации лиц, занимающих определенное положение в буржуазном обществе (и было бы наивным считать, что они исходят из каких-то других соображений, помимо политических, при их выдаче). Канадский институт общественного мнения использует в качестве интервьюеров только женщин, а Институт демоскопии в Алленсбахе (ФРГ) проводит жесткий конкурсный отбор на курсы интервьюеров (из пятисот желающих отбирается лишь два или три человека). Такой подход свидетельствует об исключительно большом, хотя и тщательно скрываемом, внимании правящих кругов капиталистических стран к вопросам идеологической обработки масс. Это повышенное внимание связано еще и с тем, что в сознание людей нужно внести положения, идущие вразрез с объективной логикой общественного развития, систему ложных идей и недоказуемых положений. Поэтому в ход пускается все, в том числе и женское обаяние, способное разрушить психологические барьеры и создать условия для некритического восприятия той или иной информации.

[150] Зарубежные центры по изучению общественного мнения накопили в этом плане довольно большой опыт. Например, Элизабет Ноэль-Нойман, западногерманский исследователь общественного мнения, считает, что институт, занимающийся опросами населения, должен иметь одиннадцать отделов: отдел статистики и математических методов обработки и анализа результатов опроса; отдел подготовки психологических тестов, выбора методов, разработки неструктурированных опросников; отдел составления вопросников; отдел анализа и оценки достоверности результатов; отдел интервьюеров;

отдел обработки результатов, включая счетно-вычислительную технику; отдел подготовки кадров; отдел графики; отдел технической подготовки вопросников и экспертиз; финансово-административный отдел; библиотека и архив (Элизабет Ноэль. Массовые опросы. Введение в методику демоскопии. Перевод с немецкого. Общ. ред. и вступ. статья Н. С. Мансурова. М., 1978, с. 365). Обращает на себя внимание, что в структуре Института демоскопии нет теоретико-методологического отдела, что далеко не случайно и связано с отсутствием в буржуазной социологии общепринятой теории общественного мнения. Это не может не сказаться на степени достоверности результатов. И даже наличие специального отдела, занимающегося проблемами надежности социологического измерения, не меняет положения дел. Нельзя не согласиться с позицией Э. Ноэль, согласно которой опросы общественного мнения будут достоверными только при соблюдении специальных правил на каждом из этапов социологического исследования (с. 53—75), начиная с составления проекта исследования, определения единиц наблюдения (разработки модели, выборки), методов сбора материала, собственно процедуры его получения, кончая стадией анализа и обобщения. Однако сколь бы точно ни придерживался исследователь измерительных процедур, осуществляемых на различных этапах социологического исследования, само по себе это не гарантирует от погрешностей. Качество и надежность измерений, при проведении опросов общественного мнения, тесно связаны с методологическими позициями исследователя, накладывающими существенный отпечаток на построение как общей стратегии анализа надежности всей цепочки операции, осуществляемых в ходе проведения конкретного исследования, так и каждого его этапа. (Анализ методологической роли теории в конкретном социологическом исследовании дан в монографии: Слепенков И. М. Научный коммунизм и конкретные социологические исследования (Методологические и методические вопросы).— М.: Издво Московского ун-та, 1984, с. 81—170).

[151] См.: Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом, с. 179—180.

[152] Следует отметить, что в данном случае речь идет об автоматизации процессов сбора и обработки информации, содержащейся в общественном мнении. И это отнюдь не означает отрицания роли и значения АСУ в управлении политическими процессами. Понятие ОСУ гораздо шире понятия АИС (автоматизированная информационная система) «Оптимизация информации — необходимая, но далеко не единственная функция АСУ» (Афанасьев В. Г. Цит. раб., с. 181).

[153] Конечно, этот вывод не означает противопоставления коллективных форм научного творчества индивидуальным, и тем более отрицания последнего. Важно правильное сочетание того и другого.

[154] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 159.

[155] См.: Горбачев М. С. О перестройке и кадровой политике партии. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 27 января 1987 года.— Правда, 1987, 28 января.

[156] Там же.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Валерий Константинович Падерин

**РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА**

Редактор *Р. С. Александрова*
Обложка художника *Ю. В. Пахомова*
Техн. редактор *Е. Ф. Гаврилова*
Корректор *Р. М. Зарифуллина*

ИБ № 1078

Сдано в набор 20.05.87. Подписано в печать 7.12.87. ПФ 08169. Формат $84\times108^1/_{32}$. Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,24. Усл. кр. отт. 9,4. Уч.-изд. л. 9,53. Тираж 2270 экз. Заказ Р-325. Цена 1 р. 70 коп.

Издательство Казанского университета
420008 Казань, ул. Ленина, 18

Полиграфический комбинат им. К. Якуба Государственного комитета Татарской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 420084 Казань, ул. Баумана, 19

1 р. 70 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАЗАНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА